

**Экологическая этика.
Место человека в природе**

Проф. Маркус Фогт

Ужгород:
Издательство «Карпатская вежа»
2012

502.3 - Природа и общество
УДК 504.03
ББК Б1
Ф 75
551.583 - Изменение климата

Экологическая этика. Место человека в природе. // Сборник материалов проф. Маркуса Фогта (Университет Людвиг Максимилиана). – Перевод с немецкого. – Ужгород: Изд. «Карпатська Вежа», 2012. – 250 с.

Перевод с немецкого

Издано в рамках проекта «Ответственность за Творение в Украине: междисциплинарный и экуменический обмен опытом в сфере устойчивой энергетики и создание Информационного центра в Ужгороде» в сотрудничестве с Университетом Людвиг Максимилиана (LMU, Мюнхен, ФРГ) и при финансовой поддержке фонда Deutsche Bundesstiftung Umwelt (DBU, Оснабрюк, Германия).

Руководитель проекта – проф. Маркус Фогт

Рецензенты:

Д. х. н., проф. Чундак Степан Юрьевич – заведующий кафедрой экологии и охраны окружающей среды ГВУЗ «Ужгородский национальный университет».

К. б. н., доц. Рошко Владимир Гаврилович – заведующий кафедрой энтомологии и сохранения биоразнообразия ГВУЗ «Ужгородский национальный университет».

Рекомендовано к печати:

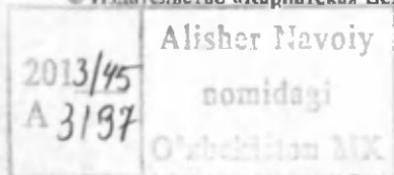
Редакционно-издательским советом ГВУЗ

«Ужгородский национальный университет». Протокол №2 от 15.05.2012 г.

ISBN-978-966-8269-32-6

© Маркус Фогт, 2012

© Издательство «Карпатская Вежа», 2012

Содержание

<i>Предисловие Ректора Ужгородского национального университета</i>	5
<i>Введение</i>	9
I. БУДУЩЕЕ ПРИРОДЫ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ЗАДАЧА	16
1. Природа в сознании человека	16
2. Будущее начинается сейчас! Аспекты устойчивого развития	24
3. Устойчивое развитие требует мужества и возможностей	41
4. Охрана окружающей среды – задача государства?	46
II. МЕСТО ЧЕЛОВЕКА В ПРИРОДЕ – НОВЫЙ ВИД РЕЛИГИОЗНОГО ПОИСКА	68
5. Эволюция и Творение. Дополнение или антитезис?	68
6. Социальный дарвинизм. К вопросу о взаимодействии между понятием природы и социальной теорией	81
7. Взаимоотношения между Богом, Природой и Человеком – развитие современной католической социальной теологии в свете книги Бытия	102
8. Сфера компетенции теологии в дискурсе о защите окружающей среды	124
III. ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ПОЛИТИКИ И ОБЩЕСТВА	139
9. Договор о защите климата. Этические акценты защиты климата и борьбы с бедностью	139
10. Уроки извлеченные из Чернобыля и Фукусимы – этическая оценка	159
11. Энергия будущего. Перспективы перехода к экономике возобновляемых источников энергии	178
12. Возрождение социальной рыночной экономики	192
13. О роли этики в программе «Образование в интересах устойчивого развития»	213
Процесс становления Института эколого-религиозных студий Ужгородского национального университета	243
Библиография (первоисточники), переводчики	248

Content

<i>Preface by the rector of the National university of Uzhgorod</i>	7
<i>Introduction</i>	13
I. NATURE'S FUTURE AS A SOCIAL TASK	16
1. Nature in the head	16
2. The future starts now – dimensions of sustainability	24
3. Sustainability needs courage and chance	41
4. Environment protection: a task for the state?	46
II. MAN'S PLACE IN NATURE – A NEW KIND OF RELIGIOUS QUEST	68
5. Evolution and Creation – complement or antithesis?	68
6. Social darwinism	81
7. God – nature– man	102
8. Christian competence within the frame of the environmental discourse	124
III. CONSEQUENCES FOR POLITICS AND SOCIETY	139
9. Word contract for climate justice and reduction of poverty	139
10. Lessons to be learned from Chernobyl and Fukushima – an ethical evaluation	159
11. Energy for tomorrow – perspectives for a transition into a post-fossil economy	178
12. Renaissance of social market economy	192
13. Education for sustainability	213
The Institute of studies in ecology and religion	246
Bibliography and translators	248

Предисловие Ректора Ужгородского национального университета

В течение последних лет слежу за нарастающим развитием сотрудничества Ужгородского национального университета с зарубежными партнерами из Университета Людвига Максимилиана в Мюнхене. Оно выражается в проведении различных семинаров и прочих международных форумов, издании соответствующей этим форумам литературы, в которой просматриваются идеи этического переосмысления в решении глобальных экологических проблем, которых так достаёт гражданскому обществу, особенно в постсоветских странах.

Сотрудничество с немецкими коллегами логически привело к созданию Института эколого-религиозных студий при Ужгородском национальном университете. Это открывает ещё одну новую, и, надюсь, плодотворную страницу в рамках усиления связей нашего высшего учебного заведения с научными и гуманитарными структурами Европы, и, в то же время, отвечает современной евроинтеграционной политике молодого Украинского государства. Вполне закономерно, что идея создания Института, который призван совершенствовать религиозно-этические понятия в сфере охраны окружающей среды, оказалась географически связанной именно с закарпатским регионом Украины. Его население сумело даже в годы атеистического коммунистического правления сохранить приверженность Церкви и её учению; в сознании коренных жителей края ещё сильны христианско-этические нормы поведения и помыслов. Таким образом, основополагающая база для развёртывания практической деятельности ново-созданного Института в Закарпатской области Украины, несомненно, благоприятнее, чем в восточных регионах страны, подвергшихся более длительному антирелигиозному прессингу со стороны властей.

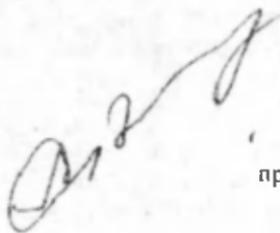
В век технического прогресса значение экологического воспитания и мышления населения приобретает колоссальное значение. Формы внедрения такого мышления в сознание людей могут быть самыми разными. Роль Церкви и христианского учения в этом плане весьма существенна. Ставится вопрос не только о том, что наш мир – Творение Господне – нуждается в защите, но и о том, что необходима разработка действенных методов и способов, позволяющих донести данное утверждение до сознания общества. В том числе и до самих служителей Церкви, помочь последним успешно развивать идеи охраны природы среди своей паствы.

Мы надеемся, что Институт эколого-религиозных студий будет успешно претворять в жизнь эти идеи и в ходе своей деятельности станет своеобразным оплотом нравственного религиозно-экологического воспитания не только в Украине, но и во всей Восточной Европе.

Хочу поблагодарить господина проф. Маркуса Фогта и его команду за помощь в создании Института, а также пожелать начинающему свою деятельность Институту всяческих успехов.

В добрый путь!

Ректор
Ужгородского национального
университета

проф. Вереш М.М.

Preface of Rector Uzhgorod National University

During the last years I have been keeping up with the growing development of co-operation of Uzhgorod National University and its foreign partners from the Ludwig Maximilian University of Munich (Ludwig-Maximilians-Universität München). This can be seen in holding different seminars and other international forums followed by relevant publications where the ideas of new ethical comprehension in solving the global ecological problems are considered, which is vitally important for the civic society, especially in the post-Soviet countries.

The co-operation with the German colleagues logically resulted in foundation of the Institute of Studies in ecology and religion at Uzhgorod National University. This opens new and, I hope, promising opportunities within the framework of lasting relations of our establishment of higher education with scientific and humanitarian structures of Europe, and at the same time it is in accord with the modern approach of integration into Europe in the policy of the young Ukrainian state. It is natural enough that the idea of foundation of an institute intended for improvement of religious and ethical concepts in the sphere of environment protection has found its geographical place in the Transcarpathian Region of Ukraine. Even in the years of the atheistic communist power its population managed to preserve its adherence to the Church and its doctrine; in the minds of the indigenous inhabitants the Christian ethic norms of behavior and thoughts are still alive. So the principal basis for developing the practical activity of the newly formed Institute in the Transcarpathian Region of Ukraine is no doubt more favourable than in the Ukrainian eastern regions that were subjected to more durable antireligious pressing by the former power.

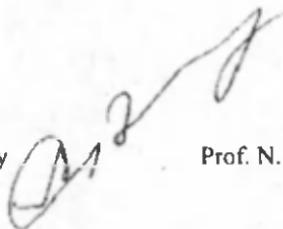
In our age of technical progress, ecological education and thinking of population acquire still greater importance. Formation of such kind of thinking in people's conscience can be made in various ways. In this context the role of Church and Christian doctrine is very essential. The matter is not only in the problem that our world – the Creation of God – needs protection, but also in that of the necessity of elaborating the effective methods and ways for bringing these ideas to the conscience of society, including the clergymen, helping the latter disseminate the ideas of nature protection among the people of their parish.

We hope that the Institute of studies in ecology and religion will successfully carry these ideas into life and in the process of its activity will be a distinctive bulwark of moral religious ecological education not only in Ukraine, but also in whole Eastern Europe.

I would like to express my gratitude to Prof. Markus Vogt and his team for their assistance in establishing the Institute and wish every success to the Institute that has started its activity.

Good luck!

Rector of Uzhgorod National University

A handwritten signature in black ink, appearing to be 'N. N. Vegesh', written in a cursive style. The signature is positioned between the text 'Rector of Uzhgorod National University' and 'Prof. N. N. Vegesh'.

Prof. N. N. Vegesh

Введение

Будущее современной цивилизации во многом зависит от того, удастся ли ей кардинально изменить свое отношение к природе. Оно включает в себя бережное и *экономное* использование постоянно уменьшающихся природных ресурсов, а также напрямую связано с тем, насколько целенаправленно будут осуществляться мероприятия по защите климата, а, следовательно, насколько изменится на национальном и международном уровне отношение к вопросу энергообеспечения. Однако достижению этой цели препятствуют различные конфликты между стремлением к материальному благосостоянию и борьбой с бедностью, а также традиционная модель развития, ориентированная на максимум: «быстрее, выше, дальше». К этому следует добавить недостаток культуры политической ответственности, который особенно остро проявляется в решении экологических проблем. Поэтому существует необходимость их кардинального этического переосмысления.

Данная книга состоит из собрания актуальных дискуссионных работ по вопросам экологической этики в Германии и Европе. Книга разделена на три части. В первой рассматриваются темы будущего природы в плане задач социальной и общественно-политической ответственности. Речь идет о том, насколько значимой может быть природа в качестве этического ориентира для современной науки и общества. В центре внимания находится идея устойчивого развития, защиты природы как составной части понятия справедливости, благополучной жизни и, тем самым, разрабатывается новая концепция прогресса. Каким образом в данном направлении может и должно действовать государство, помимо того, что посредством введения платежей регулировать свободу действий многих фигурантов экономики, общества и науки – это один из острейших вопросов, поставленных, прежде всего, политическим и правовым развитием Германии.

Вторая часть книги содержит основополагающие суждения о Творении Божьем и эволюции, а также о связи науки о природе с христианской верой. Тот, кто определяет нормы блага исходя непосредственно из законов развития природы, тот делает ошибочный натуралистический вывод. История важнейших политических идей конца XIX – начала XX веков несет на себе отпечаток таких заблуждений, возникших из попыток объяснить законы эволюции непосредственно природными процессами, а именно – теорией социодарвинизма.

Существовали абсолютно разные варианты его проявления: капиталистический (в частности в США), расово-гигиенический и империалистический (особенно в немецком национал-социализме), а также его коллективистская форма (прежде всего в марксизме). Книга предлагает научно-теоретическую, этически-правовую и теологическую критику этих подходов и их последствий, ощутимых и сегодня. В свете выше изложенного, христианская экологическая этика акцентирует внимание на том, что природа является этически важным, но и этически противоречивым фактором. Блага в ней не предопределены, они – предначертаны. Исходя из этого, ведется поиск убедительного определения отношений между Богом, природой и человеком. Именно в таком аспекте рассматривается методически-критическое понятие христианской этики сегодняшнего экологического дискурса.

Третья часть книги содержит пять разделов этического самоанализа актуальных политических решений с соответствующими политическими и общественными выводами. Справедливость в вопросах климата рассматривается как общее условие всех сторон общественной жизни. Обсуждение этого понятия должно происходить одновременно с признанием этикой права на борьбу с бедностью, характерной для жизни огромного количества людей многих стран Юга и развивающихся государств бывшего восточного блока. По результатам научных исследований, которые теоретически признаны ООН, для защиты климата в период до середины XX века в целях обеспечения межпоколенческой и глобальной справедливости требуется сокращение эмиссии двуоксида углерода минимум на 80 %. Германия приняла радикальное политическое решение о «повороте в энергетике» и рассматривает его как перспективный шанс развития экономики. Энергетическая система представляет собой не только техническую, но и социальную систему. Следовательно, поворот в энергетической отрасли может быть осуществлен только на основе новой этико-социальной модели и адекватной формы поведения людей.

Особенно острые дебаты развернулись вокруг проблемы энергообеспечения и статуса атомной энергетики. Чернобыль стал всемирным символом высокомерия людей в вопросе недооценки рисков, которые человечество не в состоянии надежно контролировать. Фукусима показала, что катастрофа возможна и в демократических технически очень высоко развитых странах. Тем не менее, большинство стран мира, в том числе Украина и Россия, твердо стоят на позициях использования атомной энергетики и даже стремятся к ее развитию. С этической точки зрения существует дилемма между стремлением обеспечения защиты климата и развитием благосостояния людей.

Потому как прямое сравнение рисков атомной энергетики и изменений климата едва ли возможно, а опыт Чернобыля и Фукусимы еще не до конца изучен, эти вопросы требуют многостороннего и глубокого этического анализа, а также новых методов согласованной технической оценки обществом. Руководящей концепцией, определяющей, каким образом эти этические соображения могут быть использованы в экономической практике, является социальная рыночная экономика. Экономический успех и социальный мир в Германии после Второй мировой войны в значительной степени основан на этой концепции. И сегодня, перед лицом новых вызовов современности, данная тенденция должна развиваться, в том числе и посредством интеграции экологических требований. Критериям устойчивого развития отвечает модель эколого-социальной рыночной экономики. При наличии такой основы она могла бы стать брендом и секретом успеха будущего Европы.

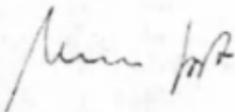
В конце концов, все эти политические мероприятия могут быть успешными лишь в том случае, если будет изменено сознание людей в отношении их ценностей и их знаний об экологических взаимосвязях. Поэтому образование – это неогцсмлемая составляющая просвещенного общества, необходимая для его дальнейшего развития в XXI веке. Настоящая книга предлагает суждения, которые отражены в критическом анализе «Десятилетия образования в интересах устойчивого развития». Эта всемирная акция, инициированная ООН, как программа развития на 2005–2014 годы, до сих пор, однако, не принесла желаемого результата. Особое значение образования для мировой экологической этики обусловлено тем, что оно не является простым набором этических норм, предписанных политическими авторитетами. Эти нормы становятся действенными только в том случае, когда каждый из нас индивидуально обретет ясность в проблемах развития природы и защиты окружающей среды. Разъяснительная работа в этом направлении должна начинаться в семье и в детском саду, продолжаться в школе и в университете и стать ежедневным требованием руководителей в экономике, управлении и политике.

Небольшая по объему книга стала результатом многолетних дискуссий людей, ответственных за принятие решений в науке, церкви, обществе, экономике и политике. Она написана, не в последнюю очередь в контексте мероприятий созданного в 2012 году Института эколого-религиозных студий при Ужгородском национальном университете. Этот комплекс обозначенных проблем является основой работы новосозданного Института, но, прежде всего, это приглашение к дискуссии, которую хотелось бы продолжить для быстро меняющихся условий действительности в Средней и Восточной Европе, особенно в Украине.

Я благодарю г-на д-р. Александра Бокотю и его команду за осуществляемую на высоком уровне неустанную инновационную работу по созданию Института эколого-религиозных студий, а также за перевод текстов данной книги.

Январь 2012

Проф. Маркус Фогт,

Мюнхен (Германия), соучредитель и почетный директор Института эколого-религиозных студий при Ужгородском национальном университете, Украина.

Introduction

Modern civilization needs to develop a fundamentally new relationship to nature; its own future essentially depends upon this. This new relationship needs to be characterized by a considerate and economical consumption of the dwindling resources as well as systematic climate protection and consequently a modified management of energy on a national as well as international level. Nevertheless, the implementation of these goals is hampered by manifold clashes regarding society's aspiration for wealth, the fight against poverty and the traditional concept of development that adheres to the precept «faster, higher, further». Moreover, the lack of a culture of political responsibility is lucidly illustrated in the handling of environmental problems. Therefore, a fundamental ethical reflection is indispensable.

This book offers a collection of essays on the current debate in the field of environmental ethics. It is divided into three parts: the essays in the first part address the future of nature as a task for social and socio-political responsibility. It deals with the question regarding to what extent nature can be relevant for the ethical orientation of modern science and society. In this respect, the concept of sustainability is central, a concept that considers the preservation of nature to be a necessary component for the determination of justice and a good life, and thus outlines a new concept of progress. However, it is a highly contentious question as to which way the state can and should be active in this realm without excessively encroaching on the freedom of the numerous players in the economy, society and science. This will be illustrated by reference to political and legal developments in Germany.

The second part of the book addresses fundamental deliberations on creation and evolution, and hence natural science versus the Christian faith. Those who derive the standards of what is good directly from nature succumb to a naturalistic fallacy. The history of the most important guiding principles of the late 19th and the 20th century is characterized by the errors resulting from attempts to derive what is expected directly from nature or the laws of evolution, namely Social Darwinism. The latter occurred in entirely different variants, i.e. capitalistic Social Darwinism (notably in the United States), a Social Darwinism based on eugenics and imperialism (especially within the frame of National Socialist Germany), and the collectivist variant (particularly in the frame of Marxism). This book offers an epistemological, ethical-humanitarian and theological critique of these experiences and their repercussions that can still be felt today. Against this backdrop, Christian environmental ethics emphasizes that while nature is ethically relevant, it is ethically ambivalent on its own. Nature is the ob-

ject as well as the framework of ethical reflection on the good. Based on this premise, a viable definition of the relationship between God, nature and man is sought within the frame of a methodological and critical reflection on the competencies of Christian ethics within today's ecological discourse.

The third part of this book comprises five chapters on political and social consequences of the ethical reflection for current political decisions. «Climate justice» is considered to be a challenge that comprises almost all realms of social life. Yet within the frame of this debate, the right to poverty eradication has to be ethically recognized, a right that is existentially important to numerous people in the southern hemisphere as well as the newly industrialized countries of the former Eastern Bloc. With the current state of scientific knowledge which has been recognized (at least theoretically) by the United Nations within the frame of its negotiations, climate protection necessitates a reduction of CO₂ emissions by at least 80 % by the middle of the 21st century in order to ensure intergenerational and global justice. Germany's politicians have voted for a correspondingly radical «energy transition» and consider this to be an economic opportunity in the long term. The energy system is not only conceived of as a technical system but equally as a social system. As a consequence, the energy transition can only succeed on the basis of new ethical-social concepts and behavior patterns.

The significance of nuclear energy within the energy debate is particularly contentious. Chernobyl has become the worldwide symbol for man's hubris in regard to the neglect of risks that man cannot reliably control. Fukushima demonstrated that the GAU (maximum credible accident) is also possible in democratic and technologically highly developed countries. Nevertheless, the majority of nations – among them the Ukraine and Russia – hold on to nuclear energy or even desire to expand it. There is an ethical dilemma concerning the matters of climate protection and the development of wealth. Since a direct comparison of the risks of nuclear energy and climate change is hardly possible and the experiences of Chernobyl and Fukushima have not yet been adequately reviewed, these questions require a complex and in-depth ethical analysis as well as the development of new methods for the socially embedded technology assessment.

The social market economy is one of the guiding principles that can help implement these ethical considerations. The economical success and social peace in Germany since World War II are essentially based on this concept. Nevertheless, nowadays this concept has to be expanded due to new challenges, among other things by means of the integration of ecological requirements. This model develops into an ecological social market economy when aligned with the principle of sustainability. Based on this kind of development, it has the potential to become the trademark and secret of success for a sustainable Europe.

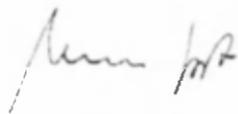
All of these political measures will ultimately succeed only when a shift in thinking takes place regarding man's moral values and his knowledge on ecological correlations. Therefore, education for a sustainable development is an indispensable component of the information society in the 21st century. This book offers reflections that are shaped by a critical analysis of the «Decade of Education for Sustainable Development.» The latter was proclaimed around the world by the United Nations for the years 2005 through 2014; so far the anticipated success has failed to materialize. The special relevance of education for environmental ethics accrues from the fact that it is not simply a set of ethical norms that can be prescribed by political authorities. Instead, it can only come alive when each individual person grapples with the questions of nature and environmental protection. Environmental ethics should already be addressed within families, taught at kindergarten, in schools and at universities; it should be discussed as well on a daily basis on the management floors in economy, administration and politics.

This short book is the result of years of debate with decision makers from science, the Church, society, economy and politics – not least within the context of events and functions at the Institute for Church and Environment (since 2012 the «Institute for Religion and Economic Studies») at the National University of Uzhgorod. It is a basis for research and academics at the above-mentioned institute. But first and foremost it is a proposal for discussion that is intended to be developed further and optimized for the rapidly changing conditions of public decision making in Central and Eastern Europe, especially in the Ukraine.

I wish to thank Dr. Alexander Bokotay and his team for the highly innovative and vigorous work at the Institute for Religion and Ecological Studies and for the translation of this book.

January 2012

Professor Markus Vogt,

Munich/Germany, Co-founder of the Institute for Religion and Ecological Studies at the University of Uzhgorod

1. БУДУЩЕЕ ПРИРОДЫ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ЗАДАЧА

УДК 113

Природа в сознании человека.

1. Трансформация понятия природы как отражение самосознания

Понятие природы, как никакое другое, связано с трудноопределимым многообразием представлений о ценностях и системах мира. Это делает его привлекательным и одновременно спорным. Исторические противопоставления, существующие, например, между природой и культурой, первоначальный смысл которых уже утерян, ведут к поляризации мнений о значимости защиты окружающей среды с точки зрения науки и общества. Политическая экология на основании различных определений и оценок объекта защиты – природы, попадает в число проблем, связанных с определением ориентации. Переворот сознания, произошедший в последнее время, кажется, ведет к расколу между постоянно развивающимся освоением внешней стороны природы и сокращением масштабов познания ее внутренних законов развития. В свете этого противоречия, путем анализа различных определений природы и этики, хотелось бы осознать суть следующих моделей, дающих представление о потенциальных проблемах будущего природы. В то же время данный анализ мог бы быть вводящей статьёй к последующим текстам на тему: «Будущее природы».

2. Возможные проблемы

Будущее природы

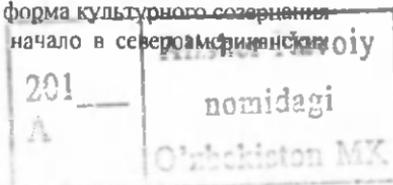
Удивительно, что природа стала объектом заботы человека. Она существовала задолго до нас и настолько сложна, что наверняка справится с вмешательством человечества, если подразумевается более узкое понятие природы, как биосферы Земли. При этом она может измениться настолько, что условия жизни людей станут неблагоприятными. Рассматриваемая через призму долгосрочной стратегии экстремально быстрая экспансия человеческой цивилизации связана с серьезной опасностью дестабилизации условий ее существования. Речь идет не о будущем природы в целом, а о будущем окружающей нас природы, которая радуется, принося удовольст-

вис. Именно она подвергается опасности, на чем особенно акцентировал вниманис Вольфганг Хабер на конференции под названием «Будущее природы». Очень важно изначально объяснить этический аспект её влияния на человека, иначе, при постановке вопроса о будущем природы, последняя будет восприниматься в определенной степени искаженно, гиперболизировано – только в качестве объекта защиты. Будущее природы для нас находится под угрозой и причиной этого, прежде всего, является недостаточное осознание сущности природы внутри нас. Это в значительной степени определено биологической программой экспансии, что в совокупности с сегодняшними техническими возможностями может стать камнем преткновения, который заставит нас выпасть из процесса эволюции. Во всем мире человек в своем развитии превратился в доминирующего «инженера экологии», во многом определяющего, как будет выглядеть его жизненное пространство. Природа стала предметом задачи обустройства жизненного пространства [2].

Устройство природы во многих аспектах совершенно, за период времени в три миллиарда лет эволюция достигла невероятно высокого уровня оптимизации, который может предложить человечеству безграничную «сокровищницу опыта». При обучении общества стратегии выживания на примерах, наблюдаемых в природе, особо важную роль могла бы сыграть «социальная бионика». В экологическом смысле время означает синхронизацию различных ритмов, благодаря которой осуществляется регенерация и приспособляемость, определяется дифференцированная динамика эволюционной конкуренции в природе, которая ни в коем случае не является безграничной, что до сегодняшнего дня предусмотрено в общественном моделировании «социал-дарвинизма». Экологический анализ правил образования различных степеней сложности и иерархии жизненных сообществ этически относителен, и, в то же время, кондичионален (как стратегия достижения определенных целей) не в смысле последних стандартов категорий этики, а потому что понятие справедливости в природе не существует.

Природа в сознании человека

Восприятие естественного передается культурой и поэтому подтверждено историческим процессом изменений. Оно является отраженным выражением человеческого самосознания и социальных структур. В дикой природе «вне» нас мы одновременно ищем утерянный путь к природе в нас самих, внутреннюю свободу по ту сторону общественных обязанностей и планов, отражающих ностальгию общества по потерянному раю. Самый известный прототип ностальгии по утраченной гармонии природы – пасторальный ландшафт, который идеализировался еще в античном искусстве и литературе. В течение нескольких лет в Германии практикуется «дикая» форма культурного созерцания в качестве популярной модели, берущей свое начало в северогерманском

традициях. Это не представляется возможным в азиатских культурах, где предметом восхищения является окультуренная природа. «Ностальгия» по дикой природе, отражающая потребность в свободе, экстремальном опыте и отсутствии планирования, позволяет понять и определить как полярно противоположную чрезмерно окультуренной окружающей среды, широко распространенной в Германии: ландшафт представляет собой почти полностью окультуренную территорию. Это ни в коем случае не соответствует понятию красоты и многообразия девственной природы.

В Средней Европе в повседневной жизни все чаще встречаются примеры сокращения природных территорий: в частности, за счет непрекращающегося уплотнения населенных пунктов и роста городов. Из-за этого происходят негативные изменения нашего представления о природе в сознании человека, т. е. наших знаний о природе, особенно у молодых людей: «Фрагментарно познаваемой природе, окружающей нас в повседневной жизни, постоянно отдаляющейся от нас, противопоставит абстрактная ценность природы псевдорелигиозного характера, которая, как и связанные с ней нравственные заповеди, едва ли имеют что-нибудь общее с повседневной жизнью» [1].

Может быть из-за недостаточно доверительных отношений с природой, в Германии в настоящее время преобладает модель идеализации: концепция природы служит проекционной плоскостью для того, чего не хватает в обществе, и что становится идеалом нормы, отправной точкой радикальной критики общества, как это было еще в античные времена у софистов или в новой истории у Руссо.

3. Объяснение понятия

Различные понятия природы

Понятие природы полно несоответствий, противоречий и тайн. Многие недоразумения в спорах возникают из-за того, что они обусловлены различной трактовкой самого термина. Можно определить пять основных вариантов значений понятия природы:

1. Этимологически оно происходит от латинского «*nasci*», что значит «быть рожденным, расти», и изначально употребляется в биологии, как обобщающая категория животных и растений, а также всего живого.

2. В философском смысле природа подразумевает понятие, соответствующее греческому слову «*ousia*», означающего суть, субстанцию, характер, внутреннюю сущность, которая определяет идентичность какой-либо вещи или живого существа.

3. С естественнонаучной точки зрения природа означает общность данного, то есть, сумму эмпирически осязаемой живой и неживой действительности.

4. С общественной позиции природа противопоставляется понятию культуры или техники, определяя его как то, что предшествует человеческой практике, а также в качестве синонима понятия сельского в отличие от городского, урбанистического.

5. Теологически природа означает область бытия, которая противопоставлена трансценденции Бога и действию его милости.

Все пять трактовок понятия природы наталкиваются сегодня на существенные проблемы, если отсутствуют в достаточном объеме или полностью определяющие условия и контекст. Таким образом, дискуссия о природе в Германии базируется на постоянно изменяемом наборе составляющих различных представлений о природе разных времен. Из-за отсутствия единого или необходимости обязательного консистентного определения природы часто наблюдается отсутствие логической и нормативной базы данного понятия. Это затрудняет понимание отличий между разными подходами к понятию экологической этики в естествознании и в гуманитарных науках, в политике и практике защиты окружающей среды.

Переломы и перевороты в истории понимания природы

Было бы самонадеянно претендовать на объяснение безвыходности и противоречия вариантов понятия природы в определенных здесь рамках; но они должны быть хотя бы названы.

1. Исходя из этимологии слова, основанного, главным образом, на биологическом определении понятия природы, оно изначально тесно связано с аристотелевским представлением об энтелехии (внутренней движущей силе), то есть с пониманием того, что природа уже в себе самой содержит цель её развития и поэтому может восприниматься как субъект деятельности [4]. По Дарвину, представление о понятии энтелехии обусловлено пониманием эволюции, как процесса случайных мутаций и селекции. Неодарвинистское понимание природы как случайного продукта, находящегося в жестком противоречии с эмоциональной «ностальгией» по утраченной гармонии, проявляется, прежде всего, в представлении об экологическом равновесии. Нормативная экология с научно-теоретической точки зрения не имеет территориальной привязки.

2. Философская точка зрения. В обиходе мы говорим о природе вещей и подразумеваем их сущность. Основное метафизическое предположение, позволяющее однозначно определить субстанциальную сущность, как таковую, несмотря на изменчивые внешние признаки, становится философски проблематичным. В рамках доминирующего сегодня атомистического понимания природы понятие субстанции неопределено, а значит неопределены и отличия естественно существующе-

го от акцидентального (случайного), вынужденного или искусственного. Тем самым, утилитаристическому обоснованию понятия защиты окружающей среды не хватает философской основы.

3. Естественнаучная точка зрения. С начала XIX века преобладает эмпирическое определение природы, которое до сегодняшнего дня влияет на самосознание представителей естественных наук. Природа рассматривается как предмет эмпирических наук со своими законами и как общность данного. Однако это очень широкое понятие является логически бессмысленным и неинформативным, если оно излишне обширно и ничему не дает точного определения. Смысл понятия природы становится ясным только в связи с пониманием методов, что в свою очередь, подразумевает наличие определенного подхода (экспериментальный опыт). Однако в этом случае не учитывается аспект исторического характера природы и не может быть объяснено возникновение чего-то нового и комплексно уникального. Ограничение перспективы повторным экспериментом обуславливает наличие механистического мировоззрения, которое сегодня подвергается критике с точки зрения новых подходов в естествознании.

4. Общественная точка зрения. Общепринятое понятие природы в культурном, техническом или общественном контексте приобретает свое специфическое значение исходя из соответствующего дополнительного определения: природа не является чем-то, что определено культурой, техникой или обществом. Логическая проблема этого противопоставления заключается в том, что природа не означает чего-либо, что определяется соответствующей человеческой деятельностью, она есть то общее, в чем эта деятельность является лишь частью: природа не начинается там, где заканчивается культура. Аналогично, и культура не начинается лишь там, где заканчивается природа. Существенный недостаток защиты окружающей среды, забывшей о культуре, и культуры, забывшей о природе, обусловлен ошибочным противопоставлением.

5. Теологическая точка зрения: «Милость предопределяет природу и завершает ее», – так звучит классическое определение Томаса Аквинского для парадоксальных отношений между природой и милостью Бога. Следовательно, теологическая категория сверхъестественного определяется не тем, что она нарушает законы природы – она означает то, что милость (которая может действовать в природе и через нее) превосходит природу и передает её смысл в веру, любви и надежде. Человеку предоставлен опыт любви и милости с целью превзойти самого себя и природу самоутверждения. Для того, чтобы христианская этика помогала успешной жизни, она не должна оставаться на позиции упрямого противостояния природы и милости (благодати) Божией.

Будущее природы, окружающей нас и доставляющей радость, во многом зависит от того, насколько будут преодолены заблуждения, связанные с сосуществованием различных традиционных направлений, и от того, раскростся ли скрытый в них потенциал ориентирования. Навяный возврат к пониманию природы, принятому в прошлом, более невозможен и бессмыслен. Открытым является только путь нового просвещения, т. е. критического самоанализа границ различных концепций понятий и противопоставлений, в частности границ атомистической концепции природы, которая появилась, прежде всего, в контексте новых теорий комплексных систем, а также квантовой физики.

4. Этика

Природа и свобода

Противопоставление природы и этики имеет антропологическую основу: является фактом, что удовлетворение влечения у людей происходит не инстинктивно, а осуществляется путем осознанных действий. Отклонение от этого заключения об инстинктивном и обусловленном законами природы предопределении поведения, ссылка на внутреннюю и внешнюю природу как на причину действий, этически несостоятельно. Противопоставление природы и морали происходит от осознания свободы действий и является условием любой этики. При этом природа ни в коем случае не является границей нравственного самоопределения человека. Например, по уровню экологической выносливости или биологической эффективности, напротив, в той же степени она представляет собой требование, т. е. существенную составную часть предназначения этики: «естественность» в нас и вокруг нас – это важный элемент духовно-нравственного развития и качества нашей жизни. Усиление господства над природой одновременно является расширением способности человека подчиняться.

Примером тому может быть случай использования генно-технического вмешательства для достижения запланированного качественного продукта [3]. В будущем свобода не будет первоочередным требованием дальнейшего освоения природы, в обществе возрастет способность уважать ценность природы в нас и вокруг нас, характерным станет отказ от полного её использования в корыстных целях.

Экспансия познания природы изнутри посредством технических возможностей должна быть сбалансирована соответствующим усилением внутреннего господства природы через культуру и этику. Культивирование внутренней природы человека требует активных усилий по воспитанию умеренности и таких достоинств, как смирение (*lat. humilitas*, дословно – «связь с землей»). Запасов Творения Божьего хватит на

удовлетворение потребностей всех людей, однако, не на удовлетворение их жадности (Gandhi). Креативность, с которой человек активно участвует в открытии законов природы и может способствовать обустройству её будущего, является одним из важнейших источников способности к выживанию в будущем.

Природа как задача культуры

В рамках экологической дискуссии нормативное понимание понятия природы в настоящее время переживает период возрождения. Существует противоположное критическое восприятие мнения о том, является ли среда обитания экологически интактной, что зависит от специфических потребностей и интересов того, кто рассматривает это жизненное пространство как окружающую его среду и хотел бы ею пользоваться. Экология описывает состояния, процессы и взаимодействие условий, но не предлагает критерия приоритетности оценки их перспективы. Положительным в деле защиты природы является результат интерпретации, в которой моральные предпочтения и выводы о ценностях при необходимости исходят от субъектов. Правильный критерий «естественного» не дается изначально, он должен быть определен самостоятельно. Норма в природе не есть общим предопределением, она – открытый, предназначенный для толкования и обустройства порядок. В этом смысле природа является одновременно заданием для культуры. В смысле красоты и биологического разнообразия «ценная» природа часто возникает как побочный продукт цивилизационных изменений, как, например, Люнебургская пустошь, луга в Альтмюльтале или неожиданная, спонтанная дикая природа на промышленной территории. Ренатурация Изара в мюнхенском гражданском движении «зеленый город» («Green City») удачный пример для преодоления ошибочного противопоставления защиты природы и её использования. На этический вопрос, какую природу мы должны защищать, нельзя ответить, используя только естественнонаучные экологические данные, они должны базироваться на общественных представлениях о качестве жизни и справедливости, а также на дифференцированной оценке баланса последствий и целей вмешательства человека в его внутреннюю и внешнюю природу.

Литература

1. Bramer Raincr. Nachhaltige Entfremdung. Jugendreport Natur Marburg, 2003. – S. 71.
2. Ders. Tanjau, A.: Im Namen der Natur! Welcher Natur? Naturverständnisse und – verhältnisse bei ausgewählten Natur und Umweltschutzverbänden, in: Ring, Dieter; Wachter, Monika (Hrsg.): Naturverständnisse in der Nachhaltigkeitsforschung, Frankfurt A. M. 2004. – S. 202.

3. Habermas, Jürgen. Die Zukunft der menschlichen Natur. Auf dem Weg zu einer liberalen Eugenik? Frankfurt, 2001.
4. Vogt, Markus. Naturverständnis und Christliche Ethik. in: Bayerische Akademie für Naturschutz und Landschaftspflege (Hrsg.): Mensch und Natur – Naturverständnis im Strom der Zeit. Laufen, 2001. – S. 103–111.

УДК 304,444

Будущее начинается сейчас! Аспекты устойчивого развития

Основной доклад на Симпозиуме Общества католической социальной этики в Центральной Европе, Загреб, 16–18.04.2009, проф. Маркус Фогт, Мюнхенский университет Людвига-Максимилиана (LMU Munchen).

Моя задача – это первое представление темы симпозиума, объяснить которую я бы попытался на примере восьми аспектов устойчивого развития: 1. исторического, 2. политического, 3. этического, 4. социально-экономического, 5. демократического, 6. культурного, 7. теологического, 8. современно-политического. Таким образом, расширяется спектр тем нашего симпозиума, который благодаря последнему аспекту, знакомит с современным политико-временным толкованием заглавия симпозиума.

1. Исторический аспект. Понятие устойчивого развития берет начало в терминологии отрасли лесного хозяйства

Принцип контроля устойчивого развития нашёл отражение в отрасли саро-пейского лесного хозяйства: бедственное положение лесов в XVI веке пытались исправить при помощи указов, согласно которым можно было вырубать столько деревьев, сколько будет вновь посажено. Термин «устойчивый» впервые был использован в 1713 году в нормах лесного хозяйства [4; 31; 7].

На формирование термина, прежде всего, повлияли теоретические разработки учебного пособия и духовно-исторические импульсы эпохи Просвещения. Он быстро распространился по Европе, особенно в контексте камерализма, благодаря которому понятие «устойчивое развитие» приобрело четкую направленность на государственное и всеобщее благо [25].

В лесохозяйственных нормах XIX века устойчивое развитие изначально рассматривали не как пассивный путь ограничений, а как принцип оптимального лесонасаждения и ухода за соответствующими определенной почве видами деревьев в среде неприхотливых смешанных культур. Карловиц [4] использует понятие «устойчивый» как антоним к определению «бесхозяйственный». Кроме лесного хозяйства, термин использовался и используется для оценки состояния комплексных перспектив как основы для долгосрочной, оптимизированной и эффективной деятельности.

Если обобщить принцип устойчивого развития, определяя его как правило обращения с природными ресурсами, то это будет означать следующее: право собственности определённого поколения на ресурсы непременно ограничено, оно всегда носит характер *usus fructus* (право пользования вещью, принадлежащей другому лицу, с получением от нее плодов или выгод, но с сохранением целостности вещи, её хозяйственного назначения), право получать дивиденды, до тех пор, пока сохраняется возможность получения прибыли. Не человек создал природу, поэтому он, в эмфатическом смысле, и не может быть её собственником [38; 19].

В различных контекстах есть множество вариантов значения принципа устойчивого развития: в экономическом смысле его можно описать так: «жить за счёт процентов, а не за счёт капитала». В экологической экономике устойчивое развитие описывают, как интеграцию экономики в экологический круговорот веществ и временные ритмы [27; 6]. В целом, речь идёт о применении старого сельско – и лесохозяйственного принципа к проблемам управления современным обществом [26].

2. Политический аспект. Устойчивое развитие, как совокупность политики различных сфер

В 1992 году на конференции ООН «Окружающая среда и её развитие» в Рио-де-Жанейро мировое сообщество приняло модель устойчивого развития и определило её, как «Программу действия на XXI век» (Agenda 21). В контексте ООН термин «устойчивое развитие» приобрел новое значение. В первую очередь, инновационным было объединение тем экологии и развития, а также их дальнейшая интеграция во все сферы политики. «Sustainable development» – устойчивое развитие – стало всеобъемлющей моделью глобального партнёрства [16; 1].

Определяющими документами являются: заключительный отчёт комиссии Брундтланда (названа так по имени премьер-министра Норвегии) [15], а также декларации и конвенции конференции ООН «Окружающая среда и её развитие» 1992 в Рио-де-Жанейро; Агенда 21 – обширный, состоящий из 40 глав документ, включающий в себя анализ, предложения и финансовые планы для всех значимых отраслей; Декларация Рио-де-Жанейро (27 этических положений глобальной политики по вопросам окружающей среды и её развития); Рамочная конвенция по вопросам климата (основа для принятого в 1997 году Киотского протокола, а также переговоров по вопросам климата в Колпэнгагене 2009) и Конвенция о биологическом разнообразии, которая была конкретизирована в мае 2008 в Бонне.

Модель устойчивого развития подразумевает защиту окружающей среды, борьбу с бедностью во всём мире, обеспечение мира, общественное

участие в этих процессах, а также свободное стремление к благосостоянию и техническим инновациям, как к взаимозависимым ценностям, достичь которые можно только совместными усилиями. Систематическое акцентирование внимания на многоуровневых связях между экологическими, социальными и экономическими факторами – это стержень концепции устойчивого развития [1].

Таким образом, экологическая политика освобождается от изоляции и пресудомнительно меняет подход, ориентированный только на устранение ущерба, на целенаправленное программирование. Концепция содействия развитию расширяется до рамок мирового партнёрства. Главная этико-политическая идея устойчивого развития – это новое определение условий, границ и целей прогресса: вместо главного критерия общественного развития и политического планирования по принципу: «быстрее, выше, сильнее» – гарантия экологической, социальной и экономической стабильности среды обитания человека, а также глобальное управление рисками [29].

В различных контекстах есть множество вариантов значения принципа устойчивого развития: устойчивое развитие государственного бюджета, определяется как предотвращение его дефицита [3]. В рамках программы помощи тот проект считается соответствующим устойчивому развитию, который после прекращения иностранной поддержки, продолжает действовать, по меньшей мере, среднесрочный период [31].

3. Этический аспект: интеграционная и глобальная справедливость.

Концепция устойчивого развития, принятая в Рио-де-Жанейро, не укладывается, согласно её аргументационной логике, в специфические экологические рамки. Напротив, она основывается на распространении понимания справедливости в глобальных масштабах, объединяющих поколения (глобальная и интергенерационная справедливость). Это логическое последствие глобализации, чьи пространственные и временные ограничения экономического и социального взаимодействия требуют соответствующего расширения этики [19].

В большинстве этических размышлений на тему устойчивого развития справедливость, с точки зрения эгалитаризма, интерпретируется, как равенство (equity), и, таким образом, проявляются два основных этических постулата устойчивого развития: 1. Равные жизненные возможности для будущих поколений. 2. Равное право на всемирнодоступные ресурсы. Оба постулата заключают в себе основополагающие этически системные, культурно-философские, политические и теологические задачи [7; 40; 23; 36].

Равные жизненные возможности для будущих поколений

Начиная с конца 1970-х годов, вера в будущее в промышленных странах стала заметно ослабевать. Поэтому тезис: «Справедливое отношение к будущим поколениям» приобрел значение главного требования [21]. Именно здесь дано самое известное определение понятия «устойчивое развитие»: «Устойчивое развитие – это развитие, которое удовлетворяет потребности нынешних поколений, не отбирая при этом возможность будущих поколений удовлетворять свои запросы» [15].

Удовлетворение требований межгенерационной справедливости в настоящее время находится под угрозой, прежде всего, из-за ускоренного потребления природных ресурсов, постоянного увеличения масштабов загрязнения окружающей среды и, в наибольшей степени, из-за изменений климата. Для принятия решений в пользу достижения межгенерационной справедливости необходима коррекция курса общественного развития, потому как с точки зрения долгосрочной перспективы, сегодняшняя модель благосостояния индустриального социума делает большую часть земли непригодной для жизни. Из этого следует, что необходимы комплексные изменения этики будущего для технологической цивилизации (скорейший основополагающий проект) [21].

Если не следовать идеям «объективной естественной теологии» Йонаса при создании этики будущего в вопросах межгенерационной справедливости (для критики сравнить с [14]), то можно руководствоваться аргументацией принципа обмена справедливостью, сдвинутого по фазе в генеративной цепочке. Это предполагает обеспечение такого уровня для каждого из последующих поколений, который был получен настоящим от предыдущего. Данное утверждение не является неким расплывчатым рассуждением о солидарности, оно – неизбежное требование справедливости [19].

Для доказательства можно обратиться и к «золотому правилу»: элементарный принцип, касающийся каждого следующего поколения – родители не будут поступать с детьми так, как не хотели бы, чтоб с ними поступали их родители.

Постулат межгенерационной справедливости ставит этику перед лицом ряда методических сложностей, поскольку невозможно сделать точные расчеты того, что будет происходить в будущем. В частности, не вполне известны потребности и знания наших потомков. Именно поэтому идея равного распределения ресурсов между поколениями в различных сферах не может помочь в данном вопросе. Конечная цель должна быть выше, нежели передача потомкам мира, в котором достаточно свободного пространства и средств для принятия их собственных решений [38].

Не менее важным, чем сохранение природного и социального жизненного пространства, является также содействие развитию культурных навыков, необходимых для решения непредвиденных проблем будущего (к примеру, с помощью образования и науки).

Равное право на глобально доступные ресурсы

Обеспечение естественных основ жизни на сегодняшний день – это неотъемлемая составляющая борьбы с бедностью [1]. Поскольку нехватка питьевой воды, опустынивание и эрозия плодородных земель, а также изменения природного потенциала, обусловленного климатическими переменами в XXI веке, являются главными причинами и, вместе с тем, последствиями бедности, на глобальном уровне возникает тесная взаимосвязь между экологическими и социальными проблемами [32].

В настоящее время около 20% человечества потребляет более 80% ресурсов. Решающий вопрос теории справедливости – можно ли обеспечить право всех людей на одинаковые возможности использования глобально доступных ресурсов? Поскольку отличие между понятиями «справедливо/несправедливо» относится лишь к деятельности и структурам общества, а не к природному неравенству [30], то такое требование касается, в основном, рамочных условий мировой экономики, а также сфер распределения риска, для чего существует глобальный договор о солидарности (например, Агенда 21 или Рамочная конвенция по вопросам климата).

В рамках глобального экономического импорта сырья многократно используется бедственное положение стран и существует пренебрежение к потребностям бедных слоев населения, и, как следствие этого, возникающее неравное распределение потребления ресурсов превращается в масштабную несправедливость.

Модель для расчёта потребности ресурсов – это так называемая экологическая концепция, согласно которой немецкий «экологический след» (среднее потребление пространства и ресурсов) за пределами страны составляет приблизительно две трети [2]. Программа ООН по вопросам окружающей среды (UNEP) исходит из того, что соответствующие возможности развития для большинства людей в бедных странах можно обеспечить лишь в том случае, если промышленно развитые государства в долгосрочной перспективе сократят потребление природных ресурсов на 90 % [33].

Такие задачи должны быть осуществимы. И в прошлом, и в настоящем можно найти множество отраслей, в которых удалось уменьшить «потребление природных ресурсов», в смысле целенаправленного со-

кращения их потребления или снижения количества выбросов вредных веществ. Примерами могут служить следующие нормативные акты: Указ о применении фильтров в больших промышленных установках для сжигания, принятый для промышленной отрасли в 1980-х годах, предписание использования катализаторов или всемирный запрет на углеводородные соединения фтора и хлора. С методической точки зрения важен тот факт, что предметом дискуссии не является категория потребления ресурса целиком, в расчёт принимаются только конкретные критические параметры, и этим обсуждение ограничено.

Охрана климата как новый критерий справедливости

По оценкам Межправительственной группы экспертов по вопросам изменения климата (МГЭИК/ИРСС), к 2100 году прогнозируется увеличение показателя атмосферной температуры в пределах от 1,1°C до 6,4°C, что приведёт к подъёму уровня морей, таянию ледников и увеличению количества экстремальных погодных явлений (МГЭИК 2007, ч.1: Физические научные основы).

Сегодня невозможно обеспечить долгосрочное и глобально достойное существование людей без мероприятий, направленных на уменьшение влияния на климат, а также без адаптации к их последствиям. Изменение климата «представляет широкомасштабную опасность для среды обитания как сегодняшних, так и будущих поколений, а также для окружающей природы» [5]. Этот аспект приобретает значение главного вопроса политики безопасности [38]. Между тем научно доказано, что причиной изменения климата в значительной степени является человеческий фактор. С этической точки зрения – это вопрос справедливости. В промышленно-развитых странах чрезмерное потребление ископаемых источников энергии стало экологической агрессией, которая отбирает у миллионов людей, проживающих в развивающихся странах, экзистенциальные жизненные возможности и приравнивается к новой форме колониализма (в этот раз анонимно через атмосферные выбросы).

В XXI веке справедливость невозможно реализовать без обеспечения защиты климата, а защиту климата – без справедливости. Так как климат – это коллективное благо, нанесение вреда которому касается всех и пользование которым нельзя индивидуализировать, то для защиты климата легко организовать инвестиции. Следовательно, необходима специфическая институциональная гарантия охраны климата. Полезен был бы общественный договор об устойчивом развитии и сотрудничестве в сфере охраны климата «global deal» [8], а также создание в рамках ООН независимой организации по вопросам окружающей среды, которая будет наделена полномочиями применения санкций.

Защита климата с точки зрения справедливости и этики равнозначна справедливости в отношении CO_2 выбросов. Что касается последнего, то компромисс должен быть выбран из четырех концепций справедливости:

1. Абсолютно равное распределение прав на пользование и эмиссию (для Германии это означает сокращение выбросов CO_2 с 10 до 2 тонн на человека в год).
2. Равенство относительных нагрузок (это значит – процентного сокращения).
3. Претензии согласно производственным мощностям и доле в причинении вреда (увеличение производительности промышленных стран, как главных виновников изменения климата).
4. Применение компенсационных мер (сокращение лесопользования, поддержка экологических (снижающих выбросы CO_2) технологий в других странах).

4. Социально-экономический аспект: операционализация принципа устойчивого развития

Основа справедливости внутри поколений и между ними проявляется в стремлении получения «естественного основного капитала». Его ограниченность – это существенный недостаток для гуманных возможностей жизни и развития будущих поколений.

Наиболее масштабное исследование о глобальном состоянии окружающей среды было опубликовано ООН в марте 2005 в «Оценке экосистем на пороге тысячелетия» («Millennium Ecosystem Assessment») (MEA) [34]. В нем различают 26 основополагающих «услуг», оказываемых природой, например: леса – для получения древесины, земли – для сельского хозяйства или для добычи пресной воды.

Использование пятнадцати из этих природных функций не соответствует принципу устойчивого развития, вследствие чего подвергаются опасности. Особенно драматично выглядят последствия удвоенного забора воды из рек и морей, начиная с 1960 года. Увеличение площадей орошения в сельском хозяйстве и рост населения являются огромной нагрузкой на запасы этого важнейшего природного ресурса (внутренние и грунтовые воды). 1,4 миллиарда человек не имеют сегодня достаточного доступа к чистой питьевой воде. Приблизительно одна четверть плодородных земель и более трети влажных тропических лесов начали гибнуть ещё в середине 20 века.

Вывод однозначен: мы живём за счёт будущего. Господствующие ныне формы экономики, потребляющие в течение короткого времени множества природных ресурсов и сырья, которые формировались на протяжении миллионов лет, не экологичны. Сохранение природного капитала больше не может рассматриваться как роскошь, оно становится условием социальной справедливости и экономической рациональности.

В стремлении к экологизации экономики следует учитывать, что принцип устойчивого развития в чистом биоэкологическом смысле вряд ли может быть применён к современной системе экономики: так, к примеру, городской способ заселения больше неприемлем, поскольку города не могут сами себя прокормить, вследствие чего не могут соответствовать принципу устойчивого развития. «В итоге мы должны признать, что культурное развитие человечества, в частности на промышленно-техническом этапе, не соответствует экологической организации природы и является необратимым процессом» [12]. Невозможно и бессмысленно было бы изменять все социально-экономические процессы общества в угоду изначально существующей в природе модели устойчивого развития. Если не учитывать общественные цели и интересы, которые определяют рассматриваемую сферу вместе с её пространственными и временными структурами, то устойчивое развитие становится бессодержательным. При этом между экологией и экономикой сохраняются в высшей степени напряжённые отношения: с одной стороны, устойчивый уклад экономики часто связан с неблагоприятным положением в сфере конкуренции, потому что он долгосрочен и направлен на защиту коллективного блага. С другой стороны – он является условием стабильности и безопасности и может создавать рабочие места, способствуя развитию, главным образом, трудоёмких сфер, нежели энерго- и ресурсоёмким.

Устойчивым является не максимизация роста, а оптимизация предоставленных средств существования, благосостояния и возможности быть к нему причастным, как можно большего количества людей при минимизации потребляемых ресурсов. Справедливой может быть только ресурсосберегающая модель благосостояния. В перспективе такую модель можно получить только в контексте проведения фундаментальных реформ с целью создания экосоциальной рыночной экономики [26; 39]. В качестве величины определения масштабов и контроля может быть использован «Индекс устойчивого экономического благосостояния («Index of Sustainable Economic Welfare»)), который сравнивает благосостояние не с валовым национальным продуктом, а с критериями устойчивого развития [7]. Устойчиво развивающиеся мероприятия по охране природы ориентируются на долгосрочную профилактику и предотвращение нанесения ущерба окружающей среде. В этом состоит их преимущество по сравнению с процессом ликвидации последствий нанесенного вреда.

5. Демократический аспект: образование и участие общества

Для направленности общества в русло устойчивого развития необходимы комплексные процессы по его ознакомлению и обучению. Если техническая оптимизация и политико-структурные мероприятия не связаны с соответствующей культурой, то они надолго остаются безрезультатными. Создание

экологического сознания, а также изучение соответствующих навыков деятельности – это решающий элемент профилактических мероприятий по охране окружающей среды и глобальной борьбы с бедностью. Вот почему образование является главной составляющей устойчивого развития.

Плюрализм и демократическая инновация

Конструктивная динамика, ориентированная на будущее адаптации социально-экономических процессов и культурных ценностей к природным условиям, основывается, главным образом, на инновациях. Она возможна только в рамках определённой концепции, которая учитывает различные предпочтения, мировоззрения и способности в каком-либо плюралистическом обществе. Уже на основе этой открытости модель устойчивого развития не может быть однозначным правилом определения целей. Это, скорее, система целей, состоящая из независимых компонентов, предлагающих ориентированную на будущее общую перспективу для достижения основанной на этических нормах и, по возможности, сбалансированной координации действий в различных ситуациях [7]. Она представляет собой плюралистическую модель, которая может быть конкретизирована путем реализации различных общественных процессов поиска в экономике, науке и культуре.

Из-за разделения современного общества на автономные подсистемы, каждая из которых по-своему рациональна, экологические и политические императивы могут найти резонанс в обществе лишь в том случае, если они будут переведены в логические понятия разных частей системы. Так, к примеру, экономика может воспринимать экологический дефицит, только если он будет оформлен в виде соответствующих затрат.

Проблема принципа устойчивого развития состоит в постоянном учёте взаимосвязей обмена между социальными, экономическими и экологическими потребностями. Такие услуги «по переводу» между различными общественными подсистемами пока действуют неэффективно: в большинстве случаев оптимизируются отдельные сферы частей системы, в то время как всеобщее благо остается вне поля зрения.

Открытость модели устойчивого развития призывает к усилению активного гражданского участия в жизни общества. Эта основная демократическая идея Агенды-21. «Представительская демократия» [1] – является не только средством, одновременно она представляет собой фундаментальное содержание концепции устойчивого развития. Активное участие в какой-либо сфере жизни не должно быть управляемым сверху, оно должно развиваться постепенно. Через признание и активное участие развивается сознание ответственности. Именно поэтому участие является очень важным элементом этического принципа устойчивого развития.

6. Культурный аспект: образ жизни и новая модель благосостояния

Устойчивое развитие выступит не только за социально-экономическую программу ресурсосбережения, но и за соответствующую новую этико-культурную ориентацию. Современная парадигма прогресса безграничного роста может быть заменена на общую концепцию развития, связанную с круговоротом веществ и временными ритмами природы. В будущем прогрессом может называться лишь то, что будет соответствовать условиям природы [22].

Устойчивое развитие критично относится к закреплению культурных представлений о хорошей жизни в соответствии с экономически обусловленными жизненными целями. «Культура устойчивого развития» рассматривает охрану природы, как задание культуры, и интегрирует качество окружающей среды, как фундаментальной ценности, в определение благосостояния с точки зрения культуры, социального обеспечения, политики в сфере здравоохранения и экономики. Эта культура является выражением заново открытого понятия этики умеренности. На общественном уровне она ориентирована на новую экологическую модель благосостояния. Для большинства людей, проживающих в странах с высокоразвитой экономикой, увеличение шансов стабильного благосостояния возможно не путём увеличения количества продуктов и предлагаемых развлечений, а путём устойчивого развития. Экономическое развитие должно быть отделено от процесса использования окружающей среды.

До сих пор этого не удаётся достичь в достаточной мере, потому как осуществляемое при помощи технических инноваций снижение нагрузки компенсируется постоянным повышением уровня предложений и запросов. Вот почему готовность людей, проживающих в странах с высокоразвитой экономикой, нести эко-социальную ответственность на уровне своих запросов, личного образа жизни и потребления, является решающей сферой деятельности для способности к выживанию общества в будущем и к достижению справедливости.

Обеспечение благосостояния и качества жизни для всего человечества предполагает изменение образа жизни, в первую очередь, состоятельных людей. Это проявляется в ориентированном на качество и бережном потреблении товаров, вместо массового и расточительного потребления. Экологический образ жизни не означает отказ от благосостояния, он предполагает создание разумных, ресурсосберегающих, экологически безвредных структур пользования и распределения для как можно большего количества людей, включая будущие поколения.

Соответствующими концепции устойчивого развития считаются те товары, которые имеют продолжительный срок эксплуатации и легко поддаются ремонту, а также те из них, что изготовлены с небольшими ресурсными и энергетическими затратами. Ремонт вместо замены, качество за счет разумного обслуживания и совместное потребление благ способствуют созданию рабочих мест, ресурсосбережению, а часто и экономии средств. Этому переходу должны содействовать соответствующие политико-правовые рамочные условия.

Неотложная необходимость действий в экологической сфере, а также большие возможности финансовой экономии находятся в энергетической сфере. При этом решающее значение имеет объединение инновационной техники, организаторской оптимизации, а также изменение поведения людей и, вместе с тем, соединение трех стратегий: достаточность (экономичность), эффективность (техническая оптимизация) и замена (энергия, основанная на возобновляемых источниках, а не на ископаемых).

7. Теологический аспект: вера в творение и устойчивое развитие

Институт всемирного наблюдения – *Worldwatch-Institut (WI)* – в Вашингтоне исходит из того, что изменение курса мирового сообщества в пользу устойчивого развития может стать реальностью только в том случае, если религии будут интенсивно участвовать в процессе солидарной ответственности. Специфический религиозный потенциал состоит в духовной установке, долгосрочной этике, формировании мирового сообщества, ритуальном осмыслении и в их институциональном закреплении [10]. В настоящее время они задействованы не в полной мере [35].

Соединение понятий ответственности за Творение и устойчивого развития и для церквей является кропотливым учебным процессом: христианская идея о милосердной любви к ближнему на протяжении веков воспринималась лишь как этическая добродетель, только в связи с принципом солидарности стала эффективной. С точки зрения политики необходим перевод понятия веры в Творение в категорию регуляторной этики. Только тогда она сможет стать политически действенной и подлежащей судебной юрисдикции, а также, возможно, будет способствовать разъяснению конкретных последствий в изменении организационных структур и экономических решений.

Вера в Творение без учета понятия устойчивого развития, с точки зрения структурной этики, слепа. А определению устойчивого развития без веры в Творение (христианской или нехристианской) с этической точки зрения грозит опасность упрощения.

Устойчивое развитие – это забота о будущем, обоснованная надежда которого не является прогрессивным оптимизмом, она представляет собой видение удавшейся жизни в границах естественной природы. Такую надежду по ту сторону прогрессивного оптимизма можно найти в христианской вере: она не основывается на представлении о постоянном улучшении всего и создании человеком совершенного общества. Наоборот, она базируется на экзистенциальном осознании предела человеческой жизни, которое впоследствии может смениться убеждением о спасении и надежде, в том случае, когда человек осознаёт дар жизни и свое значение в обществе.

Такая вера в Творение, которая с определённой покорностью и неприязнательностью ссылается на ограниченность человеческого существования, вносит существенные коррективы в некоторые из интерпретаций концепции устойчивого развития, делающие из неё главную утопию XXI века для глобального эко-социального и экологического управления обществом. Без глубоких измерений критической антропологии и естественной философии устойчивое развитие может стать опасной утопией. С теологической позиции устойчивое развитие требует отказаться от модели безграничного роста. Такая позиция может получить признание, если человек не будет проецировать свою потребность в свободном образе мыслей на создаваемый горизонт будущего, а будет в состоянии открывать его в тайнах жизни.

Если значение веры состоит в преодолении контингентности [24], то тем самым оно вносит специфический вклад теологии в углублённое понимание устойчивого развития, его трансформации из утопии (в смысле обещания всемогущего решения эко-социальных и экономических проблем во всех сферах) в рамки интерпретации для обработки опыта контингентности нашей культуры в процессе разрушения современной веры в прогресс. Без такого трансцендентного, религиозно-духовного масштаба – христианского или нехристианского – устойчивое развитие грозит превратиться в опасную идеологию [28; 36].

Современная модель прогресса основана на естественно-философской механике Ньютона, которая трактует время и пространство, как пустые емкости, как нечто, что не имеет направления и структуры, не имеет начала и конца. Время и пространство – это всего лишь препятствие, которое необходимо преодолеть. Общество ускорения, которое в головокружительном темпе потребляет энергетические ресурсы тысячелетий, и наш темп жизни, определённый императивом «в любое время, всегда и всё», является следствием такого толкования природы. Вера в Творение ищет альтернативы этому и подходящую естественно-философскую базу может найти сегодня в процессуальной теологии [9; 35].

8. Политико-временной аспект: устойчиво-развивающееся будущее уже началось

Проблема устойчивого развития – это проблема времени [18]. Человеческая цивилизация сегодня настолько успешна, что благодаря своей ускоренной экспансии дестабилизирует свою же собственную экологическую нишу (напр., изменения климата, потеря плодородных земель, сокращение запасов пресной воды). Ускорение, созданное снятием ограничений и высоким давлением конкуренции, не оставляет обществу времени на постепенный процесс общественного согласия с желаемыми целями его развития. В некоторых сферах прогресс получил собственную динамику, которая овладевает человеком, вместо того, чтобы он управлял ею.

Крайнее ускорение современного общества можно объяснить проявлением и следствием отсутствия ориентиров:

«Когда вы теряете из виду цель, вы увеличиваете скорость»

(Марк Твен).

Восхваление исторопливости, ставшей уже традиционным объектом фельетонов, тем не менее, не предлагает никакого выхода. Одинокое замедление в условиях современного общества приводит к естественному обнищанию. Способность действовать медленно не является таким ценным качеством, как умение действовать быстро, она обретает смысл через отношение к процессам в природе и обществе, которые требуют не только быстрой активизации, но и способности ожидания синхронизации различных ритмов [13].

Неспешность и обдуманность являются состояниями, в которых человек действует не с помощью собственных сил, как *homo faber* (человек создатель), а ждёт «созревания посеянных семян», полагаясь на социальные и экологические ритмы. Тем, кто хочет идти в ногу со временем [13], нужна не только способность выжидать и приспособливаться к исторопливости и естественному времени некоторых процессов, но и способность целенаправленно принимать меры и действовать быстро.

В конечном итоге, за безудержным стремлением к будущему нашего ускоренно развивающегося общества стоит метафизическая позиция. Искусство требует времени в отличие от согласованности с собственной хронологической относительностью, ведь человек сам является неким «промежутком»: между желанием и его исполнением; на горизонте истинного целевого мышления автоматически возникает концепция времени, как исключительно бессодержательного промежутка [13].

Речь идет о том, чтобы наполнить временную относительность смыслом, осознать и уважать собственную скорость и ритмы жизни природы, а также процессы и события нашей жизни и совместного социального существования, как составляющую часть идентичности и достоинства. Если исходить из иудейско-христианской традиции, которая, в первую очередь, направлена на систематизацию времени, то она может внести существенный вклад в умение обращаться с ускоренным временем постмодерна, например, с помощью обновления культуры воскресенья, как дня отдыха.

Что может сделать политика для такой экологии времени? Современная политика – это совокупность заданий, которые учитывают и защищают отдельное социальное и экологическое время во всех сферах политики, и противопоставляют себя деритмизации промышленной культуры (Held 1995). Экологическая ответственность проявляется в уважении естественных и социально-ориентированных ритмов, как центрального принципа развития живущих и как ориентационной категории правильного временного масштаба [11].

Такая «экология времени» тесно связана с социальными перспективами: ритмы являются важнейшим средством связи, объединяющим общества и дающие возможность индивидуумам локализоваться в социальном пространстве [11]. С точки зрения социальных аспектов, временная политика направлена на временное благосостояние, как на повышение индивидуального временного суверенитета через собственное определение времени, на культуру многообразия времени, которая заменяет соответствующую монокультуру на его разнообразие и на открытие правильного временного масштаба в отношениях с природой [11].

Способность помнить также является мерой жизнеспособности в будущем. Пока что церковь, как старейшая мировая институция на планете, по-своему уполномочена быть институтом будущего. Для христианской теологии будущее уже началось. Однако оно откроется лишь тогда, когда будет заново анамнестически открыто в памяти и подарено современности. Будущее для христиан не является проблемой управления. Оно – открытый вопрос для жизни, надежд и потребностей людей, которые особенно нуждаются, в которых присутствует Бог, и которым Он даровал будущее. Такое единство настоящего, прошлого и будущего в процессе христианской жизни одновременно является экзистенциальным вкладом в постоянные отношения со временем. Человек не может сам вырабатывать жизнеспособность в будущем – понятие, часто употребляемое в качестве синонима устойчивого развития. Он может только позволить принять её в подарок, если станет частью большого целого, которое создает продолжительность и стабильность. Сам Господь, учащий и призывающий к справедливости, и есть источник жизнеспособности в будущем.

Литература

1. BMU [Bundesministerium für Umwelt, Naturschutz und Reaktorsicherheit] (Hrsg.): Konferenz der Vereinten Nationen für Umwelt und Entwicklung im Juni 1992 in Rio de Janeiro – Dokumente (Agenda 21, Konventionen, Rio-Deklaration, Walderklärung), Bonn. 1992. – S. 9–17; 21.
2. BUND/Misereor (Hrsg.). Zukunftsfähiges Deutschland. Ein Beitrag zu einer global nachhaltigen Entwicklung. Studie des Wuppertal Instituts für Klima, Umwelt, Energie, Basel. 1996. – S. 26–53;80.
3. Bundesregierung: Fortschrittsbericht 2008 zur nationalen Nachhaltigkeitsstrategie. Entwurf vom 5. Mai 2008, hrsg. vom Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, Berlin, 2008. – S. 24–27.
4. Carlowitz, H.: Sylvicultura oeconomica. Anweisung zur wilden Baum-Zucht, Reprint Freiberg (Original Leipzig 1713), 2000.
5. DBK [Die deutschen Bischöfe]: Der Klimawandel. Brennpunkt globaler intergenerationeller und ökologischer Gerechtigkeit (Kommissionstexte 29), Bonn, 2007.
6. Detzer, A./Dietzfelbinger, D./Gruber, A./Uhl, W./Wittmann, U. Nachhaltig Wirtschaften. Expertenwissen für umweltbewusste Führungskräfte in Wirtschaft und Politik, Augshurg, 2007.
7. Diefenbacher, H. Gerechtigkeit und Nachhaltigkeit. Zum Verhältnis von Ethik und Ökonomie, Darmstadt, 2001. – S. 170.
8. Edenhofer, O./Flachsland, C. Ein Global Deal für den Klimaschutz, in: Amosinternational 1/2008. – S. 24–33.
9. Faber, R. Gott als Poet der Welt. Anliegen und Perspektiven der Prozesstheologie, Darmstadt, 2003.
10. Gardner, G. Die Einbeziehung der Religion in der Suche nach einer nachhaltigen Welt, in: Worldwatch Institute (Hrsg.): Zur Lage der Welt 2003, Münster. 2003. – S. 291–327.
11. Geißler, K.–H. Das pulsierende Leben. Ein Plädoyer für die Orientierung am Rhythmus, in: Held/Geißler. 1995. – S. 169–191.
12. Haber, W. Nachhaltige Entwicklung – aus ökologischer Sicht, in: Zeitschrift für angewandte Umweltforschung. 1994. 7 (1). – S. 9–13.
13. Haeflner, G. Zeitentwürfe und Eigengeschwindigkeiten, in: Brieskorn, N./Wallacher, J. (Hrsg.): Beschleunigen, Verlangsamen. Herausforderungen an zukunftsfähige Gesellschaften. Stuttgart. 2001. – S. 79–105.
14. Hasted, H. Aufklärung und Technik. Grundprobleme einer Ethik der Technik, Frankfurt. 1991. – S. 167–173.

15. Hauff, V. (Hrsg.) *Unsere gemeinsame Zukunft. Der Bericht der Weltkommission für Umwelt und Entwicklung (Brundtland-Bericht)*, Greven, 1987.
16. Heins, B. *Die Rolle der Staaten für eine nachhaltige Entwicklung der Industriegesellschaften*, Berlin, 1997, – S. 37.
17. Held, M. Rhythmen und Eigenzeiten als angemessene Zeitmaße. Perspektiven einer öko-sozialen Zeitpolitik, in: Held, M./Geißler, K. (Hrsg.): *Von Rhythmen und Eigenzeiten. Perspektiven einer Ökologie der Zeit*, Stuttgart, 1995. – S 169–191.
18. Henrici, P. Il senso cristiano del tempo: Prospettive per un nuovo ordinamento del lavoro e del riposo in una società, in: *Ufficio Nazionale per i Problemi Sociali e il Lavoro (Ed.): Notiziario N. 4 (Dezember 2002)*, 2002. – P. 130–150.
19. Hoffe, O. *Moral als Preis der Moderne. Ein Versuch über Wissenschaft, Technik und Umwelt*, Frankfurt, 1993. – S. 195.
20. IPCC [Intergovernmental Panel on Climate Change]: *Climate Change Fourth Assessment Report*, Nairobi (www.ipcc.de), 2007.
21. Jonas, H. *Das Prinzip Verantwortung. Versuch einer Ethik für die technologische Zivilisation*, Frankfurt, 1984. – S. 102.
22. Korff, W. *Schöpfungsgerechter Fortschritt. Grundlagen und Perspektiven der Umweltethik*, in: *HK 51*, 1997. – S. 78–84.
23. Lienkamp, A. *Klimawandel und Gerechtigkeit. Eine Ethik der Nachhaltigkeit in christlicher Perspektive*, Paderborn, 2009. – S. 290.
24. Luhmann, N. *Die Religion der Gesellschaft*, Frankfurt, 2000.
25. Münk, H., *Starke oder «schwache» Nachhaltigkeit? Theologisch-ethische Überlegungen zur ökologischen Grundkomponente des Sustainability-Leitbilds*, in: *Zeitschrift für Evangelische Ethik [ZEE]*, (43. Jg.), 1999. – S. 277–293.
26. Ostheimer, J./Vogt, M. *Gesellschaftsvisionen im ökologischen Diskurs*, in: *Jahrbuch für christliche Sozialwissenschaften* 45, 2004. – S. 141.
27. Ott, K. Döring, R. *Theorie und Praxis starker Nachhaltigkeit*, Marburg, 2004.
28. Reis, O. *Nachhaltigkeit – Ethik – Theologie. Eine theologische Beobachtung der Nachhaltigkeitsdebatte (Forum Religion & Sozialkultur B 18)*, Münster, 2003.
29. Renn, O. *Risk Governance. Coping with Uncertainty in a Complex World (Risk, Society and Policy)*, London, 2008.
30. Ricken, F. *Gerechtigkeit, philosophisch*, in: Korff, W. (Hrsg.): *Lexikon der Bioethik*, Bd. II, Gütersloh, 1998. – S. 71–73.
31. Schanz, H. *Forstliche Nachhaltigkeit. Sozialwissenschaftliche Analyse der Begriffsinhalte und -funktionen*, Freiburg, 1996.

32. UNDP [Umweltprogramm der Vereinten Nationen] Bericht über die menschliche Entwicklung 2007/2008. Den Klimawandel bekämpfen: Menschliche Solidarität in einer geteilten Welt, Berlin, 2007. – S. 9–35
33. UNEP [United Nations Environment Programme]: Global Environment Outlook 2000, Nairobi, 1999. – S. 360.
34. UNO – World Resources Institute: Millennium Ecosystem Assessment (MEA), Washington, 2005.
35. Vogt, M. Prinzip Nachhaltigkeit. Ein Entwurf aus theologisch-ethischer Perspektive, München, 2009. – S. 426.
36. Vogt, M./Uekötter, F./Davis, M. Prinzip Nachhaltigkeit: ethische Fragen im interdisziplinären Diskurs, München, 2009.
37. WBGU [Wissenschaftlicher Beirat globale Umweltveränderungen] Welt im Wandel. Sicherheitsrisiko Klimawandel, Berlin/Heidelberg, 2008. – S. 190.
38. Weikard, H.–P. Liberale Eigentumstheorie und intergenerationale Gerechtigkeit, in: Birnbacher, D./Brudermüller, G. (Hrsg.) Zukunftsverantwortung und Generationensolidarität, Würzburg, 2001. – S. 46.
39. Weizsäcker, E. U. V./Lovins, A./Lovins, L. Faktor Vier. Doppelter Wohlstand – halbiertes Naturverbrauch. Der neue Bericht an den Club of Rome, München. – 1995.
40. Wulsdorf, H. Nachhaltigkeit. Ein christlicher Grundauftrag in einer globalisierten Welt, Regensburg, 2005.

УДК 304,444

Устойчивому развитию необходимо мужество для изменения с целью формирования общности позиции

«Насыщенное устойчивым развитием» – так описывает новый премьер-министр Кречманн коалиционное соглашение между Партией зеленых и СПД в Баден-Вюртемберге. Его партия, как свидетельствует Кречманн, стремится к созданию общества устойчивого развития. Другие политики также часто пользуются этим термином. Один из них – премьер-министр Хорст Зесхофер. Федеральный канцлер Ангела Меркель на трех страницах своего доклада 26 раз упоминает это понятие. Газета «Die ZEIT» стремится наделить Президента федерации функцией защитника устойчивого развития. ООН также требует «зеленой революции» в руководящих кругах и поворота в сторону устойчивого развития, потому как природные ресурсы не безграничны, а хищническая экономика неуклонно развивается. Что же означает выражение «устойчивое развитие» для всех и каждого, и является ли оно определением политической модели, означающей поворот к справедливому миру? – Абстрактное понятие достаточно сложно для понимания, тем более, что оно слегка устаревшее, потому как впервые упомянуто около 300 лет тому назад. Идейно-историческая основа этого термина облегчает понимание его смысла.

Впервые термин «устойчивое развитие» упомянут в 1713 году. Основой экономики того времени были исключительно возобновляемые источники энергии и сырья. Лес обеспечивал энергией все домашние хозяйства, промышленность и ремесла, он же был основным материалом и сырьем для производства продукции в химической промышленности, строительстве, кораблестроении, машиностроении и т. д. Это означало полную зависимость всей экономики от одного вида сырья – древесины. Рост и развитие экономики были функциями отрасли поставок древесины. Лес в те времена был не элитным сектором экономики, как это, пожалуй, воспринимается сегодня, он выполнял главную функцию для всех ее отраслей. Благополучие людей в XVIII веке зависело от состояния леса. Увеличение количества населения и связанное с этим возрастание спроса, к сожалению, все чаще приводило к нехватке ресурсов. Поэтому обеспечение сырьевого и энергетического потока древесины являлось приоритетом для стабильности народного хозяйства.

1. Устойчивое развитие: просвещение и лесоводство

С экономической точки зрения существует большая проблема с продуктом «древесина»: процессы лесного воспроизводства длятся минимум 50 лет и сопровождаются множеством рисков. Так как причина (лесонасаждение) и следствие (лесозаготовка) разделены длительным промежутком времени, необходим такой ориентированный на процесс вид ведения хозяйства, который перенимают от предшественника, самостоятельно осваивают и незавершенным передают в пользование последователю. Производство древесины – это процесс коллективной последовательной ответственности. Уже более 300 лет существует необходимость долгосрочного и целостного системного мышления менеджеров в этой отрасли. Это рамочные условия, в которых мышление устойчивого развития формируется с учетом этического аспекта народного хозяйства. Идеино-исторически медленно осознаваемый принцип был сформулирован на этапе раннего просвещения. *Sapere aude*, отважься думать! Человек проходит путь от незрелости к разумному мышлению. Природа не рассматривается более как безграничный подарок заботящегося о человеке Бога, она представляется в виде ограниченного ресурса, который необходимо понять, проанализировать и освоить средствами разума для долгосрочной гарантии его плодов.

Действовать согласно с принципом устойчивого развития на языке просвещения означает действовать разумно, размышлять и обдумывать действия. Этого не происходило раньше и не происходит сегодня. Многое остается без изменений, потому что «так было всегда», потому что человеку всегда трудно менять привычный образ мыслей и поведения. Обдумывать – означает всегда соразмерять в собственных поступках ценности и цели для организации их в новую структуру и лишь после этого принимать решения и действовать. Обдумывать – значит пройти путь от бессознательного обращения с вещью к её осознанному использованию; от незапланированного «брать» – к плановому «собрать», от неуважительного «поднять» – к осмотрительному «собрать», от нерачительного употребления – к экологическому использованию. Данные слова сказаны в 1713 году для описания именно этих мыслей: длительного использования! Просвещение привнесло в экономику меркантилизм, а в сферу государственных финансов – камерализм с целью максимально возможного обустройства общества. Даже образование ориентировано на благополучие. Весь XVIII век – век общественно полезных устремлений (Эдуард Шпрингер), все технические проекты связаны с ответственностью за общее благо в смысле секуляризованной морали. Руссо сформулировал это политически метким выражением *volontée generale*. Устойчивое развитие, как стремление масштабного обеспечения ресурсами для всеобщей пользы, на долгие времена является частью нового мышления.

Промышленная революция вводит устойчивому развитию лесного хозяйства

В период около 1800 года в общественно-политической и технико-экономической системе Европы произошел революционный поворот. Старая структура сословного аграрного государства с феодальным укладом, находящегося под влиянием церкви, политически прекратила свое существование, она была заменена современной, основанной на новой конституции и четко определенной административной системе. Частная собственность стала основой экономической системы, меркантилизм был преодолен, новым идеалом стал либерализм: свободный доступ к возможностям, свободный рынок. В технической сфере выражением этого стали паровые машины, которые сначала использовались при производстве текстиля, а затем в транспорте и всех видах экономики, совершив при этом кардинальный переворот. Индустриализация стала решающим переломным моментом истории. Неслыханные до этого времени возможности производства продукции, личного и грузового транспорта радикально изменили жизнь людей. Однако, потребность новых машин в энергии не могла быть удовлетворена запасами древесины. Ограниченное количество древесного сырья и поиск возможностей его замены является одной из важнейших причин индустриализации. Именно в это время была обнаружена имеющаяся в избытке подземная «древесина» – каменный уголь. Это позволило безгранично потреблять энергию и способствовало экономическому росту, который за последние 200 лет составил более 200 процентов. Благодаря новой энергии, которая связана с историей развития Земли, процесс производства освободился от оков возобновляемого сырья. Индустриальная революция начала отсчет эпохи ископаемых источников энергии, существовавшей не за счет плодов своего времени, а использовавшей запасы прошлого. Уголь, газ, нефть стали с тех пор заменой древесины в качестве топлива; сталь, стекло, бетон заменили строительную древесину. Это позволило облегчить нагрузку на природные запасы леса. Вот почему нынешнее лесное хозяйство, само по себе является устойчиво развивающимся, а наша экономика – увы, нет.

2. Устойчивое развитие: концепция «трех китов»

Вторая фаза истории термина «устойчивое развитие» начинает свой отсчет от конференции ООН по вопросам окружающей среды и развития. Здесь речь идет об интеграции процесса охраны окружающей среды и преодоления бедности, то есть глобальной межгенерационной справедливости. На Конференции в Рио в 1992 году была принята концепция «sustainable development» – устойчивого развития для программы, направленной на глобальное партнерство в достижении равноправных целей экологической надежности, экономической эффективности и социальной справедливости (концепция «трех китов»). В Конвенциях по защите климата и биологического разнообразия, прежде всего в

«Агенде 21»), была разработана программа действий на XXI век, чье фундаментальное этическое значение может быть сравнимо только с Декларацией о правах человека. Понятие устойчивого развития сегодня необходимо, потому что оно строит мосты между экономической деятельностью и этической ответственностью, между настоящим и будущим, между причиной и следствием. Устойчивое развитие проходит путь от линейного к системному мышлению. Ни одно другое понятие не объединяет в себе столько социальных, экономических и экологических интересов для будущего развития. Это всеобъемлющее понятие, включающее многие аспекты позитивной структуры будущего. Мероприятия и проекты, которые можно отнести к этому определению, хотели бы отмежевываться от конвенциональной экономики, быть продолжительными и способствовать передаче чувства ответственности. Категории экологии в устойчивом развитии отведено совершенно особое место.

Частое употребление и обесценивание?

Из этих соображений термин «устойчивое развитие» употребляется во многих сферах как один из видов благосостояния: устойчиво-развивающееся образование, устойчивое развитие градостроительства, устойчиво-развивающиеся логистические цепочки, устойчиво-развивающийся менеджмент, устойчиво развивающееся строительство. Такие обозначения встречаются нам каждый день на каждом шагу, начиная от рекламы, заканчивая ток-шоу. Именно по этой причине «устойчивое развитие» для многих превратилось в резиновое понятие, которое употребляется всеми и для обозначения всего. Оно – словно позитивная проекционная плоскость для всех желаний и надежд. Термин «устойчивое развитие» употребляется как код для создания позитивного имиджа и стратегических привилегий при продвижении продукции на рынке. Предприятия, которые этикеткируют свою продукцию соответствующим обозначением, заботятся о чистой совести потребителей, не беря на себя, в действительности, никакой ответственности. Кстати, в сфере PR это обозначается термином «гринвошинг». Обещание непосредственного беспримысленного взаимодействия экологических, социальных и экономических целей, содержащееся в интеграционном понятии устойчивого развития, движется в сторону хаотичности.

3. Устойчивое развитие: мужество измениться для новой модели благосостояния

Знания и умения являются основами *Homo faber*, человека творящего, который развивает, строит, производит, мастерит и использует, но не задумывается и уж тем более не переосмысливает свои действия. Рост и потребление – вот его идеалы.

Существует образ – *homo oeconomicus*, не связанный ни с чем человек, который действует только в своих интересах, так называемый персонализированный контрпроект к общественно-ориентированному мышлению устойчивого развития. Необходим образ человека, в центре внимания которого есть два объекта: Я и Ты. Еще Гердер вывел формулу: «Для каждого отдельного члена благополучие всех есть лучшее, что может быть». Гердер, таким образом, представил великий идеал гуманизма.

Устойчивому развитию необходимы новое соотношение ответственности и свободы, глобальная доминирующая культура, ориентированная на общее благо экологической гуманности, соответствующее мышление, жизнь и личности своего поколения. Само понятие базируется на разнообразии, недопущении риска и уважении ценностей. Только если такая глобальная доминирующая культура проникнет во все сферы человеческой деятельности и приведет к новому, осмотрительному стилю жизни, для которого характерна категория достаточности, только тогда станет возможным устойчивое развитие. Потому как прошедшие десятилетия убедительно продемонстрировали, что постоянное ненасытное увеличение уровня запросов перечеркивает все успехи в сфере охраны окружающей среды и преодоления бедности.

Культура умеренности не возникает из ничего. Она должна развиваться, быть предметом заботы и передаваться средствами образования, она должна быть по-разному применима в различных сферах жизни. Финансовый кризис, изменение климата, глобализация: мировое сообщество стоит на пороге больших проблем. Цели кажутся ясными: нам необходим социально-приемлемый капитализм, климатически благоприятная цивилизация. Но это долгий путь, на котором предстоит преодолеть множество препятствий. Мощное лобби не желает отдавать часть «своего пирога». В структуре общества нет единой позиции, она состоит из мнения отдельных групп, но сам процесс окажется возможным только тогда, когда каждый на своем уровне будет вносить свой вклад своей ответственной деятельностью. Необходимо объединение долгосрочного мышления, соответствующих ценностей и инноваций с тем, чтобы сегодня обеспечить будущее. Все это содержится в понятии устойчивого развития.

Для этой глобальной трансформации, как отметил председатель научной комиссии федерального правительства (WBGU) Шельнхубер, необходимо мужество – мужество каждого, мысля аналитически, осуществлять эти изменения и мужество народов создавать нормативные рамочные условия. Одним словом, нам необходимо мужество для изменения, мужество не только для разработки предписаний, но и для преобразования стиля жизни, чтобы стать образцом для подражания. От нас требуется переосмысление, энергичные и смелые поступки.

УДК 502.34

Охрана окружающей среды – задача государства?**1. Внесение в Конституцию статьи об охране окружающей среды**

С этической точки зрения, экологически благоприятная окружающая среда – условное благо. Не являясь величайшим из благ, оно, однако, представляет собой необходимое условие для наличия многих других, таких как: благосостояние, здоровье или мир. Поскольку специфический характер и важное этическое значение окружающей среды с её многоуровневыми взаимосвязями тяжело постижимы, до сих пор остаётся спорным вопрос о том, каким именно образом охрана окружающей среды может стать государственной задачей. Так, в немецкой Конституции среди основных прав нет такого, которое бы чётко регламентировало определённое качество окружающей среды. Тем не менее, статьи об охране окружающей среды, как о задаче государства, внесены в Конституцию в 1994 году. В дальнейшем стоит разъяснить, каким образом это должно быть обосновано, интерпретировано и развито более детально.

1.1. Этическое обоснование государственной ответственности за окружающую среду

Окружающая среда – это коллективное достояние. Экологически чистая природа – всеобщее благо, сохранить которое – задание всех. Охрана окружающей среды – объект общественного интереса. Таким образом, это задача и государства, и граждан, следовательно, это задача, определяющая всеобщее благо. Для экологических ценностей, таких как стабильный климат или биологическое разнообразие глобальной природы, данное определение ничего принципиально не меняет; реализация только этой задачи может быть сопряжена с отдельными сложностями, потому как интересы, возможности и объект воздействия сильно разнятся.

Исходя из определения окружающей среды, как всеобщего блага, необходимость её охраны можно объяснить рамками благоразумия и нравственно-этическими соображениями. Во-первых, охрана окружающей среды является фактом благоразумия, как показывает концепция устойчивого развития, которая всегда представляет собой концепцию природопользования, предпочитающую право длительного пользования кратковременному злоупотреблению.

Решающая этическая задача состоит в том, чтобы учесть различные потребительские запросы, оценить их и найти формы, которые обеспечат длительную стабильную эксплуатацию [9]. Опыт показывает, что институт собственности в большинстве случаев оправдан, потому что, с одной стороны, он позволяет легко избежать конфликтов, с другой – часто представляет более высокий уровень заботы об окружающей среде. Принцип социального имущественного обязательства предполагает определённые требования, среди которых также могут быть необходимые мероприятия по охране окружающей среды. Вторая аргументация продиктована нравственно-этической точкой зрения: «Тот, кто наносит вред окружающей среде, вторгается в сферу прав других людей». Сохранить естественные условия жизни – это «долг справедливости, категорический императив усиленного обязательства, категорический правовой императив» [14, С. 173, цитаты: С. 173, 187; 27, С. 425–427].

Вторая аргументация, с этической позиции, более резкая, но с политической точки зрения, учитывая глобальные взаимосвязи, её осуществление является более сложной задачей. К тому же, необходимость объяснения в каждом конкретном случае принципиальна: какие вмешательства в природу нравственно этически допустимы, а какие – нет. Жить – означает постоянно менять окружающую среду. Исходя из этого, можно конкретно определить, какие из форм природопользования оправданы экономической выгодой, а какие категорически запрещены из-за нарушения принципа справедливости [28].

Такое определение вносит ясность, хотя и требует объяснения, что именно подразумевается под понятием «окружающая среда». От этого зависит, какие мероприятия по её охране будут осуществлены [13, С. 138–141].

1. В широком смысле этим термином обозначают как естественную окружающую среду, так и социальную, включая техносферу. Даже если такое определение слишком далеко от практических политических целей, не принимать его во внимание нельзя, поскольку человек, по своей природе, существо культурное.

2. В несколько более узком значении это понятие охватывает общую биосферу, частью которой является человек.

3. К третьему понятию окружающей среды относятся воздух, вода, почва, растения и животные. Из этого списка зачастую выпускается сырьевой аспект. Однако термин «сырьё» не столь однозначен.

¹ Так аргументирует Фома Аквинский; ср. Значение теории собственности для введения в католическую социальную этику по вопросам окружающей среды [33, С. 81–86].

4. Более тесно термин «окружающая среда» связан с воздухом, водой и почвой. Большое количество разногласий в общественных дебатах является следствием того, что под каким-либо термином или понятием из сферы окружающей среды каждый раз подразумевается иное².

После определения термина «охрана окружающей среды», как такового, следующим шагом может стать особая, удвоенная ответственность государства в этой сфере деятельности. Поскольку охрана земли, воздуха и воды, а также ландшафта и климата служит всеобщему благу [49], за которое государство несёт особую ответственность, то государственная ответственность (совместная) является его естественной задачей. Это нашло своё отражение в следующем определении: «Современное государство – в том числе и Германия – всегда возлагало на себя задачи, которые в настоящее время называются охраной окружающей среды» [35]. К тому же, лишь государство обладает необходимыми средствами для защиты всеобщего блага, а также индивидуальных законных требований. «Только государство, в отличие от многих, даже могущественных потребителей, располагает достаточными средствами и властью для подобного масштаба задач, при необходимости их регламентации и реализации» [35, С. 206]. Учитывая глобальные и долгосрочные цели, которые в дальнейшем превышают возможности деятельности отдельных пользователей, ответственность государства, дающая импульс и определяющая рамки, по меньшей мере, является обязательной с тем, чтобы справедливо ограничивать конкурентное и часто направленное на удовлетворение кратковременных интересов использование окружающей среды производителями и потребителями.

В ходе разработки государственных мероприятий по охране окружающей среды возникают различные проблемы разграничения. Принципиально важно рассмотреть, какова зона ответственности государства в предупреждении рисков и предотвращении экологических опасностей. Поскольку, с одной стороны, большое количество граждан сознательно и добровольно идут на определённый риск, к примеру, когда они пересезжают для проживания в местность, в которой существует риск затопления. С другой стороны, опасности, возникшие в результате вмешательства в экологические процессы, часто зависят от индивидуальной чувствительности и уязвимости. Доза облучения при радиоактивности или воздействие определённых химикатов на всех людей влияют по-разному, что как раз и не может быть учтено при определении общих граничных значений. К тому же, определённые нарушения, возникшие в резуль-

² К фундаментальному введению термина «окружающая среда» для государственной охраны природы, ресурсов и защиты от излучений [39]. О дифференциации между охраной природы, животных и устойчивым развитием для эколого-этической модели обоснования, [25, С. 46–53, 50, 51].

тате вредных воздействий, как правило, обусловлены не единственной причиной, отсюда и возникают проблемы установления первопричины. И в дальнейшем остается открытым вопрос об обязательных мерах профилактики государства. Какими временными рамками они должны быть ограничены и как должны быть согласованы между разными поколениями различные требования природопользования.

К тому же, очевидно (после провала конференции по вопросам климата в Копенгагене в декабре 2009), что понятие «охрана окружающей среды» включает в себя такие фундаментальные задачи, с которыми государство в одиночку справиться не может. Задачи охраны окружающей среды касаются фундаментальных ценностей и представлений о культуре относящихся ко всему обществу. Их преодоление предусматривает личную ответственность и открытое взаимодействие во многих общественных сферах деятельности, таких как наука и образование, экономика и потребление. В то же время, охрана окружающей среды предполагает необходимость и пределы государственных возможностей для соответствующей деятельности. Такую парадоксальную напряженность можно преодолеть лишь изменением порядка взаимодействия государства, общества и экономики для осуществления особой ответственности действующих лиц.

Следующей проблемой разграничения государственной ответственности в деле охраны окружающей среды является опасность того, что деятельность государства станет преобладающей. Необходима сдержанность при расширении сферы влияния и, прежде всего, благоразумие при определении задач государства. Именно в Германии большое количество законов и предписаний относительно экологических норм приводит к существенным расходам на осуществление контроля или становится причиной задержки разрешений на строительство. Качество охраны окружающей среды не зависит от количества соблюдаемых правил. Гораздо более важным является то, что государство должно, насколько это возможно, воздерживаться от излишней детализации и устанавливать только когерентные нормативные надёжные рамочные условия. Инновационные технические решения должны быть найдены и применены самими предприятиями. Исходя из этого, необходима личная ответственность во многих сферах охраны окружающей среды.

1.2. Законодательно закреплённая в Конституции деятельность по охране окружающей среды

Охрана окружающей среды – это мероприятия, направленные на сохранение естественных условий жизни человека. Они включают в себя охрану почвы, воды и воздуха, разнообразия видов и эстетики ландшафтов, а также здоровья людей от вредного воздействия химикатов, излучений и шума. С

1980-х годов в некоторых европейских странах ведутся интенсивные и противоречивые дискуссии о том, являются ли подобные мероприятия естественной задачей государства. Результатом этих дискуссий стало внесение некоторых изменений в Конституцию. На сегодняшний день существуют различные точки зрения относительно их интерпретации и эффективности. Почти 50 лет в основном законодательстве Германии – ни в разделе основных прав, ни в определении государственных целей – не было однозначно зафиксировано, что охрана окружающей среды является обязанностью государства. Только в ст. 74 и 75 перечня полномочий компетентных органов были названы лишь отдельные сферы области охраны окружающей среды (защита от возможных опасностей атомной энергетики, утилизация отходов, очистка атмосферы, охрана ландшафтов и др.). При этом ни одному из органов на государственном уровне не было непосредственно вменено в обязанность действовать в установленном порядке [35, С. 177].

Положение вещей изменилось в 1994 году. С включением статьи 20, а охрана окружающей среды была закреплена в немецкой Конституции: «Признавая свою ответственность перед будущими поколениями, государство законодательно обеспечивает защиту природных ресурсов и животных в рамках конституционного строя согласно закону и правам, исполнение которых гарантировано властью и правосудием»³. Такая цель государства представляет общую ответственность законодательной и исполнительной власти за соответствующие действия, но она не является непосредственным основанием для права подачи иска. Примечательно антропоцентрическое обоснование, данное относительно будущих поколений, а термин «естественные основы жизни», как правило, имеет в виду жизнь человека⁴. Био- и физиоцентрические логические модели были однозначно отклонены, в отличие от швейцарской Конституции, в которой с 1992 года говорится о «достоинстве Творения» (статья 121, 2). Уже в 1976 году положения об охране окружающей среды были внесены в Конституцию Федеральной земли Баден-Вюртемберг. В 1980 году, после неудачной инициативы изменения основного закона, этому примеру последовала Бавария, внося дифференцированную формулировку в статью 141: «Учитывая ответственность перед будущими поколениями, охрана природы вверена отдельным обществам и федеральным службам. Животных защищают как часть живой природы. Природные ресурсы необходимо беречь и экономно расходовать». Одновременно гарантирован открытый доступ к природным богатствам, например, к таким, как озёра в Верхней Баварии.

³ Формулировка "...и зверей" была внесена в ходе изменений 1.8.2002. / Die Formulierung "und die Tiere" wurde durch eine Änderung am 1.8.2002 hinzugefügt.

⁴ Предусмотрительно: [36, С. 224].

Германия не единственная страна, в Конституции которой законодательно закреплены положения об охране окружающей среды: с 1984 года в австрийской Конституции «охрана окружающей среды» (стат. 10 и 11) признана задачей государства. Федеральная Конституция Швейцарской конфедерации в статьях 73 и 74 закрепила положения об устойчивом развитии и охране окружающей среды. В целом, как показывает сравнительный опыт европейских государств, название «охраняющая среда» в текстах Конституций само по себе мало что значит. Спорным остаётся и то, насколько когерентно оно интегрировано и конкретизировано для различных сфер деятельности и, вместе с тем, нормативно закреплено, к примеру, в Кодексе законов об охране окружающей среды и природы.

Наличие в конституции определения «охрана окружающей среды» часто свидетельствует не об окончании, а в большинстве случаев, о начале активных дебатов. Консолидированная Конституция созданного европейского сообщества в ст. 2, определяющей задачи общества, кроме прочего, называет «содействие высокому уровню защиты и улучшению качества окружающей среды, повышению уровня и качества жизни, экономической и социальной сплоченности и солидарности между государствами-участниками». В преамбуле, а также в статьях 3 (3), 3 (5), 21 (2) перечислены требования устойчивого развития и необходимость охраны окружающей среды как критерии, которые должны учитываться при определении и осуществлении общественной политики.

Подводя итог приведенных в качестве примеров изменений в Конституциях, остаётся констатировать, что инициативы о законодательном закреплении статей об охране окружающей среды свидетельствуют о повышении значения данной темы для восприятия обществом и в законодательстве. Как и прежде, спорным остаётся вопрос о том, каким образом государственные органы несут ответственность за состояние окружающей среды, а также, на каком уровне и в какой из областей применения должны быть законодательно закреплены различные аспекты государственной задачи об охране окружающей среды.

1.3. Интерпретационные модели статей об охране окружающей среды в Конституции

Что касается конституционно-правовой интерпретации охраны природы, то здесь существует два направления. Одно представляет охрану окружающей среды, как гарантированное конституцией право, которым может воспользоваться каждый гражданин. Другое рассматривает её охрану как приоритетную цель государства, что дает возможность интерпретационной свободы [12, С. 1–3].

Основное право на охрану окружающей среды?

Особая обязанность государства охранять окружающую среду возникает в том случае, если природные ресурсы, с точки зрения эстетической и экономической ценности, переходят в категорию «критических ресурсов», являясь условием человеческого существования, к примеру, таким, как загрязненные вода и воздух [28, С. 4]. При этом в конечном итоге сформулировано право на защиту от опасности, грозящей здоровью или собственности, которое уже не является индивидуальным правом на определенное качество окружающей среды. Такое законодательно закрепленное требование неоднозначно, как показывают следующие доводы:

1. Объект охраны – «достойная человека окружающая среда» определен в недостаточной степени.

2. Основное экологическое право не должно иметь характер контрправа, направленного против государства и, таким образом, ставить под сомнение понимание действующих основных прав.

3. Поскольку не всякое использование природных ресурсов, наносящее вред или причиняющее ущерб, может быть запрещено, правовое регулирование процесса охраны окружающей среды должно постоянно анализировать и разрешать целевые конфликты. При этом основные правовые позиции не должны служить интересам отдельных субъектов.

4. Такие объекты охраны, как воздух и вода, ландшафт и разнообразие видов не являются индивидуальными благами. Задача охраны окружающей среды не будет выполнена, если пытаться решить её с помощью признания субъективных индивидуальных прав.

5. Основное экологическое право своими высокими стандартами определяет современную ситуацию, как противоречащую конституции; формулировка, позволяющая считать современное состояние соответствующим конституции, может быть сдерживающим фактором в стремлении к улучшению окружающей среды.

6. Предоставление экологического права может первоначально успокоить граждан, а впоследствии стать импульсом ожидания скорого улучшения окружающей среды, которое может быть неоправдано» [35, 178f].

На основании этого юрист Дитрих Раушнинг в 1980 году высказался против внесения в Конституцию основного права на охрану окружающей среды. Вместо этого выступил за частичную эколого-правовую гарантию, которая, помимо всего прочего, следует из права на жизнь, физическую неприкосновенность и права на собственность [35, С. 179–85; 12, С. 40–127; 21, С. 36–40]. Согласно его позиции, непосредственный конституционно-правовой вывод о легитимности и обязательствах государства по охране окружающей среды является излишним.

Гораздо логичнее он был бы следствием формирования волеизъявления демократических легитимных органов. Начиная с 1960-х годов, государство в ФРГ осуществляло успешные действия по охране окружающей среды в процессе принятия решений в рамках конституционного права. В принципе, от государства нельзя требовать того, что оно не в состоянии обеспечить.

Охрана окружающей среды – как цель государства?

Если основное право выражает субъективные требования отдельных людей, то, когда речь идет об определении государственных целей, имеется в виду объективная обязанность государства, которую адекватно (т. е. как свою обязанность) воспринимают все государственные органы.

«Термин «задачи государства», который понимают как сферу государственной деятельности и оказания влияния на распределение прав между государством и обществом, влечет за собой постановку вопроса об определении целей государства» [12, С. 12; 31, С. 223].

Цели государства являются доконституционно-правовыми, побуждающими детерминантами его деятельности и, вместе с тем, определяющими факторами формирования государства. В отличие от традиции более раннего времени, современная теория целей государства исходит из того, что политическая система постановки целей определяется автономно, а не в результате предложенных обществом целей, которые принято считать истинными и неизменными. Исходя из выше сказанного, государственной задачей может быть инициированный парламентом и правительством правомерный порядок реализации программ [17, С. 18].

С точки зрения языковедения, правильно было бы говорить не о целях, имея в виду потребности государства, а о целях в значении задач государства, поскольку это выражение «в своём обычном смысле, относится к вопросу об обязанностях государства, что не предполагает какого-либо дополнительного эссенциалистического значения» [17, С. 17]. С точки зрения демократически-ответственных государственных целей, бесспорными являются полномочия государства по охране окружающей среды [35, С. 170].

С точки зрения содержания оправдать законодательное закрепление в Конституции статей об охране окружающей среды можно двумя способами. Первый – оно соответствует общественной значимости окружающей среды. Второй – в свободном конституционном государстве его целями определены, в частности, общее благосостояние, обеспечение мира, благотворительность и свобода. Логическим дополнением этих четырех классических целей государства может стать сохранение естественных условий жизни [12, С. 14–17, 128–173].

Закрепление охраны окружающей среды в качестве государственной задачи – это последовательное продолжение определения этих задач. Критикам, которые опасаются постоянно усиливающегося вмешательства государства, ограничивающего свободу, остаётся противопоставить то, что сегодня охрана окружающей среды необходима для обеспечения общего блага, мира, благосостояния и свободы.

Поскольку экологически благоприятная окружающая среда является благом, которое является жизненно важным для всех, но которое не может относиться исключительно к индивидуальной сфере, то его защита посредством основных прав малоперспективна. Включение охраны окружающей среды в перечень целей государства повышает важность её значения, без того, чтобы это требование было реализовано в судебном порядке или достижение цели определенным путем вменялось в обязанности государственным органам. Более того, благодаря законодательному закреплению цели охраны окружающей среды как задачи, не зависящей от заблуждений и влияния текущей политики и периодичности выборов, она является предметом политической деятельности на все времена и, соответственно, всегда будет позиционироваться как новая актуальная задача [21, С. 40–44; 31].

1.4. Принцип осуществления государством экологической ответственности

Принципы профилактики, компенсации ущерба за счёт виновного в его нанесении и принцип сотрудничества – это три основных положения экологической политики Германии. Они появились раньше, чем законодательно была закреплена статья об охране окружающей среды в Конституции, которая формулирует высшую идею, но для её реализации необходимы конкретные регуляторные принципы. Принцип профилактики призван предотвращать опасность, снижать риски для человека и природы. Принцип компенсации ущерба за счёт виновного в его нанесении конкретизирован, прежде всего, в интернализации денежных средств и правовой ответственности (ср. с противоречивыми дискуссиями о геномной инженерии и атомной энергетике). Принцип сотрудничества направлен на участие заинтересованных лиц и содействие в принятии решений, а также на прозрачность процесса и обязанность предоставления информации. Важным этапом в этом контексте является Орхусская конвенция (Aarhus-Konvention), вступившая в силу в 2001 году⁵.

⁵ См. www.aarhus-konvention.de; http://www.bmu.de/buergerbeteiligungsrechte/die_aarhus-konvention/doc/2608.php; <http://www.bmu.de/files/pdfs/allgemein/application/pdf/aarhus.pdf> [Zugriff: jewcils 20.1.2009].

Это соглашение Европейской экономической комиссии ООН (UNECE) – первый международно-правовой договор, признающий право каждого человека на информацию, общественное участие в принятии решений и возможность подачи иска по вопросу об экологических нарушениях. Таким образом, созданы минимальные стандарты гражданского участия, которые институционально обеспечивают политико-дискурсивное влияние в западных промышленно развитых странах. В этой связи возникло выражение «экологическая демократия» [98, 29, С. 85]. Особое значение здесь приобретает возможное изменение понятия доказывания. Зачастую гражданам не хватает финансовых и технических средств, для того, чтобы однозначно доказать, что нанесенный ущерб является следствием определенных экологических нарушений. Необходимо детально проверить, в каких именно отраслях такое изменение оправдано, с тем, чтобы право на защиту от опасных экологических воздействий не стало бессодержательным по той причине, что его фактически невозможно реализовать.

Охрана окружающей среды, как и любая другая государственная деятельность, это посягательство на свободу определенных людей (групп). Ограничение свободы может быть оправдано тем, что в целях защиты других важных благ оно является допустимым, необходимым и относительным. Вот почему безграничная ответственность государства за природу также с позиции теории о целях государства неуместна. Здесь ограничение всегда будет проблематичным, потому, что охрана окружающей среды часто действует превентивно. Правила профилактики не предполагают тщательного контроля их обязательности и эффективности, так как это должно привести не к ожидаемому нанесению ущерба, а, скорее, к определению задач по его подсчету. Из-за комплексного характера основных проблем часто не удастся однозначно разграничить сферы ответственности и задачи при использовании динамичных правовых понятий, которые действительно необходимы в законе о технической безопасности, законодатель передаёт решение об интенсивности экологических требований исполнительной власти [35, S 199].

Таким образом, экологическое управление приобретает особое значение для осуществления конкретных мероприятий по охране окружающей среды. После анализа эффективности затрат исполнительная власть принимает решение о необходимых мерах контроля, при этом, с одной стороны, должны быть сведены к минимуму дефицит средств для осуществления мероприятия, а с другой – средства для контроля и ограничения свободы. Стоит учесть, что граждане и корпоративные общественные участники процесса могут отказаться от ответственности, а их участие может быть парализовано, если государство возьмёт на себя слишком много задач [12, С. 19–20].

Большая методологическая проблема экологического права состоит в том, что оно не представляет собой четко ограниченную область права, поскольку затрагивает многие сферы деятельности. Исходя из этого, центральным требованием является создание когерентности и имплементации в различных сферах, а именно, преодоление чисто секторального образа мышления и концепции действий. Вот почему на протяжении десятилетий в Германии работали над введением единого собрания экологических законов. Целью этого проекта было намерение унифицировать и гармонизировать большое количество законов об охране окружающей среды и природы и упростить порядок выдачи разрешений. Это активизировало бы дееспособность различных общественных участников процесса и одновременно могло бы способствовать делу охраны природы. В начале 2009 года этот проект был объявлен неудавшимся [20, 21; 24]. Его раскритиковали как форму политического провала, поскольку законодателем не была предоставлена обширная концессия когерентного экологического права и этим фактически передано право на принятие решений правосудно, что постоянно можно было наблюдать в предыдущие годы.

2. Пути развития государственной экологической политики

2.1. Институции экологических государственных мероприятий в Германии

Современный процесс охраны окружающей среды государством был начат в 1970-х годах. Свидетельством тому явилось создание в 1971 году Экспертного совета по вопросам окружающей среды (SRU) и Федерального ведомства по вопросам окружающей среды в 1974 году. Реакцией на аварию реактора в Чернобыле в 1986-м стало создание Федерального министерства по вопросам окружающей среды. В 2001 году Федеральное правительство учредило Национальный совет по вопросам устойчивого развития, который в годом позже принял первую немецкую стратегию устойчивого развития, которая была представлена в докладе на Всемирной конференции по вопросам устойчивого развития в Йоганнесбурге.

В «Отчётах о проделанной работе» в области национальной стратегии устойчивого развития в 2004 и 2008 годах были сформулированы аналитические выводы и рекомендации для деятельности почти всех политических сфер. В качестве комплексной задачи устойчивое развитие должно служить «основным принципом всех направлений политики» (Bundesregierung 2008, 10). Это развитие отражает общее развитие экологического дискурса. На первом этапе тема экологии была предметом и средством радикальной общественной критики: охрана окружающей среды оказалась частью широко распространенных утопических усилий по созданию справедливого и свободного общества. Эколо-

гический дискурс связан с фундаментальным вопросом о легитимности и жизнеспособности проекта современности в будущем и часто был направлен на критику государства. Далее последовала эра прагматизма, которая характеризовалась процессами институционализации. Часть экологического движения влилась, в итоге, в Партию зелёных, поддерживающую государство (1980). Поэтому смягчился тон общественной критики, развенчанной многочисленными успехами новых технологий, механизации охраны окружающей среды (к примеру, трёхходовой каталитический нейтрализатор). После конференции в Рио-де-Жанейро в начале 90-х годов защита экологии стала одной из существенных составляющих концепции устойчивого развития, основная идея которой – долгосрочное глобальное обеспечение благосостояния на локальном уровне [46].

2.2. Несмотря на отдельные успехи, отсутствует общий положительный баланс экологической политики

За последние 35 лет немецкое государство приняло многочисленные законы и указы об охране окружающей среды. Успехи очевидны. Было снижено содержание особо вредных веществ в воздухе (например, содержание свинца более чем на 90%). Было улучшено качество воды многих рек (к примеру, возвращены многие виды рыб и раков в Рейн). В целом сокращено количество мусора. В значительной степени повышены показатели энергоэффективности в промышленных отраслях. В новых федеральных землях большие территории были отведены под биосферные заповедники. На санацию старых экологических проблем направлены многомиллиардные программы. В 1991 году Германия стала первой страной, которая ввела всеобщий запрет на хлор-фтор-углеводороды. Многие предприятия инвестируют огромные суммы в охрану окружающей среды и в так называемые зелёные технологии, потому как они обещают быть востребованными на рынке. Однако нельзя упускать из виду и недостатки, к ним относятся, в частности, надвигающиеся экологические угрозы (к примеру, закупоривание почвы, исчезновение видов), причем в глобальном масштабе (например, изменения климата, сокращение биологического разнообразия, ухудшение жизненного пространства). В конечном итоге, речь идёт об изъянах развития технологической цивилизации. Это структурные проблемы существующей формы современности с признаками функциональной дифференциации, рационализации, механизации, экономии или же определённой, в то же время, глобализированной модели благосостояния и потребления [46].

Персистентность многих экологических проблем – признак нового, ещё непривычного их качества. Этим объясняется то, почему отдельные многочисленные успехи не приводят к общему позитивному балансу. Охрана окружающей среды не закреплена в целевой сфере общественного развития, поэтому вновь и вновь возникает опасность того, что мероприятия экологи-

ческой защиты будут просто исправлять последствия нанесенного ущерба, вместо того, чтобы сконцентрироваться на его причинах. Системное качество экологических проблем требует принципиально нового, направленного на перспективу, структурного мышления, а также пересмотра самого отношения к природе [40]. Это представляет собой изменение парадигмы современной цивилизации, в которой помимо права и государственной теории существенную роль играют фундаментальные этические вопросы. Они касаются понимания благосостояния, прогресса и глобальной ответственности, проблемы которых в достаточной степени не могут быть преодолены путём применения государственных санкций к отдельным действиям и технологическим последствиям. Несоответствие между последствиями деятельности и возможностью применения санкций – это базовая методологическая проблема экологической политики современной технологической цивилизации [16; 44].

2.3. Наднациональная и международная экологическая политика

Охрана окружающей среды как государственная задача – задача не только национальных государств. Это проблема международного сотрудничества, потому как некоторые актуальные экологические проблемы можно преодолеть только сообща. Вот почему необходимо создавать соответствующие наднациональные институты, работа которых была бы направлена на решение вопросов охраны окружающей среды с тем, чтобы государства могли выполнять свои задачи.

Европейский Союз

Свои цели экологической политики ЕС формулирует в долгосрочных экологических программах действий (UAP), которые дают европейской экологической политике среднесрочные целевые установки и согласовывают действия экологической политики общества с концептуальными рамками. Первая подобная программа была принята в 1973 году, то есть гораздо раньше, нежели в Договор о Европейском сообществе была включена статья об охране окружающей среды, что свидетельствует о наличии прагматичного подхода. Актуальная Экологическая программа действий (UAP), вступившая в силу в 2002 году, которая рассчитана на период до 2012 года, называется «Наше будущее в наших руках». Она содержит четыре основные тематические задачи европейской экологической политики: борьба с изменениями климата; охрана природы и биологического разнообразия; окружающая среда, здоровье и качество жизни; постоянное использование и эксплуатация природных ресурсов и отходов. Кроме того, существуют и другие экологические программы или мероприятия, направленные на поддержку региональных и национальных экологических про-

сков, такие как программа LIFE plus, главные направления которой определены следующим образом: «Природа и биологическое разнообразие» («Nature and Biodiversity»), «Политика охраны окружающей среды и управления» («Environment Policy and Governance»), а также «Информация и коммуникация» («Information and Communication»).

Наряду с позитивными импульсами, исходящими от подобных мероприятий, на фундаментальном уровне критике подвергается «перенос влияния и ответственности с экологической политики в другие отрасли, центром интереса которых становится усиление конкурентоспособности европейской промышленности» [40]. Такое развитие ясно показывает, насколько сильно окружающая нас природа воспринимается в политике через призму экономической, а не моральной перспективы: она воспринимается как обменный ресурс, а не как условное благо. В то же время становится понятным, насколько важно международное сотрудничество для предотвращения распродажи природных ресурсов в погоне за лидирующими позициями. Также ясно, что для предоставления экологической защите международного статуса нужны дееспособные национальные участники, что касается Германии, то, по причине её федерализма, это требует особых усилий [23, С. 22].

Международное экологическое право

Международное экологическое право – это сравнительно молодая, пока ещё развивающаяся сфера международного права [3]. Первым важным этапом этого процесса была конференция ООН в Стокгольме, которая привела к институционализации экологических программ ООН (UNEP). В Стокгольме было частично принято стандартное Международное право, частично разработаны новые концепции, в частности, об интеграции задачи по охране окружающей среды в концепцию экономического и социального развития. Определяющим на этой конференции было противопоставление интересов севера и юга.

С тех пор компромиссы между этими двумя группами влияют на развитие Международного экологического права, а также на достижение соглашений на всемирных конференциях. Желание промышленно развитых стран утвердить соответствующие нормативные стандарты «выкупается» оказанием помощи экономическому, социальному и техническому развитию южных стран. Это противопоставление интересов ощущалось и на встрече на высшем уровне «Планета Земля» в Рио в 1992 году, которая представляет собой следующий значительный этап развития. Принятые на этой встрече конвенции о биологическом разнообразии и о защите климата с тех пор являются центральными ориентирами для разработки Международного экологического права.

Наряду с обязанностями, которые международное экологическое право возлагает на государства, как на субъекты международного права, значимым является принцип общей, но различной ответственности. При этом происходит столкновение представлений о гетерогенной справедливости: промышленные страны имеют особые обязательства, в частности, в соответствии с производительностью и степенью причинения ущерба (например, при изменении климата из-за выбросов CO_2) [18; 8, С. 32–34; 44, С. 406–426; 6].

Исходя из этого, правовой характер основных положений часто неоднозначен: прежде всего, отсутствуют инстанции, которые могли бы осуществлять контроль над соблюдением обязанностей. Так вопрос о контроле над выполнением договоренностей стал одним, если не центральным, то пунктом конфликта между Китаем и США на саммите по вопросам климата в Копенгагене, в декабре 2009 года.

Следующим принципом, обладающим важным этическим значением в правовом экологическом дискурсе, стала концепция общего наследия человечества. Этот принцип успешно применяется в конвенции по морскому праву с 1982 года, однако он не имеет статуса общепринятого международного права. Отсюда становится ясным, что главная проблема состоит в преобразовании международного права из права сосуществования в право сотрудничества [8, С. 34]. Решение насущных глобальных проблем требует активного сотрудничества и, вместе с тем, абсолютно новых путей справедливого распределения прав и обязанностей.

Эти пути должны учитывать предельно разные условия производительности, степень нанесения ущерба и потенциальных угроз (например, повышение уровня моря или изменение распределения атмосферных осадков). В поисках приемлемых моделей достижения баланса интересов, следует признать преимущество самоопределения и постоянной гарантии обеспечения питанием в рамках устойчивого развития, как особо важных благ, по сравнению с другими интересами.

Для преодоления многочисленных продовольственных, энергетических и климатических кризисов дальнейшее развитие международного экологического права в последующие десятилетия должно привести к созданию глобального всемирного договора о честном, справедливом, предусмотрительно минимизирующем риски, использовании естественных природных ресурсов. Таким образом, охрана окружающей среды является сегодня центральной и в высшей степени сложной государственной задачей. Основные задачи при этом возлагаются на транснациональные институты, также необходимы новые формы сотрудничества с участием экономических и гражданско-общественных субъектов.

2.4. Об отношениях между государством и рынком в сфере охраны окружающей среды

Загрязнение окружающей среды сегодня – это следствие разницы между индивидуальной и коллективной рациональностью экономической деятельности по отношению к природным ресурсам. Здесь имеет место случай «сбой рынка», поскольку экономический успех и относительно высокий уровень благосостояния всех оплачивались и оплачиваются постоянно возрастающим нанесением вреда и разрушением природных ресурсов. Этот структурный механизм экстернализации средств оправдывает вмешательство государства. Охрана окружающей среды – задача государственная. На этапе её решения предпочтение должно быть отдано рыночно-экономическим инструментам экологических сертификатов и экологических налогов, а не моральным призывам, предложениям и запретам [19, С. 481].

В пользу этого свидетельствует тот факт, что такой порядок действий может объединить эффективность, экономичность и продуктивность. Кроме того, он соответствует современному пониманию государства, которое отказывается от классической претензии на господство и учитывает сложившиеся обстоятельства, когда его власть как внутри, так и вне страны достаточно сильно ограничена глобальной структурой и функциональной дифференциацией общества [10, С. 9]. Эта модель предлагает субъектам лишь некоторые из возможных условий. Существуют разные пути воспитания экологически сознательного отношения к природе в контексте рыночной экономики: при помощи улучшения информационной осведомленности (осознание связи между личной деятельностью и экологическими последствиями, включая наглядные примеры возможных изменений), путем изменения предпочтений (ключевые слова – «пероценка ценностей») или изменения условий деятельности (так, чтобы экологически ориентированное поведение материально поощрялось или было обязательным). Последний пункт выглядит особенно многообещающим [19, С. 457].

Экологический фактор, в частности воздух и вода, часто воспринимается как общедоступное благо. При этом упускается из виду, что это благо ограничено, и за его использование ведётся конкурентная борьба. Следствием этого недоразумения, в результате которого возникают злоупотребления природными ресурсами (с точки зрения экономической перспективы), являются экологические проблемы. Причисление окружающей нас природы к категории недостающих благ привело бы к тому, что средства на её использование необходимо было бы вносить в калькуляцию расходов. Задача государства состоит в содействии такой интернализации экологических средств и, тем самым, истинности затрат путем создания соответствующих рамочных условий.

Из этого следует, что государству необязательно принимать активное участие в каждом случае, оно может и должно влиять на решение большей части экологических задач, косвенно создав условия для того, чтобы в этом процессе активно участвовали частные субъекты экономики и общества. С введением экологического налога или экологических сертификатов можно сократить негативное влияние на окружающую нас природу. Согласно этому принципу, государство претендует на право собственности на благо, называемое окружающей средой, и устанавливает цену, по которой производители могли бы приобрести товар «окружающая среда».

С помощью таких действий можно было бы достичь определённой эффективности, так как расходы производителя включены в калькуляцию производственных расходов и в конечную цену товара. Одновременно появится стимул развивать новые экологически благоприятные технологии, для того, чтобы максимально уменьшить производственные затраты. Рыночные инструменты для разграничения понятий «благополучие» и «природопользование» ещё далеко не исчерпаны.

3. Субсидиарная форма цели государства по охране окружающей среды

Сфера задач охраны окружающей среды является прекрасным примером необходимости и возможностей субсидиарного подхода. Невозможно и нежелательно, чтобы государство в одиночку решало все возникающие задачи в этой области. Также неразумно было бы доверять их решение лишь неосознанному рынку или субъектам гражданского общества. Вот почему этому процессу охраны окружающей среды необходимы новые формы государственной структуры, рынка и гражданского общества.

Охрана окружающей среды – существенный аспект такой широкомасштабной цели, как устойчивое развитие. По итогам Конференции ООН «Окружающая среда и её развитие» в Рио-де-Жанейро в 1992 году, стало понятно (и это недвусмысленно сформулировано в принятых там документах), что ключом к созданию общества устойчивого развития является широкое участие в этом процессе значимых общественных групп⁶.

Устойчивое развитие – это открытый динамичный процесс поиска, который в условиях локальных данных и глобальных факторов влияния должен постоянно заново добиваться целей экономического благосостояния, социального баланса и экологической стабильности. Такой процесс призывает к широкому участию всех заинтересованных лиц.

⁶ См., в частности, третью часть Агенды 21, относящуюся к участникам (главы 23–32 с общим заглавием «Усиление роли важных групп») [4. С. 217–243].

Государство может и должно давать необходимые импульсы и оказывать поддержку, но не устанавливать цель авторитарно и не осуществлять её самостоятельно. Заблуждением является также фокусировка внимания на национальном государстве в международном сообществе сотрудничества и конкуренции. Как показал плачевный результат Конференции по охране климата в Копенгагене в декабре 2009 года, система «200-Agenten-System» [38] не является эффективной и должна быть срочно реформирована, для того чтобы проявить необходимую дееспособность.

Вместо этого, компас показывает направление, для которого пока ещё нет правильного названия. В англосаксонском дискурсе речь идёт о глобальном управлении, то есть о политике мирового порядка, которая объединяет совершенно различные субъекты, такие как правительства, СМИ, предприятия, глобальные неправительственные организации и местные инициативы (выборочные и целевые). Габермас говорит о «многослойной политике» региональных, национальных, международных и глобальных институций [11, С. 91–169, bes. 109]. Прежде всего, необходимо усиление наднациональных организаций, таких как ЕС, и глобальных институтов гражданского общества – церквей, университетов, предприятий или союзов. На мировом уровне принцип субсидиарности может функционировать только при наличии глобального гражданского общества [30].

Условия мировой политики открывают путь явлению, которое Ульрих Бек назвал «субполитика». Под девизом «Демократизация демократии», или «живая демократия», официальные организационные возможности государства интенсивнее переходят к гражданам, а также гражданским и общественным организациям и фактически, и с нормативной точки зрения. Тем не менее, опасность состоит в том, что в экологическом дискурсе, так же как и в дискурсе о социальном государстве, переоценены организаторские возможности, личная ответственность и добрая воля различных общественных субъектов. Этому опасается SRU (Экспертный совет по вопросам окружающей среды) в сфере экологической политики ЕС и настоятельно предостерегает от тенденции «мягкого» рамочного управления со стороны сообщества: «европеизация и глобализация рынков не должна оставаться в стороне от детализации и приватизации экологической политики», иначе экологическая политика сообщества окажется под угрозой [39, N 11].

Аналогичные проблемы SRU (Экспертный совет по вопросам окружающей среды) видит на глобальном уровне, в частности, в так называемом частно-общественном партнерстве, договоренность о котором была достигнута в Йоганнесбурге и в настоящее время привела лишь к ослаблению государственных рамочных полномочий вместо реальной совместной ответственности предприятий [11, N 2].

Взаимно усиливающиеся тенденции отказа и лишения прав государственных полномочий и связанное с этим смешение экологической и социальной ответственности на частных субъектах экономики и общества односторонне интерпретируют принцип субсидиарности: концентрация на такой негативно очерченной стороне, как запрет на узурпацию полномочий в смысле «Примущество личной ответственности». Систематически упускается из виду положительная сторона предложения, направленного на поддержку государства [44, С. 422–425, С. 473–475].

Из ключевого вопроса этого доклада следует вывод: государство – это необходимый и приоритетный субъект охраны окружающей среды. Его особая экологическая ответственность состоит в праве формирования и применения санкций на уровне установленного порядка. Государство должно признавать и формировать в высшей степени возможную личную ответственность частных и общественных субъектов и обеспечивать ей поддержку и поощрение. Для охраны окружающей среды необходимо согласование законодательства и общественного управления, предприятий, союзов, инициатив и граждан. Таким образом, государственная экологическая ответственность направлена на сопряченную культуру устойчивого развития.

Литература

1. Beck, U. Die Risikogesellschaft. Auf dem Weg in eine andere Moderne, Frankfurt A. M. 1986.
2. Berié, E./Kobert, H. Der Fischer Weltalmanach Zahlen – Daten – Fakten, Frankfurt A. M. 2009-2010.
3. Beyerlin, Ulrich Umweltvölkerrecht, München: Beck. 2000.
4. BMU [Bundesministerium für Umwelt, Naturschutz und Reaktorsicherheit] (Hrsg.): Konferenz der Vereinten Nationen für Umwelt und Entwicklung im Juni 1992 in Rio de Janeiro – Dokumente (Agenda 21, Konventionen, Rio-Deklaration, Walderklärung), Bonn, 1992.
5. Climate Wrongs and Human Rights (Oxfam Briefing Paper 117). Oxford. 2008.
6. Edenhofer, O. / Flachsland, C. Ein Global Deal für den Klimaschutz. Herausforderungen an die Energie- und Klimapolitik, in: Amos international 2. 2008. – V. 1, – S. 24–33.
7. Ekardt, F. Wie die Klimawende wirklich gelingt. Neuer Lebensstil, neue Weltordnung – Freiheit und Gerechtigkeit neu gedacht, in: Freiburger Universitätsblätter 180 (Juni 2008). 2008. – S. 9–22.
8. Epiney, A. «Gerechtigkeit» im Umweltvölkerrecht, in: Aus Politik und Zeitgeschichte 24/2007. 2007. – S. 31–38.

9. Faber, Daniel (Hrsg.) *The struggle for ecological democracy. Environmental justice movements in the United States*, New York: Guilford Press. 1998.
10. Grimm, D. Vorwort. in: ders. (Hrsg.): *Staatsaufgaben*. Baden-Baden. 1994. – S. 9–14.
11. Habermas, J.: *Die postnationale Konstellation. Politische Essays*, Frankfurt A.M. 1998.
12. Hattenberger, D. *Der Umweltschutz als Staatsaufgabe. Möglichkeiten und Grenzen einer verfassungsrechtlichen Verankerung des Umweltschutzes*, Wien/New York: Springer, 1993. – S. 182.
13. Hoffe, Otfried *Sittlich-politische Diskurse. Philosophische Grundlagen, politische Ethik, biomedizinische Ethik*, Frankfurt A.M. 1981.
14. Hoffe, Otfried *Moral als Preis der Moderne. Ein Versuch über Wissenschaft, Technik und Umwelt*, Frankfurt A.M. 1993.
15. IPCC [Intergovernmental Panel on Climate Change]: *Climate Change. The Physical Science Basis: Contribution of Working Group I to the Fourth Assessment Report of the IPCC*, ed. by C. Solomon, Cambridge U. A., 2007.
16. Jonas, H. *Das Prinzip Verantwortung. Versuch einer Ethik für die technologische Zivilisation*, 2. Aufl. Frankfurt A.M., 1994.
17. Kaufmann, F.–X. *Diskurse über Staatsaufgaben*, in: Grimm, D. (Hrsg.): *Staatsaufgaben*, Baden-Baden. 1994. – S. 41.
18. Kellersmann, B. *Die gemeinsame, aber differenzierte Verantwortlichkeit von Industriestaaten und Entwicklungsländern für den Schutz der globalen Umwelt*, Berlin U.A., 2000.
19. Kirchgässner, G. *Umweltschutz als Staatsaufgabe*, in: Grimm, D. (Hrsg.): *Staatsaufgaben*, Baden-Baden. 1994. – S. 486.
20. Kloepfer, Michael (Hrsg.) *Das kommende Umweltgesetzbuch*, Berlin., 2006.
21. Kloepfer, Michael *Umweltschutzrecht*, München: Beck. 2008. – S. 44.
22. Koch, H.–J. *Das Subsidiaritätsprinzip im europäischen Umweltrecht*, Stuttgart, U.A., 2005.
23. Koch, H.–J. *Rechtliche Vorgaben für ein Umweltgesetzbuch: Verfassungsrecht*, in: Kloepfer, Michael (Hrsg.): *Das kommende Umweltgesetzbuch*, Berlin. 2006. – S. 21–31.
24. Koch, H.–J./Krohn, C. *Das naturschutzrecht im Umweltgesetzbuch. Den Auftrag der Föderalismusreform erfüllen (Forum Umweltgesetzbuch 7, hrsg. vom Umweltbundesamt)*, Berlin, 2008.
25. Korff, W. *Umwelthetik*, in: Rengeling, H.–W. (Hg.): *Handbuch zum europäischen und deutschen Umweltrecht*, 2. Aufl., Köln u.a., Bd. 1. 2003. – S. 53.
26. Kreye, in: *Süddeutsche Zeitung*, Nr. 294, 21.12.2009. – S. 10.

27. Leist, Anton *Ökologische Ethik II: Gerechtigkeit, Ökonomie, Politik*, in: Nida-Rümelin, Julian (Hrsg.): *Angewandte Ethik. Die Bereichsethiken und ihre theoretische Fundierung*. Ein Handbuch, Stuttgart, 1996. – P. 386–456.
28. Leist, Anton *Ökologische Gerechtigkeit als bessere Nachhaltigkeit*, in: *Aus Politik und Zeitgeschichte* 24. 2007. – S. 3–10.
29. Maschewsky, Werner *Umweltgerechtigkeit, Public Health und soziale Stadt*, Frankfurt A. M., 2001.
30. Munkler, H. *Subsidiarität, Zivilgesellschaft und Bürgertugend*, in: Riklin, A. / Batliner, G. (Hg.): *Subsidiarität: ein interdisziplinäres Symposium*, Vaduz, 1994. – S. 80.
31. Murswiek, Dietrich *Staatsziel Umweltschutz (Art. 20a GG)*, in: *Neue Zeitschrift für Verwaltungsrecht* 15. – 1996. – P. 222–230.
32. Ostrom, Elinor *Die Verfassung der Allmende. Jenseits von Staat und Markt*, Tübingen: Mohr Siebeck? 1999.
33. Philipp, T. *Grünzonen einer Lerngemeinschaft. Umweltschutz als Handlungs-, Wirkungs- und Erfahrungsort der Kirche*, München, 2009.
34. Rahmstorf, S., Schellnhuber, H. J. *Der Klimawandel*, 4. Aufl. München, 2007.
35. Rauschnig, D. *Staatsaufgabe Umweltschutz*, in: *Deutschland nach 30 Jahren Grundgesetz. Staatsaufgabe Umweltschutz. Veröffentlichungen der Vereinigung der Deutschen Staatsrechtslehrer Bd. 38*, Berlin/New York: de Gruyter, 1980. – S. 210.
36. Renn, O. *Risk Governance. Coping with Uncertainty in a Complex World (Risk, Society and Policy)*, London, 2008.
37. Sinn, Hans-Werner *Das grüne Paradoxon. Plädoyer für eine illusionsfreie Klimapolitik*, München: Econ., 2008.
38. Sloterdijk, P. *Das 21. Jahrhundert beginnt mit dem Debakel vom 19. Dezember*. Interview mit A., 2009.
39. SRU [Der Rat von Sachverständigen für Umweltfragen] *Umweltgutachten*, Stuttgart, 1987.
40. SRU [Der Rat von Sachverständigen für Umweltfragen] *Umweltgutachten Umweltpolitische Handlungsfähigkeit sichern*, Stuttgart, 2004. Nr. 1–12.
41. SRU [Der Rat von Sachverständigen für Umweltfragen] *Umweltverwaltung unter Reformdruck: Herausforderungen, Strategien, Perspektiven (Sondergutachten)*, Berlin, 2007.
42. The Worldwatch Institute *Transforming Cultures. From Consumerism to Sustainability*, New York/London, 2010.
43. UNDP [United Nations Development Programme] *Human Development Report 2007/2008. Fighting climate change: Human solidarity in a divided world*, New York, 2007.

44. Vogt, M. Prinzip Nachhaltigkeit. Ein Entwurf aus theologisch-ethischer Perspektive. München. 2009. – S. 480.
45. Vogt, M. Ostheimer, J. Neue Maße für Fortschritt. Gesellschaftsvisionen im ökologischen Diskurs, in: Jahrbuch für christliche Sozialwissenschaften 45. 2004. – S. 109–141.
46. Vogt, M./Ostheimer, J. Die Suche nach der guten Gesellschaft, in: Politische Ökologie 100. 2006. – S. 13–17.
47. WBGU [Wissenschaftlicher Beirat globale Umweltveränderungen] Welt im Wandel. Sicherheitsrisiko Klimawandel, Berlin/Heidelberg, 2008.
48. World Resources Institute (Millennium Ecosystem Assessment, Washington, 2005.
49. Zu Relecture der klassischen Gemeinwohltheorie im Blick auf Umwelt als öffentliches Gut vgl. Vogt. 2009, P. 463–466.
50. Zur grundlegenden Einführung des Begriffs «Umwelt» für staatlichen Natur-, Ressourcen- und Strahlenschutz vgl. SRU. 1987. Nr. 1-40. – S. 40.
51. Zur Differenzierung zwischen Naturschutz, Tierschutz und Nachhaltigkeit für umweltethische Begründungsmodelle vgl. Korff. 2003. – S. 46–53.

II. МЕСТО ЧЕЛОВЕКА В ПРИРОДЕ – НОВЫЙ ВИД РЕЛИГИОЗНОГО ПОИСКА

УДК 21

Эволюция и Творение. Дополнение или антитезис?

1. Спорные вопросы между естествознанием и теологией. Две культуры

Жак Моно говорил, что человек ведет себя как «цыган на краю Вселенной, который глух к своей музыке и равнодушен к своим надеждам, страданиям или преступлениям» [5]. Это осознание экзистенциального одиночества, при котором все отношения между понятиями Я и Природа воспринимаются как возвращение к донаучному анимизму, является доминирующим жизненным чувством большинства людей в западном мире. Человек чувствует себя изолированным в бессознательном космосе.

Новый интерес к теме «Эволюция и Творение» является выражением искомого выхода из этого состояния одиночества. С понятием Творения связана надежда на осознанную интеграцию человеческого бытия в природную среду. Для разъяснения его статуса необходим критический анализ различных методов познания естествознания и теологии. Противоречия между этими дисциплинами являются выражением глубокого различия между осознанным и подтвержденным Я и научным описанием мира, в котором нет иных категорий, которыми он мог бы объяснить свое существование.

Эта «ужасная пропасть» оказывает влияние почти на все сферы жизни общества нашей цивилизации, которая разделена на «две культуры»: гуманитарные и естественные науки. Взаимопонимание обоих способов познания изначально нарушено из-за отсутствия общего языка, причиной этого также является недостаточно четкое осознание границ собственной теоретической модели. Пара понятий эволюции и Творения парадигматична для гетерогенности различных культур познания и, тем самым, многообещающа в смысле напряженной дискуссии.

2. Новый атеизм

В отношениях естествознания и теологии возникло новое движение, которое предполагает не только агрессивное разграничение, но и новые предложения по возможности их примирения. Тезисы «Возвращение богов» и «постсекулярная этика» являются девизом одной стороны, в то время как «новый атеизм» и «Бог как иллюзия» – изречениями другой.

Оба объекта дискуссии неразделимы, как две стороны одной медали. Новизна нового атеизма заключается, прежде всего, в высокой степени внимания к его представителям со стороны средств массовой информации и в их почти миссионерском усердии.

Аргументы этой теории можно найти в большей части работ четырёх классических адептов европейской религиозной критики: Фейербаха, Маркса, Ницше и Фрейда. Однако ее особенностью является смещение акцентов, в результате которого из-за дарвинизма в центре внимания оказалась теория естествознания, которая и стала руководящей идеологией нового атеизма. Это могло бы быть временем – как сказал Ричард Докинз в его всемирно известном бестселлере «Бог как иллюзия» [1] – агрессивного атеизма, который боролся бы с опасной тенденцией восприятия Бога религиозными фундаменталистами, в качестве иллюзии.

В этом случае атеизм стал бы угрозой для мирного сосуществования людей и проявления их человечности, потому как верующие абсолютизируют свою точку зрения, а это с неизбежностью привело бы к отторжению или даже к уничтожению иноверцев. Религия стала бы пережитком донаучного видения мира. Объединение религии и этики воспринималось бы как заблуждение. Могла бы быть религия опасным или полезным заблуждением – этот вопрос является предметом споров эволюционных биологов. Сторонники тезиса о пользе религии исходят из того, что она превозносит самоотверженность верующих, тем самым предлагая теорию преимуществ групповой селекции.

С теологически-этической точки зрения могут быть приведены два довода в качестве ответа на названные религиозно-критические упрёки.

1. В ответ на функциональную критику религии, как опасного заблуждения, следует напомнить, что самые великие преступники XX века, такие как Гитлер, Сталин, Пол Пот или Мао, были однозначно антирелигиозны. Однако и во имя Бога в прошлом и в настоящем совершалось и продолжает совершаться великое зло. Это ни в коем случае недопустимо. И, всё-таки очевидно, что последствия религии, как и влияние науки, излишне амбивалентны, так как возможны однозначно и категорически отрицательная или одобрительно этическая оценки. Научная этика уже окончательно

укоренилась в мировоззрении, культурных традициях и парадигмах без вреда для своей основополагающей идеи, при исключительно разумной аргументации. Исходя из этого, она может и должна найти свое место в рамках теологии для того, чтобы отвергнуть фундаментализм.

2 Утверждение, что религия всего-навсего возможная ошибочная функция эволюционно полезного механизма, должно относиться к познавательно-теоретической сфере. В «постметафизической эпохе» категория правды быстро была редуцирована до понятия преимущества пользы. Однако этому мнению можно противопоставить суждение, состоящее в том, что разум, относящийся к числу полезных категорий по отношению к собственным условиям и границам, в значительной степени остается непознанным. Он не может ответить на вопрос, в чем состоит преимущество пользы.

Концентрация внимания на полезном, исчислимом, постижимом и измеримом, которая характерна для современной философии позитивизма, методически оказалась в высшей степени продуктивной. Однако если эта методическая редукция становится мировоззрением, и полученные таким образом знания считаются реальной субстанцией, то наивность становится характерной чертой науки. Многие аспекты действительности неизмеримы, их описание возможно путем определения коэффициентов и функциональной модели полезности. На основании высокого и разнообразно примененного интерпретационного потенциала, теория эволюции стала первой возможностью разрушения границ и исходным пунктом трансформации естественнонаучной модели в мировоззрение, а также в политически наиболее влиятельные идеологии [8, S. 143–306].

Без взаимного критического дополнения и ограничения разум, как и вера, ветшает, превращаясь в специфические патологии. Вера из-за того, что без разума она становится фундаменталистской или, по меньшей мере, иррациональной; разум потому, что своими средствами невозможно полностью реконструировать условия и его «платформу». Наука, которая не представляет свои аксиомы и не очерчивает своих границ, становится мифом. Если под понятием веры подразумевают экзистенциальный самоанализ основ бытия, мышления и жизни, то наука также зависит от веры или, по меньшей мере, оставляет за собой такое право для того, чтоб это место не заняла идеология. В основе гносеологического оптимизма современной науки лежит специфическое мировоззрение, а именно предположение, что мир вообще рационально постижим. Осознание того, что это доверие (на древнееврейском «*aman*» доверять, верить) невозможно научно обосновать, его можно лишь сбалансировать и уберечь от упрёков в абсолютизации. Недостаточное понимание границ эволюционной модели прогноза, лежащей в основе теории, является первичным источником нового атеизма.

3. Модель комплементарности естествознания и теологии

Физики, пожалуй, видят меньше противоречий с религией, чем биологи, вероятно потому, что они мыслят категориями величин большего порядка, в которых наши привычные представления и понятия имеют свои границы. Так, к примеру, Ейнштейн исходил из того, что естествознание и религия являются в равной степени отражением основного порядка. Обе формы познания указывают друг на друга. Он предписывал религиозной форме мотивирующую функцию, а естественнонаучной – конкретизирующе-наглядную. Естествознание без религии «хромает», а религия без естествознания становится «слепой». Для Макса Планка религия и естествознание совместимы без противоречий, потому как они касаются разных сфер действительности, естествознание – объективного материального мира, а религия, прежде всего – субъективного мира ценностей.

Многие современные ученые-физики разделяют тезис комплементарного дополнения. Венский исследователь квантовой физики Антон Цайлингер сказал: «Удивительно, что мы, вообще, способны определить главные принципы. Почему можно познавать мир с помощью простых принципов, и он не настолько сложен, что мы вынуждены были бы бесильно опустить руки. Возможно, развитие монотеистических религий уже можно рассматривать как метод поиска простых основополагающих принципов. Неудивительно, что именно в культуре Европы с ее иудейско-христианскими традициями, которые воспринимают Бога как единственного и неповторимого, появились современные естественные науки» [11].

В отношении между биологией и религией уже в конце XIX – начале XX века наблюдается характерное противостояние различных позиций. В то время как теория эволюции в Германии была сопряжена с агрессивным антихристианским содержанием, находясь под влиянием «монистического мировоззрения» Эрнста Гекенса, в США ее распространение с кальвинистическим подтекстом осуществлялось в основном религиозными деятелями (Аса Грей, Джон Фиске, Дж. М. Сзведж, Джейм Мак Кош, Генри Друмонд и остальные [8, S. 206–240]).

Во всем мире большинство ведущих эволюционных биологов XX века стали ближе к религии, например: Рональд Фишер, Сьюэлл Райт, Джон Холдейн, Теодосиус Добжански. Дарвин сам назвал себя агностиком, для которого существенным вдохновением мышления были разногласия с теологическими подходами (например: физическая теология как вопрос о причине приспособления в природе). Систематически задаваясь вопросом об отношениях естествознания и теологии можно обнаружить следующие перекрестные понятия:

1. Естественные науки могут получать знания, опираясь на теологию, когда они доходят до границ того, что объективно поддается описанию, и субъекты, занимающиеся естественными науками, возможно ставят вперед собой вопросы о том, что выходит за рамки категории объективных фактов, встречаясь с чем-то, что воспринимается как чудо. Кроме того, технические последствия естественных наук, со своей стороны, нуждаются в основных постулатах из сферы культуры, этики и религии, а также в ответственности [3, S. 8].

2. Теология, в свою очередь, также ссылается на естествознание, потому что когда речь идет о Творении подразумевается именно тот материальный объект, который исследуют естественные науки под названием «природа». Только они имеют иной формальный объект, а, значит, и иные перспективы для одного и того же объекта. «Творение» подразумевает не отдельное свойство природы, а взгляд на природу через призму главного вопроса – что она позволяет сделать возможным и успешным. «Именно исследуемая естественными науками природа должна восприниматься теологией, как творение Господа» [7, S. 35].

Новейшие исследования естественных наук предлагают различные возможности их использования, которые впоследствии и в теологии ставят под сомнение саму модель привычного мышления. Парадигмы закрытой причинно-механической картины мира, доминирующие в XIX веке и блокирующие диалог с теологией, давно были пересмотрены представителями естествознания. Однако, элементарного природно-философского толкования революционных знаний в квантовой физике, космологии или в эволюционных теориях самоорганизации часто бывает недостаточно.

При конститутивном теологическом интересе к естественнонаучным исследованиям герменевтически можно опираться на созидательно-теологический метод Фомы Аквинского, который можно описать следующим образом: поиск правды осуществляется через осмысление опыта. Такая эмпирическая связь является одной из существенных основ и импульсом для возникновения современных наук в западной культуре. [7, S. 65–69]. Она ведёт к теологии, проявляющей интерес к эмпирическому исследованию, которое функционирует не как самодостаточная интерпретация мира, а как герменевтические рамки для объяснения результатов естествоведения в иных смысловых категориях и для того, чтобы ставить следующие вопросы с учетом экзистенциальных стремлений.

Теология также серьезно отделилась от этого метода. Для того, чтобы вести конструктивный диалог между теологией и естествознанием, необходим герменевтический подход, который, во-первых, критически ставит вопрос о любом из видов познания и перспективах объекта, и тем самым

отвергает поспешные обобщения, во-вторых, принимает во внимание культурные разногласия между библейско-античным и современным пониманием природы, которые содержат соответствующие утверждения, и, в-третьих, называет различные предположения, возможные поводы для трений, указывая на взаимную актуальность теологических и естественно-научных утверждений.

4. Ложные пути «неомифического поворота»

Перед лицом экологического кризиса попытки поиска разума вновь усиленно перенесены в космос. Идентификация себя как части предопределенного порядка считается гарантией «правильной» жизни. Основополагающая теоретическая модель перенесения «естественного» порядка на общественные взаимосвязи и есть парадигма самоорганизации, которая, в связи с аналогичным употреблением понятий, представляет собой универсальный ключ к интерпретации множества явлений почти во всех сферах (например, в «синергетике» Германа Хакена, пантеистической космологии Эриха Янча (Jantsch Eich), в «целостности видения» мира, как структуры жизни Фритьофа Капры или в квантово-физической «философии жизни» Ханса Петера Дюрра).

Многочисленные интерпретации квантовой физики, теории хаоса и других теорий самоорганизации являются попыткой «упорного противопоставления иссякшей в своей абстракции науки полноте толкования жизни и предложения ей субстрата для продолжения абсолютной абстракции» [2, S. 165]. Это может быть вполне принципиально выгодным. В высшей степени интересным является дальнейшее развитие теории эволюции посредством кибернетической модели комплексной адаптивной системы, которая демонстрирует высокую степень самоорганизации для философской и социальной интерпретации. Впрочем, есть необходимость самокритического анализа трансформирующегося значения основных употребляемых понятий в различных контекстах, если это не ведет к неомифической абсолютизации частичных перспектив.

Наведение мостов между физическими, биологическими и социальными явлениями в анализе религиозно и этически заинтересованных системных теоретиков в значительной мере основано на аналогичном применении понятий. Немало авторов ставят перед собой цель – заменить откровения веры и учения мудрости азиатской мистики представлениями о разуме и Боге, непосредственно вытекающими из естественнонаучных моделей [4]. Однако наука самопознания не может соприкасаться с непосредственным содержанием понятия бытия.

Её утверждения принципиально ограничены фрагментарной перспективой и находятся в разных плоскостях с мифологическими толкованиями разума. Без основы серьезного природно-философского самоанализа построение аналогий между физико-биологическими явлениями с одной стороны и социальными, религиозными и этическими явлениями или нормами с другой стороны, становится научным мифом [6].

Подводя итоги этого первого теоретически-познавательного подхода к теме «Эволюция и Творение», можно утверждать следующее: в комплексных адаптивных системах, описываемых как дальнейшее развитие теории эволюции, многие ученые открывают новый подход к вопросам религии. Если посредством новейших теорий они освобождаются от ошибочных представлений о материально и механистически закрытой картине мира и их взгляд заостряется на открытости и формировании будущего, то за этим кроется их обоснованное стремление к истине.

Формирование аналогий может дать толчок креативному мышлению. При этом предполагается, что эти теории являются достаточной основой значения понятий «этическое» и «персональное осмысление», но с научно-теоретической точки зрения этого недостаточно. Непосредственное наведение мостов между теорией эволюции, квантовой физикой, теорией хаоса и нормативными утверждениями этики и интерпретациями религии не достигается научными запросами. Человеку не предопределено природой, в чем состоит смысл его жизни, а значит и ее задача, ему только поручено искать ответы на эти вопросы.

5. Эволюция как выражение творческого бытия

Креационизм и теория интеллектуального дизайна как примеры ошибочных воззрений

Дискуссия об эволюции и Творении несет на себе отпечаток множества мнимых конфликтов, которые возникли из-за недостатка базовых знаний об уровне теологических утверждений. Во избежание непродуктивных разногласий, необходимо придерживаться определенных границ, предписаний с теологической и естественнонаучной точек зрения:

1. Теорию эволюции можно считать подтвержденным объяснением возникновения и изменения форм жизни;

2. Бог является замыслом того, причина чего пока не может быть объяснена. Поэтому попытка конкретизировать творение Бога, как нечто, что не может быть объяснено эволюционными процессами самоорганизации, обречена на неудачу:

3. Эволюция как естественнонаучная категория и творение/создание как теологическая категория не исключают друг друга, поскольку отвечают на разные вопросы. Теория эволюции не отвечает на вопрос о целенаправленном происхождении и смысле жизни, а теология творения – на вопрос о материальных процессах возникновения и развития жизни;

4. Неодарвинистское представление, о том, что случай и селекционный отбор могли бы быть достаточным объяснением для возникновения и развития жизни с научно-теоретической точки зрения является несостоятельным.

«Креационизм», представленный евангельскими протестантами в США, первый пренебрегает определением границ. Он основан на разногласии понимания библейской истории создания мира, которая уже в намерении изложения авторов и редакторов ничуть не нацелена на буквальную ее трактовку. Тот факт, что в 1996 году у католической церкви возникла необходимость в послании Папы Иоанна Павла II Академии наук, названного «Реабилитация дарвинистской теории эволюции», является свидетельством глубины отчуждения между естествознанием и теологией и за пределами круга евангелистских фундаменталистов. Аналогично креационизму, если не на более высоком уровне, и теория интеллектуального дизайна (ТИД), которой в Европе сегодня уделяется все больше внимания, является недостаточной. Она – основополагающая теория удивительного союза между консервативным католицизмом и евангелистским протестантизмом, совместно выступающими против просвещения и науки. Широкий отклик получил комментарий Кардинала Шенборна в Нью-Йорк-Таймс от 7.07.2005, в котором он говорит о «подавляющих, биологических индикаторах» теории интеллектуального дизайна. Действительно, эта теория указывает на явления неизбежной сложности и «белые пятна» в интерпретации дарвинизма. Ошибочным является ее утверждение о том, что «белые пятна» могут быть устранены только вмешательством сверхъестественного дизайнера. Бог рассматривается при этом как трансцендентный причинный фактор внутри естественного мира, что является категориальной ошибкой, как с естественнонаучной, так и с теологической точки зрения. Естественнонаучная ошибка состоит в том, что недостаточность до сих пор существующих объяснений не свидетельствует о том, что есть необходимость перехода к совершенно иному способу толкования. Приедемся было бы искать альтернативное натуралистическое толкование и повышать сложность собственной модели.

Теологически теория интеллектуального дизайна является категориальной ошибкой, поскольку она пытается естественнонаучными средствами (из-за невозможности объяснения сложности объекта исследования) доказать существование Бога. Тогда Бог воспринимался бы в той же плоскости, что и внутренние мировые причины, что изначально ошибочно. Причинно-механические недостатки толкования не могут ни доказать веру в Бога, ни опровергнуть ее.

Отличие между эволюцией и историей

Иногда благонамеренные биологи-эволюционисты склоняются к тому, чтобы идентифицировать божественное, как «дух вселенной», с динамической эволюционного процесса дифференциации. В этом случае Бог не являлся бы «абсолютной величиной, а сам проходил бы процесс развития — он и есть эволюция» [4, S. 411–415].

Христианское учение о сотворении мира настаивает на отличии Бога от процесса эволюции: а именно делает возможной открытую динамику сложной эволюционной системы «самотрансцендентности» (некоторые говорят также об эмергенции и фульгурации) в смысле возникновения чего-то качественно нового, что не является ни причинно-дифференцируемым, ни предсказуемым и в этом отношении «ломает» причинно-механическую картину мира. То, на чем основана самотрансцендентность, придающая визуализацию намерению, не может быть следствием системнотеологически-эволюционных размышлений.

С тех пор теория эволюции не в состоянии ни объяснить возникновение и реальность духовного, ни обосновать суть человеческого достоинства. Она включает в себя только объяснение изменения материального посредством материальных сил, а не изменения произвольных, ответственных действий. Последнее принадлежит к категории истории, на которую указывает и которой подчиняется эволюция, рассматриваемая с теологической точки зрения.

Теология сотворения мира не довольствуется толкованием мира в категориях эволюционных процессов случайности и отбора, а направлена на утверждение о том, что ее основой является целенаправленный акт решения Бога для мира и для людей, что дает их эволюции возможность развития, и позволяет стать осмысленной историей.

Благодаря распространению эволюционных аналитических выводов на социальные, культурные и духовные явления, возникают постоянно новые спорные вопросы между естествознанием и теологией или гуманитарными науками. При этом теология мироздания выступает против линейного переноса биологических законов эволюции на самопознание человека и норм его поведения. Она указывает на то, что теория эволюции может быть более существенной в понимании действий человека и способствовать возникновению функций морали не обосновывая, однако, последнюю [8, S. 321–346]. Если при этом богословие не хочет просто быть вытесненным, сдвывая с боям свои позиции, то оно должно активно действовать в направлении научно-теоретической дифференциации естественнонаучных и гуманитарных понятий.

Перспектива свободы человека состоит в том, что личность, определяющая в конечном итоге христианское мировоззрение, и в теологии мироздания, одновременно с Творцом, воспринимает личное существование как основу всего сущего. Так как бытие и поведение личности в качестве сущности свободы, в достаточной степени не могут быть объяснены причинно-механическими процессами, как показывает наш собственный опыт, то христианское толкование мира не удовлетворяет позиция эволюционной интерпретации, оно ставит вопрос об интенционально направленном начале, которое одновременно является и основой, и целью бытия. Иудейско-христианская традиция настаивает на личности, единственной в своем роде, как высшей декларативной категории; при этом она относится к историческим религиям, а не религиям примитивным (анимизму).

В рамках ньютоновского мировоззрения значимость исторической и личностной категорий для космологии является абсолютно ошибочной. Теории сложных систем находятся в относительной взаимосвязи с четким определением границ между природой и историей [7, S. 69–72]. Это перекликается с иудейско-христианской теологией мироздания, характеризую ее историческое представление природы, как уникального процесса, имеющего свое начало и конец [10].

6. Границы селекционного принципа

В новых эволюционных теориях диапазон принципа отбора четко ограничен. Однако он по-прежнему считается важнейшей основой относительной динамики эволюционного прогресса, хотя и связан с некоторыми другими селекционно-нейтральными, синергетическими или симбиотическими принципами, которые ставят под сомнение его значимость и связаны с определенными условиями. [8, S. 305–346].

Существуют множество теорий: нейтральный тезис молекулярной эволюции (Кимура), «эволюционные окна», допускающие мутацию и отбор только в ограниченных областях (Рехенберг), новое организационно-теоретическое толкование эволюционной динамики в контексте теорий хаоса и самоорганизации (Кюпперс, Кемпбелл, Айген), синергетика (Хакен), аутопоiesис (Матуран и Варел), синергезис (Маргулис), гипотеза Ген (Лавлок), дифференциация микро- и макроэволюций (Маир и др.). Все они, как и переоценка палеонтологических находок, указывают на приблизительно одновременное возникновение биологического разнообразия, а это необъяснимо с точки зрения дарвинистских принципов непрерывной мутации и отбора (С. Гоулд). Даже если естественнонаучная дискуссия о новых подходах в теории эволюции является отнюдь не законченной, она, однако, четко обозначает дифференцированную структуру конкурирую-

щих и кооперативных стратегий. Без способности живых систем к постоянной модификации собственной конструкции в соответствии со своими внутренними правилами и к креативной реакции на внешние стрессоры, проект жизни уже бы давно потерпел крах.

Современные эволюционные исследования ставят под сомнение концепцию Дарвина о решающей роли в непрерывном процессе эволюционной динамики случайных мутаций и отбора, обусловленного внешними условиями. Эта критика также отвергает представления о прогрессе, как результате борьбы за существование и естественного отбора. Представление о природе исключительно как о борьбе за существование, следствием которого, согласно законам природы, обязательно должен быть прогресс, было одной из основ главных идеологий XIX и XX веков [8, S. 143–306]. Опыт учит, что этика программированно запаздывает, если она не является неотъемлемой частью понимания человека и мира.

7. Динамичное понимание природы, как следствия библейской веры

Динамичное понимание природы, как того требует теория эволюции, является вполне логичным развитием иудейско-христианского учения о Творении, согласно которому мир имеет начало и, соответственно, с исторической точки зрения, его следует считать временной сущностью. Согласно принципам библейской веры, только в процессе эволюции и истории эта сущность становится тем Творением, которое соответствует воле Создателя. Согласно христианскому представлению, Бог создал природу как динамичную и живую реальность, которая обладает эволюционными силами развития и сама может быть причиной своего развития. Эволюция, таким образом, является динамичным критерием свободно воплощенного творения в результате собственных причинных связей. Под творением понимают не только акт создания сущности в начале образования Вселенной (*creatio prima*), но и экзистенциальную и постоянную зависимость творения от создателя, в подчинении которого она остается (*creatio continui* или «Сохранение»).

Сказанное следует воспринимать не статично, а трансцендентально-теологически как основание для внутренних мировых причин, как бытие в становлении, как движущую силу в и над динамикой эволюционного становления и прохождения определенного этапа развития, как источник времени. Вечность Бога следует понимать не негативно как «безвременье», а как творческое могущество бытия, жизненную силу, которую бытие содержит в себе и переносит через последовательно упорядоченные отрезки времени. Эволюция как способность природы развиваться, является повышением качества ее бытия, что ни в коем случае не умаляет творческой власти

Бога, напротив, оно отчетливо демонстрирует, что величие этой власти должно считаться еще более существенным (*semper maior*), чем в статичном мировоззрении. Сегодняшнее развитие и совершенствование эволюционных подходов в теориях самоорганизации является собой, с теологической точки зрения, еще один важный шаг для того, чтобы осознать большее величие и многогранность мироздания (творения), а, значит, и его создателя.

Эволюционная теория Дарвина утверждает, что основополагающую роль играет случай. Этому тезису соответствует теологическое понятие «конtingентности». Как считает Никлас Луманн «преодоление конtingентности» является главным заданием религии и теологии: поиск смысла вопреки случайности, непонимание или банальность событий, которые определяют нашу жизнь. Это дается нам нелегко. В то же время это необходимо воспринимать как избавление от узкого понимания понятия предопределенности судьбы и представления о необходимой последовательности событий, которая при этом несовместима с пониманием свободы в полном смысле этого слова. Теория эволюции и ее варианты – например, теория хаоса – требуют и с теологической точки зрения коррекции устаревших концепций. Панненберг отражает это понятием конtingентности событий, которое является центром теологии природы [7, S. 63]. Элемент креативности и новизны был бы невозможным в условиях строгой предопределенности – не важно, речь идет об образе Лапласского демона или религиозной судьбы. В царстве всеохватывающей необходимости не было бы места для свободы. Только на конечном этапе мироздания или природы необходимы взаимодействие, суть – говоря теологически, – совершенство [7, S. 44, S. 71].

Представление одного из понятий, запрограммированного на определенную конечную цель не соответствует библейской концепции, которая подчеркивает эсхатологическую открытость истории к непредсказуемым возможностям совершенства. Динамичное мировоззрение теории эволюции может помочь по-новому открыть процессуально и контекстуально связанные идеи Библии. Они долгое время были скрыты под преобладанием греческих примеров представлений о них, а сегодня могут быть по-новому включены в рамки процесса философии [10].

Литература

1. Dawkins, Richard *The God Delusion*. Boston, 2006.
2. Gutmann, Wolfgang Friedrich *Die mythische Perspektive hinter eingeführten naturwissenschaftlichen Abstraktionen*, in: Hermann Schrodter (Hrsg.): *Die neomythische Kehre. Aktuelle Zugänge zum Mythischen in Wissenschaft und Kunst*, Würzburg, 1991. – S. 147–170.

3. Hilpert, Konrad Einführung: Natur erkennen und deuten. Die Aktualität der Schöpfungstheologie, in: ders. / Gotthold Hasenhüttl (Hrsg.): Schöpfung und Selbstorganisation. Beiträge zum Gespräch zwischen Schöpfungstheologie und Naturwissenschaften, Paderborn, 1999. S. 7-9.
4. Jantsch Erich Die Selbstorganisation des Universums, 2. Aufl., München. 1984.
5. Monod, Jacques Zufall und Notwendigkeit. Philosophische Fragen der modernen Biologie, 8. Aufl., München. 1988. – S. 151.
6. Mutschler, Hans-Dieter Mythos «Selbstorganisation», in: ThPh 67. 1992. – S. 86-108.
7. Pannenberg, Wolfhart. 1970. Kontingenz und Naturgesetz, in: A. M. Klaus Müller/ ders.: Erwägungen zu einer Theologie der Natur, Gütersloh. 1970. – S. 80.
8. Vogt, Markus Sozialdarwinismus. Wissenschaftstheoretische, politische und theologisch-ethische Aspekte der Evolutionstheorie, Freiburg. 1997. – S. 346.
9. Vogt, Markus Prinzip Nachhaltigkeit. Ein Entwurf aus theologisch-ethischer Perspektive, München. 2009.
10. Whitehead, Alfred North Prozess und Realität. Entwurf einer Kosmologie, 2. Aufl., Frankfurt/M. 1984.
11. Zeiliger, Anton Einsteins Schleier. Die neue Welt der Quantenphysik, München. 2003. – S. 211.

УДК 316.244

Социальный дарвинизм. К вопросу о взаимодействии между понятием природы и социальной теорией**1. Теория эволюции как проблема христианской этики****1.1. Самая успешная парадигма современной науки**

Теория эволюции действительно наиболее успешная научная парадигма нового времени. В отношении большого числа разногласий и экстремально различных научно-теоретических, антропологических и общественно-теоретических интерпретаций, которые претерпела эта парадигма, едва ли найдется другая, равная ей. Теория эволюции изначально была не только биологическим объяснением природных процессов, но и явилась результатом интенсивного взаимодействия понимания природы и социальной теории. Сегодня это взаимодействие вытеснено с одной стороны более четким осознанием проблемы ошибочных натуралистических заключений и дистанцией между природно-правовыми этическими концепциями, а с другой стороны, оно появляется в новом облике в качестве не полностью недооцененной эффективности, проявляясь через необходимость естественнонаучных объяснений в социальных, этических и духовно-научных взаимосвязях.

В нынешнем процессе дальнейшего развития теория эволюции раскрывается и в сфере классических социально-научных тем, например:

1. Духовно-интеллектуальные дебаты о возможностях и границах свободы;
2. Биологически инспирированные системные теории социологии Никласа Лумана;
3. Экономические теории конкуренции в эволюционной экономике;
4. Экологические модели баланса и преемственности, которые используют очевидность, как следствие дальнейшего синергетического развития теории эволюции, способствуют широкому распространению выводов для формирования общественных норм.

Некоторые из этих направлений развития научно-теоретически ведут к остающимся открытыми вопросам относительно границ между человеком и природой или к оценке конкуренции в различных контекстах.

Таким образом, социал-дарвинизм ни в коем случае не является лишь темой для ретроградной истории этического-политических заблуждений. Это актуальная проблема для самосознания людей и обустройства социального порядка.

1.2. Историческое многообразие социал-дарвинистических интерпретационных моделей

Общественно-теоретическая интерпретация и политическая реализация эволюционной теории Дарвина имеет решающее значение для истории конца XIX – начала XX веков. Из-за большого разнообразия социологических, экономических и политических интерпретаций социал-дарвинизм не так прост для понимания его внутренних взаимосвязей. Что объединяет, к примеру, либеральный вариант эволюционной общественной теории в США, для которой изначально был создан термин «социал-дарвинизм», с расово-гигиеническим и империалистическим вариантом социал-дарвинизма в Европе, в котором Конрад Мартиус увидел «социал-дарвинизм как таковой»?

Казалось бы, обе антагонистические общественные теории обращаются к Дарвину. Восхищение динамично-эволюционным мышлением абсолютно очевидно связано с многочисленными переосмысленными и ошибочными интерпретациями общественно-теоретических выводов. Необходимо значительное философское усилие для того, чтобы открыть здесь внутренние взаимосвязи. Именно из-за большого спектра, казалось бы, противоречивых проявлений социал-дарвинизм недооценен и не познан в его внутренних взаимосвязях. Тяжело просматривающееся соединение гетерогенных эволюционно-теоретических и этических аргументов делает его теоретически и политически максимально взрывоопасной смесью. Такая ситуация остается актуальной до сегодняшнего дня.

Социал-дарвинистское мышление в настоящее время

Частично в области определений, частично в радикальной форме социал-дарвинистическая интерпретационная модель присутствует в научной и в политической дискуссии современности. Сегодня есть новые понятия, от имени которых ведется дискуссия об этих проблемах, например, «социобиология», которая на основе игровой теоретической расчетной модели трактует поведение животных и человека, как постепенную максимизацию жизнеспособности генов и, тем самым, представляет экстремальный радикализм основного социал-дарвинистического мотива борьбы за существование как «двигателя» развития. Социобиология программно и агрессивно объединяет биологические исследования с интерпретацией человеческого поведения, а также с этическими, познавательно-теоретическими и религиозно-критическими положениями.

Наряду с антрополого-этическими дискуссиями социобиологии существуют, прежде всего, социологические и экономические общественные теории, в которых эволюционно-теоретические игровые концепции и сегодня оказываются многократно доказанными и удивительно плодотворными.

Конкуренция, как «процесс открытия» является основной фигурой аргументации лауреата Нобелевской премии Аугуста Фридриха фон Хайека, который был вдохновлен теорией Дарвина и разработал высокопродуктивную, экономико-политическую программу в области пересечения биологической и социальной теорий эволюции. Эта программа до сегодняшнего дня оказывает влияние на экономико-этические руководящие принципы теории и практики. Концептуальным мостом между экономикой и теорией эволюции является, прежде всего, игровая теория, которая анализирует стратегии кооперации и конкуренции при условии максимальной пользы направленной рациональности. Эта модель имеет большое значение и для этической дискуссии, особенно в рамках теории рационального выбора и различных игровых видов утилитаризма.

2. Основные идеи социал-дарвинизма в XIX – XX веках

2.1. Что такое социал-дарвинизм? Путь к определению понятия

Социал-дарвинизм является общественной теорией и практикой, опирающейся на законы эволюции, чей центральный объект – концепция существования как борьба за жизнь. Это дает нормативное представление о том, что желание получать общие блага должно быть свойственно только наиболее приспособленным организмам.

В политике этот селекционно-теоретический прием, происхождение которого обусловлено работой Дарвина, привел к различным интерпретациям: он распространен в британском и американском экономическом либерализме с руководящим принципом экономической борьбы за существование, в антимастифизическом монизме и в «аристократической» этике кайзеровской Германии (Эрнст Геккель). Через теорию классово-борьбы и естественного развития в раннем социализме селекционно-теоретический прием перерос в империалистический социал-дарвинизм и «равную гигиену» национал-социализма.

Понимание сложных взаимосвязей социал-дарвинизма возможно в том случае, если вместо того, чтобы заострять внимание на определенном политическом переосмыслении или толковании, сначала рассмотреть лежащую в их основе интерпретационную модель, именно интерпретацию борьбы за существование, как центральную движущую силу развития. Эта идея оказалась наиболее плодотворной в естественных и социальных науках.

2.2. Первоисточники: Спенсер и Дарвин

Герберт Спенсер как «додарвиновский социал-дарвинист»

Викторианский социальный философ Герберт Спенсер еще до появления произведений Дарвина разработал общественную теорию, которая обозначена как «додарвиновский социал-дарвинизм». В появившемся еще в 1850 году произведении «Социальная статика» Спенсер развивает основные селективные идеи высшего развития через элиминирование слабых, как общественно политическую руководящую концепцию. В сочинении «A Theory of Population, Deduced from the General Law of Animal Fertility» (1852) Спенсер доказывает, что нехватка продуктов оказывает положительный эффект на развитие рас, потому как это стимулирует особые культурные усилия и, таким образом, происходит отбор лучших представителей человечества, способных к выживанию.

В этой работе, вышедшей в свет за 7 лет до главного произведения Дарвина, Спенсер ввел основные социал-дарвинистические понятия «борьба за существование» («struggleforexistence») и «естественный отбор» («survivalofthefittest»). Последнее перенял Дарвин уже 17 лет спустя в пятом издании своего главного произведения «Origin of Species». Социал-дарвинизм является не запоздалым применением биологической эволюционной теории в отношении общества, а предшествующей ему социальной теорией, усиленной авторитетными эмпирическими исследованиями Дарвина. Основные идеи социал-дарвинизма восходят к воззрениям не Дарвина, а Герберта Спенсера. На этом основании происходит перерастание эволюционизма в философскую, социологическую и этическую универсальную теорию, а также снижение в основных моментах ее мощного влияния на общественно-теоретические концепции второй половины XIX века.

Об отношениях Дарвина и социалдарвинизма

Чарльз Дарвин медлил с опубликованием своей эволюционной теории. Более двадцати лет он собирал доказательства, прежде чем в 1859 году представил миру свое главное творение «The Origin of Species Means of Natural Selection or the Preservation of Favoured Races in the Struggle for Life». В произведении «The Descent of Man» (1870), в котором после долгих размышлений он опубликовал свое видение применения эволюционно-биологической теории в отношении к человеку, Дарвин постоянно сомневался, распространяется ли селекционная теория на культурную сферу, и определенно подтверждал важность гуманитарной этики. Однако это ни в коем случае не исключает того, что и у него можно найти формулировки, однозначно относящиеся к социал-дарвинизму. В письме к юристу Гайнриху Фику он положительно отзывался о социал-дарвинистских политических предложениях.

В его втором главном произведении «Происхождение человека» также имеются соответствующие пассажи: «Как и любое другое животное, человек, несомненно, обязан своим нынешним высоким положением борьбе за существование в результате быстрого репродуктивного процесса. И если он хочет достичь больших высот, то должен оставаться в состоянии ожесточенной борьбы». От этого заявления, которое уже у Дарвина имеет лингвистическую форму почти условного, но одновременно и очень общо сформулированного постулата, недалеко до социал-дарвинистических идей. Утверждение, что социал-дарвинизм зиждется на простом незнании оригинальных записей Дарвина, предвзято апологично.

Сам Дарвин страдал от противоречий между биологическим и этическим критериями оценки, которые не мог примирить. Таким образом, он едва ли противопоставлял что-либо социал-дарвинистическому толкованию своей теории, в частности Хаксли и Геккелем, с которыми был знаком. Возможно, именно эта сдержанность Дарвина сделала лежащую в основе социал-дарвинизма концепцию еще более стойкой и эффективной.

Дарвин – не основатель, а катализатор социал-дарвинизма

Вообще, социал-дарвинистические выражения Дарвина единичны и не являются основными в его воззрениях. На основании его личных взглядов, образа мыслей, несущих на себе отпечаток гуманитарной этики, он сознательно воздерживался от этико-политических заявлений. Однако, идеи развития, как результата отбора, все же получили широкое распространение. Таким образом, несправедливо считать Дарвина их родоначальником.

Эволюционное мышление – это выражение возникшей в середине XIX века и под именем Дарвина очень быстро распространившейся универсальной теории динамичной концепции развития природы и общества. Биологические исследования Дарвина о происхождении видов были восприняты как подтверждение новой философии, чьи корни очень условно можно найти в биологии. Ни один из основополагающих мотивов социал-дарвинизма нельзя рассматривать в качестве оригинального творения теории Дарвина. Таким образом, произведение ученого не является первоисточником социал-дарвинистической теории, было бы более справедливо определить его роль как катализатора всеобъемлющего переломного процесса в обществе и в понимании науки второй половины XIX века.

Общественно-теоретические источники теории эволюции

Как свидетельствуют записи дневника Дарвина, решающим методологическим импульсом для создания эволюционной теории послужили селекционные социальные теории (в частности «Народный закон» («Bevölkerungsgesetz») экономиста Томаса Мальтуса, определение морали на

основе культурного селекционного процесса Давида Юма, а также утилитарный подход в этике). «Центральная теория Чарльза Дарвина об эволюционном развитии основана на внешней перспективе, происхождение которой не ограничивается биологией». Создание теории Дарвина изначально происходило в рамках широкой философской дискуссии, в которой социальные и биологические идеи являются ее составляющими и, одновременно, представляют контекст мышления. Эта теория не может рассматриваться ни как «объективное», чисто биологическое исследование, причем, еще и изолированное, ни в качестве отправной точки или начала новой парадигмы. Именно в социологии через взаимосвязь между учениями Спенсера, Зиммеля, Малиновского и, частично также, Дюркгейма, содержится отдельная история влияния социал-дарвинизма, которая признана самой плодотворной исследовательской программой. При этом отдельно разработана тема развития как борьба за существование через конфликты, соперничество, ссоры и социальный селекционный отбор, так что социологический социал-дарвинизм может быть обозначен как разновидность параллельной дискуссии с биологическим социал-дарвинизмом.

2.3. История влияния: поворот от теории развития к теории разрушения

Социал-дарвинизм на основе эволюционных теорий развития

Основополагающей для социал-дарвинизма является интерпретация общества как «естественного, природного факта», то есть системы социальных отношений, спонтанно развившихся из стремления удовлетворения основополагающих биологических потребностей индивидуумов, и интегрированной посредством приспособления различных механизмов к динамичному социальному порядку. В противовес договорно-правовой традиции, восходящей к Гоббсу и Руссо, которые трактуют общественный порядок как результат конвенциональных установленных ограничений, «органическая» концепция общества и производное от нее, естественное право, являются точкой отсчета эволюционной традиции.

Этика у Спенсера и его последователей более не рассматривается прежде всего с точки зрения внутреннего решения отдельного индивидуума, она является адаптацией к общественному существованию человека, которое определено конкуренцией и разделением труда. Решающий социально-этический вывод социал-дарвинизма состоит в том, что в зависимости от влияния «естественной» динамики борьбы за существование допускается и стимулируется конкуренция в рамках культуры и, прежде всего, экономики, как средство дальнейшего развития. В этом состоит общественно-теоретическая концепция британских философов-просветителей, направленная на свободу индивидуумов, к которой они стремятся и считают ее самым большим преимуществом.

Манифестом социал-дарвинизма признано произведение Томаса Хаксли «Борьба за существование. Программа» («The Struggle for Existence. A Program»), которое было названо идеологическим и политическим предшественником эволюционной теории и «бульдогом Дарвина» («Bulldogge Darwins»). Наиболее сильная политическая действенность социал-дарвинизма проявилась, прежде всего, в симбиозе экономического либерализма и религиозно-кальвинистического прогрессивного оптимизма в США.

Американский вариант понятия «социал-дарвинизм», в первую очередь, несущий отпечаток социологического профессионального термина, главным образом находился под влиянием Спенсера и трансформировался, особенно благодаря Сумнеру, в самостоятельную социологическую теорию культуры. В экономике «золотой Америки» Эндрю Карнеги, как и Джон Рокфеллер, апеллируют к Дарвину и Спенсеру.

В то время, когда в США эволюционная теория распространялась через религиозных деятелей на фоне кальвинизма (Аса Грей, Джон Фиске, Дж. М. Севедж, Джеймс Маккош, Генри Драммонд и др.), в Германии ее связывали с агрессивно антицерковным содержанием, которое в значительной степени определено Эрнстом Геккелем. Эволюционный монизм Геккеля несет антиметафизический отпечаток и пытается программно подвести к этике на основании биологических предпосылок. Геккель пропагандирует аристократический социал-дарвинизм, под которым он подразумевает природный закон преимущества сильнейшего и лучшего. Книги Геккеля имеют научно-популярную направленность и на рубеже веков издавались сотнями тиражами.

Первоначально эволюционная теория и ее философское и общественно-теоретическое толкование активно распространялись на континенте через социалистическое и социал-демократическое ее восприятие (Ланге, Каутски, Вольтманн). Энгельс жестко критиковал Дарвина в своей работе «Перенесение манчестерского капитализма на природу» («Übertragung des Manchesterkapitalismus auf die Natur»), однако признавал, что дарвинизм является масштабной, обусловленной законами природы концепцией развития. Интерпретация Кропоткиным взаимопомощи, как основного средства борьбы за существование – это внутренняя вариация одинаковой парадигмы, которая придаст социалистическому восприятию дарвинизма собственный коллективистский акцент. Отдельные усилия по синтезу социализма и социал-дарвинизма непродолжительны по времени: в 20-е годы социал-дарвинизм интерпретируется, как расово-гигиеническое учение с широким спектром политико-правовых положений, которое развивается в жесткой оппозиции к социализму.

Расово-биологический социал-дарвинизм

Наряду с формами социал-дарвинизма, связанными с эволюционными теориями развития, можно определить их второй основной тип, находящийся под влиянием расово-биологических теорий разрушения, которые с коллективистской и государственно-авторитарной позиции направлены на интерпретацию эволюционной теории. Они полагают, что на основании культурных ограничений в борьбе за существование угрожающий распад биологической конституции человека может быть предотвращен только государственным вмешательством. Характерным для расово-биологического социал-дарвинизма является обращение к додарвинистским категориям (типологическое определение рас, данное Ж. А. де Гобино, романтическая теория органа и связанное с этим нормативное понятие сообщества). Раса, воспринимаемая в нем, как центральный элемент борьбы за существование, становится коллективистским объяснением причин борьбы.

Связанный с расовой теорией социал-дарвинизм относится к основополагающим и определяющим константам гитлеровского мышления и указывает на источник его идеологической целенаправленности и его метафизической миссии. «Все содержание работы Гитлера «Моя борьба» («Mein Kampf») – демонстрация того, как вульгарно-дарвинистски окрашенный монизм определяет духовный горизонт национал-социалистического руководства. Он относится к тому небольшому количеству идеологических элементов, которыми с точки зрения тактики власти не Гитлер произвольно манипулировал, а которые владели им в течение всей его политической карьеры».

Хотя социал-дарвинизм при Гитлере имел характер мнимого, не связанного с реальностью и логически неустойчивого идеологического фасада, он смог развиваться при национал-социализме в едва не превосходящую программную силу. Существенную роль в данном случае сыграла ставшая популярной двойная функция вульгарно-дарвинистической идеологии борьбы, для которой «борьба за существование» стала главным принципом, а «право сильнейшего» – основным правилом сосуществования отдельных людей и народов.

Социал-дарвинистская теория борьбы за существование была, таким образом, не только содержанием, одновременно она выполняла и функцию национал-социалистического мировоззрения, т. е. была использована как средство пропагандистской борьбы.

Некоторые из исследователей рассматривают научно облаченное расово-гигиеническое движение национал-социализма в качестве «дарвинизма как такового». Едва ли можно считать справедливой базирующуюся на многократном переосмыслении подмену основных понятий, предшествующих дарвинизму: понятия расы, теории развития и распада, коллекти-

вистского вместо индивидуалистического, государственно-авторитарного вместо либерального. Усиленная биологизация политики и этики позволила связать взаимосвязь с эволюционной теорией Дарвина и Спенсера к нескольким лозунгам.

3. Социал-дарвинистический образ мышления в актуальных сферах деятельности

Применение категории «социал-дарвинизма» в актуальных дискуссиях представляется проблематичным, потому как ее определение, как правило, очень расплывчато, и употребляется с целью огульного осуждения в ассоциативном ряду негативных выражений, таких как «манчестерский капитализм», «расовая гигиена» или «империализм». Сам термин придает дискуссиям эмоциональный характер, что дает шанс на действительную взаимосвязь с общественностью, что не является требованием научной этики. Речь идет не о полемических жалобах и обобщениях, а о возможно более точных критериях различий между добром и злом, т. е. между справедливостью и несправедливостью. Здесь я вижу, прежде всего, два аспекта, к которым может иметь отношение исторический опыт различных проявлений социал-дарвинизма:

1. Где именно находится область применения и границы понятия «развитие через борьбу за существование», т. е. конкуренции, и какое значение для социального устройства имеет соперничество?

2. Каковы права и границы применения биологического значения этого понятия в культурной, общественной и этической взаимосвязях?

На оба вопроса нельзя отвечать одновременно: соперничество остается решающим двигателем прогресса и обеспечивает свободу самоорганизации общества. В то же время, нерегламентированное соперничество сегодня можно отнести к главным угрозам общественного порядка, и именно христианской этике, которая особым способом направлена на защиту слабого, оно является основной проблемой. Недопустимо, чтобы христианская этика на поприще любви к ближнему и солидарности оставалась вне соперничества. Следует учиться думать о социальном в контексте конкурентных отношений. При этом эволюционный и игровой теоретический анализ может способствовать дифференциации социальной этики, потому как уклонение от конкуренции под предлогом полного дистанцирования от естественного и общественного устройства является чересчур простым решением. В системно-теоретической перспективе биологическую и общественную эволюции следует рассматривать как «случаи применения одинаковых категориальных схем».

3.1. Социобиология, как новый вариант социал-дарвинизма

Насколько сегодня распространено социал-дарвинистическое мышление, которое проявляется в новом облике, свидетельствует, в частности, успех социобиологии, разрабатывающей социал-дарвинистическую модель интерпретации развития через борьбу за существование в радикальном варианте и постепенно применяет ее к отношениям между людьми.

Докинз: «Эгоистичный ген»

Наиболее известным представителем современного социал-дарвинизма является Ричард Докинз. Основываясь на своей идее эгоистичного гена, он представляет животных и людей в качестве «механизмов для выживания» с целью максимального распространения руководящих ими генов.

Происходит отбор генов по их способности к максимальному распространению собственной программы. Организмы, по Докинзу, изначально пассивные сосуды для генов.

Поведение всех организмов управляется бессознательным биологическим запросом генов с целью максимализации их шансов на воспроизводство. Формы человеческого поведения являются для Докинза бессознательным выражением этой генетической стратегии. «Из-за того, что гены диктуют, каким образом строится машина для выживания и ее нервная система, они оказывают решающее влияние на поведение. Гены принимают решение о тактике, которую должно применять тело, а мозг – исполняющий орган».

Такие максимально направленные на их воспроизведение агенты формируют, по Докинзу, и основу его объяснения культуры. Тут он обозначает репликаторов термином «мем». Как и гены, управляемые естественным отбором, человеческие мысли, идеи и культурные творения находятся в процессе борьбы за право их господства. Этим представлением об идеях, т.е. мемах, как абстрагированных от индивидуумов действующих элементов истории, Докинз рессимирует, как зоолог не осознавая этого, идею Гегеля об «абсолютном духе».

Социобиология это активная радикализация социал-дарвинистической модели прогноза. В ее основе лежит представление о том, что гены представляют собой действующие друг против друга элементы, которые можно воспринимать отдельно, как по происхождению, так и по заключенной единице информации. Во-первых, в качестве точки отсчета жизни никогда не существовали предполагаемые Ричардом Докинзом эгоистические «репликаторы» (его обозначение предшественников генов), они – продукт фантазии. Во-вторых, «генетическая модель действующих элементов» не

соответствует новейшим исследованиям о сложном взаимодействии генов с клеточной средой: динамика генов в значительной степени управляема транспозиционными элементами, включающими и выключающими их активность; они управляются через присущие им схемы реагирования, и их не следует воспринимать, как пассивные продукты управляющей всем внешней селекции. Утверждение, что гены – самостоятельные действующие элементы и источник жизни, является производным от абсолютизации принципа полезности. Их существование никоим образом не подтверждено биологически.

Мечта о новом человеке в биологических науках

Джеймс Уотсон, который в 1962 году вместе с Френсисом Криком получил Нобелевскую премию за открытие двойной спиральной структуры гена, предлагает тезис о том, что в будущей эволюции человек не должен полагаться только на Бога. Его этической обязанностью является минимизировать генетические дефекты на подготовительной стадии, путем генетического планирования сделать человека способным побеждать в эволюционной борьбе за существование. Перед лицом таких, совсем не единичных, заявлений Юрген Хабер в био-этических дебатах напоминает о социал-дарвинистической евгенике, которая в новом, именно в индивидуализированном «виде» начинает влиять на научное мышление и, частично, на медицинскую практику. Успехи генной инженерии, по Хабермасу, ведут к биотехнической дедифференциации антропологически глубоко укоренившегося отличия между субъектом и объектом, естественным и искусственным.

Тем самым в философии нарушается основополагающая симметрия между свободными и одинаковыми личностями, которая является условием жизни нашего морального самосознания. Петер Слотердайк, напротив, видит в строгом отличии субъекта от объекта, которое скрывается за страхом перед самостоятельными генетическими манипуляциями человека, лишь продукт разложения устаревшей метафизики. Противоречивые дебаты должны вестись за пределами натуралистической метафизики. Из-за того, что естественно-философское и творческо-теологическое определение границ между субъектом и объектом не является данностью, оно подчинено пожизненному процессу формирования личности. Этический анализ ошибочного развития социал-дарвинистической евгеники учит оценке шансов и границ «красной» (касающейся человека) генной инженерии для гуманной медицины.

Утилитаристская аргументация медицинской пользы исследования эмбрионов, приводимая некоторыми обладателями мандатов во время дебатов в Бундестаге об импорте эмбриональных стволовых клеток, является несостоятельной: прогресс медицинских шансов при лечении и свобода исследований являются действительно большим коллективным достижением, од-

нако, они противоречат понятию защиты жизни индивидуума. При таком подходе перед этической логикой принятия решений возникает дилемма чрезмерной принципиальной требовательности человека к себе. Императив лечения является второстепенным по отношению к безусловному требованию защищать достоинство человека. Этический запрет на убийство преобладает над возможностью предложения лечения. По отношению к индивидууму социал-дарвинистическая евгеника ведет по ложному пути безграничной и поэтому антигуманной борьбы за существование.

Однако эта проблематика не освобождает от этической необходимости противостояния, когда это касается человека как личности. Понятия личности и ее становления несоизмеримы с определенным биологическим субстратом (напр., с определением генной программы). Боязнь генной инженерии основывается отчасти на механистическом представлении о том, что одновременно с генной программой закладывается программа поведения и идентичности организма. Перед лицом неожиданно высокой степени сложности этих взаимосвязей, кажется, должно быть немного больше хладнокровия, с тем, чтобы возможность управления поведением человека через генетические манипуляции была в конечном итоге действительно ограничена. Иногда и моральное волнение в обращении с человеческой генетикой является косвенным отражением биологического мировоззрения, которое опрометчиво сравнивает тайну личности с определенным биологическим субстратом. Не исследование, как таковое, а его привязка к редуccionистическим картинам человечества и научным моделям является реальной угрозой для ответственности в биотехнике.

3.2 «Борьба культур»: Формирование новой геополитики

В журнале «Foreign Affairs» в 1993 была опубликована статья «Столкновение цивилизаций?» («The Clash of Civilisations?») Самюэля Хантингтона. Версия книги обращается к парадигме борьбы за существование в новых «войнах», разрушающих границы между культурами, с подробным анализом учета глобальной политики и вытекающими отсюда военно-стратегическими предложениями действий. Книга принадлежит к числу наиболее спорных и наиболее влиятельных в военно-стратегическом плане за последние десятилетия. Только в немецком переводе в первый год после ее появления она была переиздана семь раз. Хантингтон избегает термина «социал-дарвинизм». Есть, однако, основания полагать, что теория «столкновения цивилизаций» может быть отнесена к социал-дарвинистическим традициям:

1) экзистенциальный конфликт между различными культурами с целью сохранения их идентичности и сферы влияния является лейтмотивом интерпретации исторического развития.

2) коллективистски объединяющее понятие «культура».

3) достоверное представление альтернативы милитаристского самоутверждения или разрушения, как главная динамика истории и ее развития. По этим критериям модель «столкновения цивилизаций» подпадает под империалистический вариант социал-дарвинизма.

Конфликты между западными и исламскими странами, точнее группами, кажется, подтверждают тезис Хантингтона на высшем драматическом уровне (война в Заливе, теракты 11-го сентября, афганская война, иракский кризис, война в секторе Газа). Перечисленные события не являются доказательством правоты его утверждения и в качестве примера способствуют разжиганию конфликтов: восприятие, значение и инсценирование угрозы само по себе уже является частью проблемы, поскольку способствует и усиливает конфликты по примеру самоисполняющегося пророчества. Социал-дарвинистская теория конфликтов, разрушающих границы при «столкновении цивилизаций» не видит их политические и экономические причины, а эмпирически критикует ситуацию посредством убедительных аргументов. Для понимания нового качества конфликтов их аналитическая значимость скорее менее существенна, чем представленные Хантингтоном культурные блоки. Речь идет о Ближнем и Среднем Востоке, об очень сложной системе отличий между разными исламскими течениями и группировками, хочется понять суть конфликтов и найти возможность их надежного решения: социал-дарвинистическая интерпретация культурных конфликтов, как борьбы за существование, является именно тем видом обобщения и популяризации, которые используются на Ближнем Востоке террористами, типа Бен Ладена, и такими диктаторами, как Саддам Хусейн, давая возможность, а на Западе и способствуя формированию образа врага, что осложняет процесс интеграции, готовности к достижению согласия и примирения. Подобное видение является одной из причин эскалации конфликтов.

3.3. Экономическая борьба за существование в условиях глобализации

За дерегулированием глобальных рынков, которое в данных условиях мировой экономики становится борьбой за существование для бесчисленного количества людей, стоят определенные теории. Они пользуются тем, что современная рыночная экономика является самым эффективным инструментом для создания благосостояния. Одновременно ощущается массовый недостаток культурных и институционных условий для конструктивного соперничества. Подобная нескритическая поддержка конкуренции, как средства развития, уже была частью социал-дарвинизма во время второй половины XIX века, тогда на национальном уровне.

На основании этико-исторического анализа данного опыта можно было бы чему-то научиться в смысле решения актуальных проблем справедливости в процессе глобализации. Во время современных дебатов о реформах в социальном государстве, к примеру, это касается объяснения некоторых проблем социально незащищенных и безработных людей, которые возникли, как результат недостаточности индивидуальных усилий и моральной деградации, что является повторением односторонней теоретической модели, позволяющей провести параллель с подходами британского и американского социал-дарвинизма в конце XIX века.

Конкуренция в рамках государственно-правового, рыночно-экономического и демократического устройства общества является большим шансом на благосостояние и гуманное развитие. Без таких рамочных условий она будет бесчеловечной. Крайне необходимо определить границы между продуктивной конкуренцией и деструктивной борьбой за существование. Это вопрос выживания для современного мирового сообщества.

Поэтому конкуренция в борьбе за рынки, продукты питания, воду и энергию перед лицом все возрастающих требований к благосостоянию постоянно увеличивающегося населения в условиях сокращения ресурсов из-за изменений климата и уменьшения разнообразия форм жизни становится все более жесткой. Это постоянно увеличивающееся конкурентное давление лишь тогда может быть продуктивно и мирно преодолено, когда его удастся организовать как честную конкуренцию с надежными рамочными условиями и высокой степенью защиты социально незащищенных людей.

Если агрессивная динамика в современной мировой экономике, чьи социальные и экологические «планки» постоянно снижаются, приведет к экологической борьбе за существование, за ресурсы, за рабочие места, то в обозримом будущем возникнет реальная угроза миру на Земле. Тем не менее, открытая конкурентная борьба является важным инструментом для инновации и справедливых возможностей. Однако, это не естественный факт, а очень требовательный и уязвимый социальный институт. Эффективной и справедливой конкуренцией может быть только при наличии государственно-правового порядка, социальных и экологических норм, а также культуры социальной ответственности, инициатив демократического контроля власти.

Сегодня становится все более явной необходимость этически правового регулирования процессов конкуренции, прежде всего из-за финансового кризиса. Для анализа условий конструктивной конкурентной борьбы полезным является противоборство с дальнейшим развитием социал-дарвинизма в экономических игровых теориях. Несмотря на то, что большинство эволюционных, системно-теоретических, экономических и утилитаристических эти-

ческих моделей очень непривычны для теологической этики, у них можно многому научиться. Это ни в коем случае не исключает четкого проявления доминирующей позиции принципа полезности, который является связующим элементом различных теоретических направлений. Абсолютизация принципа полезности – это заместительная метафизика, которая уже в социал-дарвинизме проявила себя как основное слабое место теории. Даже приведенные здесь три примера актуальных дискуссий о социал-дарвинистских идеях, вынужденно поданные в данных рамках очень кратко и фрагментарно – социобиология, теория «столкновения цивилизаций» и теория конкурентной борьбы – должны продемонстрировать, что речь ни в коем случае не идет лишь о конфликтах прошлого. В новом обличии и с измененными акцентами социал-дарвинистическое мышление занимает передовые общественные позиции.

4. «Белые пятна» теории борьбы за существование

4.1. Социал-дарвинизм не является замкнутой теорией

В отличие от марксизма социал-дарвинизм не является замкнутой или когерентной теорией. Он полон логических нестыковок и не имеет четкого внутреннего единства, разделяясь на бесконечное количество различных направлений и объединений с другими традициями. Стоит отметить, что некоторые полностью непоследовательные интерпретации эволюционной теории Дарвина развились, как наиболее эффективные варианты. Невероятно широкое распространение социал-дарвинизма связано с тем, что он представляет собой очень открытую, вариативную концепцию, способную приспосабливаться к любым потребностям и традициям.

Если отделить учение Дарвина от его биологического контекста, то многие понятия станут настолько неопределенными и многозначными, что откроют простор для возможных интерпретаций. «Подавляющий успех дарвинизма в значительной степени обеспечен политической неопределенностью, то есть, связан с тем фактом, что он лишь, в общем, соответствовал настроению эпохи, а все его основные элементы каким-либо образом были восприняты и переработаны. В применении социал-дарвинизм остался полностью свободным». Часто речь идет о социал-дарвинистском использовании биологической теории Дарвина только для получения производной, то есть для видимого оправдания морально-политических ценностей и целей, обусловленных другими мотивами.

Так как социал-дарвинистический биологизм был принят в доминирующей политической атмосфере полуобразованности, возможно, его относительно легкое логическое опаривание мало способствует историческому пониманию эффективности теории. Это – особая методологическая проблема

понимания феноменов ограниченной рациональности и духовной концентрации на уровне политического восприятия. Большое научно-популярное распространение является спецификой и выдающейся особенностью социал-дарвинизма. С ним связана не только проблема идеологизации науки, но и, в наибольшей степени, инструментализация как идеология. В качестве инструмента демагогического руководства массами, социал-дарвинизм был частью «формального изменения исторического процесса». Неконтролируемое взаимное проникновение отдельных понятий и моделей прогноза в биологии и нормативной истории общества стало центром политических процессов в масштабах, невиданных до этого времени.

4.2. Логически ошибочное заключение в формулировке «естественный отбор» («survival of the fittest»)

Основное понятие социал-дарвинизма «естественный отбор» является тавтологической, пустой формулировкой: при перенесении его на общественный контекст в качестве критерия «жизнеспособности» остается лишь фактическое выживание. Сказанное не является однозначно правильным, это полностью бессодержательное утверждение того, что выжившие выживают. Научно-теоретическое ошибочное заключение касается еще Дарвина, в нем последний делает субъектом действия в процессе отбора «избранную» природу и пренебрегает системно теоретическим единством между данным организмом и его средой. С точки зрения теоретической науки не существует абсолютной меры «прогресса» в природе, именно это утверждение является исходным пунктом некритического смешения понятий описания и оценки. «Усложнение» – также не является абсолютной мерой, потому как высокая сложность, к примеру, в смысле критерия способности к долгосрочному выживанию, часто кажется скорее негативно эффективной.

Распространенное представление о том, что формулировка «естественный отбор» должна быть принципом успешности, не является таковой, потому что она не дает представления о размерах успеха, а только постфактум оценивает тех, кто фактически выжил, как наиболее приспособленный организм, и тем самым идеологически оправдывает их. Особенно четко это проявилось в коллективистской интерпретации, на которую повлиял социал-дарвинизм в XX веке; потому что распределение общественных позиций на основе расовой принадлежности противоречит «аристократическому» принципу, провозглашенному еще Геккелем.

Логическая бессодержательность тавтологической формулировки «естественного отбора» перекрывается тем, что соответствующие признанные в обществе добродетели, как само собой разумеющиеся, ассоциировались с

убедительной интерпретацией того, что подразумевается под понятием «жизнеспособность». Естественнонаучная неопределенность делает возможным «оптимальное» приспособление к определенным предубеждениям, которые содержатся в ауре «железного» закона природы. Идеологическое замещение понятия «успешность», когда-то соответствующего определению господства, и ориентация мимо открытого состязания на эти критерии и сегодня представляет собой многократно наблюдаемую замену понятий. Этическая критика социал-дарвинизма не является необходимой критикой этической оценки и общественной «похвалы» за успешность, прежде всего, это критика попытки определять «успешность» без учета этико-культурных критериев. Это отличие дает возможность этически позитивной, хотя и ограниченной, оценки конкуренции, как средства культурной эволюции в открытом обществе.

4.3. Научно-теоретическая критика: переоценка принципа отбора

Самый удобным и распространенным способом реакции на отягощенную проблемами историю диалога между эволюционной теорией и этикой, является попытка полностью размежевать сферы наук: биологии и естествознания с одной стороны, а этики, теологии и культуры – с другой. Однако именно в этом случае они становятся уязвимыми для нерелевантного перенесения значений, которые сегодня, как и прежде, неосознанно скрыты за различными понятиями. Системно-теоретический подход исследования эволюции с самого начала был больше, чем просто биологическая теория. В этом смысле взаимопроникновение видения природы и теории общества – лишь часть этической проблематики. Более основополагающим является вопрос о пространстве и границах функционального селекционно-теоретического анализа в различных контекстах. Поэтому здесь я обращаюсь к научно-теоретической полемике об этической критике в ее узком значении. Мне понятно, что методологически это рискованный шаг, потому как здесь приведены сложные контраргументы, в которых я, как этик, не являюсь непосредственным специалистом. И, тем не менее, я считаю, что дебаты необходимы. Нижеследующий раздел не является бесспорным убеждением, скорее его следует воспринимать, как побуждение к дальнейшей дискуссии.

Методологические аксиомы Дарвина и их распространение на синтетическую теорию

Даже при том, что отличия биологической эволюционной теории в этическом и политическом восприятии в основном играют незначительную роль, именно они являются теми деталями, которые становятся предметом надлежащей дискуссии, дальнейшего развития и критики.

Дарвин исходит из определенного случая изменения биологического субстрата, основанного на точечной мутации, как движущего фактора эволюции.

Решающими аксиомами его теории по Бауэру являются:

1. Изменения, которые возникают в соответствующем виде в процессе эволюции и потенциально ведут к развитию новых видов, подчинены исключительно принципу случайности. Это касается качества и времени их появления.

2. Биологические изменения, которым подвергаются виды, возникают в обязательном порядке медленно и непрерывно, то есть линеино.

3. Максимальное распространение зависит исключительно от того, кто победит в борьбе за существование. Отбор основан на ведении борьбы на уничтожение между индивидуумами и между видами (принцип отбора).

Уже к началу XX века возникла синтетическая теория, как современный вариант дарвинизма, в которой пояснение случайных мутаций и экологически контролируемой селекции применяется и к генетической взаимозависимости, и, тем самым, распространяется на попытку их объяснения. Согласно сегодняшним требованиям ни разу не предлагалось исчерпывающее адекватное объяснение повышения степени сложности и феномена кооперации.

Комплексная динамика эволюции по ту сторону отбора

Распространение принципа отбора на новейшие эволюционные теории явно относительно. И в дальнейшем это является важнейшей основой относительной эволюционной динамики прогресса, упорядоченной, однако, согласно некоторым другим основополагающим селекционно-нейтральным синергетически или симбиотическим принципам, четко обозначающим ее относительность и связывающим эту динамику с определенными условиями. Существуют следующие инновационные подходы в этой сфере:

1. Нейтральный тезис молекулярной эволюции, согласно которому большая часть генетических мутаций в первую очередь остается в «спокойном» состоянии, а, значит, не экспрессируется в белковых молекулах, и поэтому непосредственно подвержена селекционному давлению (Kimura);

2. Ограничение динамики мутаций и селекции «эволюционными окнами», в которых большая часть структурированных эволюцией образцов четко определена (напр., шесть ног у насекомых) и остается неизменной независимо от того, всегда ли оптимально они адаптированы. (Rechenberg);

3. Новая организационно-теоретическая интерпретация эволюционной динамики в контексте теорий хаоса и самоорганизаций (Küppers, Campbell, Eigen);

4. Синергетика трактует эволюцию через анализ позитивных и негативных обратных связей в сложных адаптированных системах (Haken);

5. Автэпозис исходит из того, что живые системы, восстанавливаясь самостоятельно, активно влияют друг на друга путем сложного внутрисистемного взаимодействия. Они операционально закрыты и, тем самым, в очень ограниченной степени могут адаптироваться к внешним условиям (Maturana und Varela);

6. Сингенезис ставит во главу угла взаимодействие и коэволюцию определенных систем (Margulis);

7. Гипотеза Гей, согласно которой жизнь на Земле активно влияет на условия выживания (Lovelock);

8. Новый взгляд оценки палеонтологических месторождений свидетельствующих о том, что в эволюции жизни существуют равновесные фазы и внезапные толчки развития, которые можно было бы объяснить, согласно принципам Дарвина, постепенной мутацией и селекцией оспаривает, к примеру, «кембрийский взрыв», который и сегодня считается одной из наиболее вероятных причин разнообразия форм жизни (Gould);

9. Дифференциация микро- и макроэволюции (Maug и др.).

Без способности живой системы к постоянной модификации собственной структуры по ее внутренним правилам и к креативной реакции на внешние стрессоры, по всей вероятности дальнейшее существование жизни на земле было бы невозможным. Жизнь, кажется, в значительной степени способна формировать свои собственные условия. И гены следует понимать сегодня не как самостоятельно действующие единицы, а как составные части в высшей степени сложного и активного взаимодействия с их биологической средой. Даже если естественнонаучные дискуссии свидетельствуют о более новых подходах к эволюционной теории, подразумевающих методологически и философски взрывоопасное изменение позиции, в любом случае они не являются завешенными. Отчетливо прослеживается дифференцированное определение конкурирующих и кооперативных стратегий.

Современные эволюционные исследования ставят под сомнение дарвинистскую концепцию случайных мутаций и обусловленного средой отбора в последовательном градуальном процессе, которая играет решающую роль в эволюционной динамике. Эта критика резко снижает значимость представления о развитии, как борьбы за существование, следствием которой является естест-

венный отбор. Если мы трактуем природу, как процесс борьбы за существование и считаем, что именно поэтому, согласно правилам борьбы за существование, происходит необходимое по законам природы развитие, то программно этика появляется чересчур поздно. Это явно прослеживается в истории о влиянии теории на самого Дарвина: в своих личных субъективных убеждениях естествоиспытатель находился под влиянием гуманистической этики. Ее, однако, оттеснила мнимо объективная этика, наличие которой предполагает его учение о природе. Теперь, как и прежде, недостаточно противопоставлять социал-дарвинизму только этику субъективных предпочтений. Именно этика, отделенная на уровне научной теории от природы, имеет шансы быть на одном уровне с социал-дарвинизмом.

4. 4. Критика этики: пренебрежение безусловным достоинством человека

Этическая критика коллективистского восприятия индивидуума

Собственно, обоснование того, что мы называем «этическим», не дано природой. Его следует всегда рассматривать относительно человека, как нравственной личности и как индивидуального субъекта действия. Безусловное достоинство отдельного человека никогда не должно быть подчинено мнимой цели расовой оптимизации. Первая и самая фундаментальная критика социал-дарвинизма состоит в недостаточном уважении безусловного достоинства человека как нравственного субъекта. Однако, безусловная проблема «этического» всегда проявляется в многообразии естественных и исторических условностей жизни и творчества. Именно в этом состоит суть созидательной теологии, которая серьезно относится к понятию воплощения: воспринимать вечное в условиях настоящего, уважать безусловное в условностях творения и проявлять принцип любви внутри эволюционных конфликтов. Противостояние естественного «хочу» и нравственного «должен», эволюционной условности и безусловности нравственного требования не может быть решено коллективно путем апелляции к естественным законам природы. Это возможно только посредством культурного опыта индивидуальной свободы, которая составляет суть понятия «гуманность». Основной биологический постулат расово-гигиенического социал-дарвинизма, состоящего в том, что раса может быть решающей, эффективно эволюционной селекционной единицей, в настоящее время считается опровергнутым. Эволюция стратегии сотрудничества теоретически признана рациональным, т. е. функциональным образом действий. Щадящая модель поведения, которая ранее обозначалась понятием «альтруизм», сегодня все более ограничена или сведена к генетическому эгоизму (максимум жизнеспособности) или к взаимной выгоде. Тем самым из коллективистского социал-дарвинизма изъята также его биологическая основа.

Отличие между обоснованием и генезисом норм

Взаимодействие между пониманием природы и социальной теорией очень многообразно. Решающее значение имеет правильное распределение их нормативного статуса: обоснование норм не дано природой. Это возможно только при культурной целевой установке. Научное и этическое наблюдение за природой часто является интересным для понимания происхождения и функции норм.

В условиях сегодняшнего экологического кризиса достигнут апогей взаимовлияния природы и общества. И этически-политическая модель устойчивого развития в определенном смысле связана с этой традицией. Существует много упрощенных представлений о балансе в природе, которые должны бы быть непосредственным примером для экономики и общества. Однако именно в этом месте происходит решающее разграничение, при котором обращение к границам природы этически подчинено концепции справедливости.

Из-за изменений климата мы вынуждены иметь дело с серьезными переменами и выдерживать массивный натиск необходимости приспособления к ситуации. Если рассматривать это на примере борьбы за существование (как, напр., борьбы за постоянно сокращающиеся ресурсы) увеличивается вероятность того, что мы попеременно вынуждены вести себя определенным способом. Эволюционно перспективно следовало бы сконцентрироваться на способности креативного и совместного приспособления к изменениям. С учетом эволюции сотрудничества, а также правильного соотношения стратегии конфликтов и совместной работы, мы можем многому научиться от природы. Основные принципы справедливости не обусловлены эволюцией, но они должны упорно проявляться внутри ее динамики. Кто не осознает степень взаимодействия между пониманием природы и социальной теорией, тот слепо зависим от него.

УДК 2-21

**Взаимоотношения между Богом,
Природой и Человеком – развитие современной
католической социальной теологии в свете книги Бытия**

Мой доклад состоит из четырех частей: 1. (Методологической): Тупики в ведении диалога об окружающей среде; 2. (Библейской): Наказ Божьего Творения; 3. (Католической): Всестороннее развитие; 4. (Социолого-философской): Новое понимание благосостояния и прогресса.

1. Тупики в ведении диалога об окружающей среде

Необходимым условием такого рода диалога является, как следует из моего опыта, критическое осмысление обычных проблем общения. Существуют три основные методологические проблемы, относящиеся к нашему разговору об окружающей среде [7], которые еще более усложняются, как только теологи присоединяются к дебатам. Это становится слишком нравоучительным: 1. Избыточное обращение к морали с недостаточной реальной эффективностью; 2. Расплывчатые: излишне велик объем рассматриваемых вопросов, стремящихся вместить широкий спектр тем и поэтому неспособный определить точные цели; 3. Идеалистическим: призывы и указания к действиям не связаны с социальными и экономическими факторами, формирующими нашу личную и общественную жизнь.

Богословие может только тогда развернуться в полную силу, когда представители всех религий научатся избегать этих методологических ошибок. Однако чаще всего оно использует природные катаклизмы, с которыми мы все чаще сталкиваемся сегодня, как средство маскировки своих обычных ссотований по поводу разложения моральных ценностей или пытаются посеять страхи, которые в скором будущем якобы ожидают нас, навязывая идеи эко-апокалипсиса. Но Святое Писание христиан называется «Евангелие», т. е. «благая весть». Это значит, что наша задача – сеять надежду, а не страх. Нам необходимо находить положительные подходы к существующим проблемам, с которыми мы сталкиваемся. И это очень хорошо знают наши коллеги из Японии – решающий фактор в преодолении таких катастроф, как в Фукусиме – не усугублять парализующий страх. Многие представители религий считают этическим выводом из своей веры в сотворение мира требование – защитить Творение.

Такое понимание совершенно непонятно, если подразумевается, что нам следует относиться к природе как к объекту обслуживания и сохранять ее в данном состоянии. Понимание природы как объекта, нуждающегося в защите, сформировалось благодаря первым полетам в космос, которые дали людям представление о нашей планете как о маленьком хрупком шарике, плавающем в космосе, пробуждая человеческий инстинкт заботиться о слабых. Тем не менее, природа – это, прежде всего, открытая эволюционная система, которая постоянно меняется, а не объект защиты в статичном состоянии [33]. Мы сделаем только нормативно значимые заявления, если опишем точные аспекты природы, которые достойны защиты с точки зрения богословия, экологии, экономики, эстетики и культуры. В рассмотрении вопроса экологии с точки зрения религии особенно много было туманных воззваний к защите окружающей среды вместо точного определения и описания того, что стоит защищать. Для успешного общения по вопросам экологии необходим этический подход, использующий позитивные концепции, чтобы побуждать к действию, а не нагнетать страх. Он должен ориентировать индивидуальные и общественные процессы на решение проблем вместо нравоучительных воззваний; он требует точного анализа механизмов, рисков и возможностей в каждом отдельном случае вместо расплывчатых банальных высказываний; он требует реалистической оценки человеческих слабостей и социальных напряжений вместо оторванных от жизни утопий.

1.1. Межконфессиональный диалог, стимулированный естественными и общественными науками

Основное отличие между религиями в отношении ответственности за Творение – это не разница в географическом расположении, а несоответствие между амбициозными заявлениями и реальностью. Вопреки нашей научно-технически ориентированной культуре, все мировые религии борются за то, чтобы проповедовать свои этические идеалы. Взаимоотношения между Богом, природой и человеком – особенно сложная тема. Различия между религиями ничтожны по сравнению с элементарной неэффективностью и невосприятием религиозных учений в современном мире. Исконный разрыв не разделяет Азиатские религии, такие, как Индуизм, Буддизм или Синтоизм, и монотеистические религии, т. е. Христианство, Ислам и Иудаизм. Он скорее проходит между религиозной верой и современностью. Нам нужно новое, научно приемлемое и практически применимое понимание теологии Творения. Религии должны заново объяснять антропологическое, идеологическое и духовное содержание своих традиций, относящихся к творению, в контексте нашей научно-технической цивилизации. Естественным наукам и теологии Творения нужно учиться друг у друга [40].

Религиозный подход к экологической этике следует обсуждать методологически сфокусированным и концептуально обдуманым способом. В контексте этического поведения и религиозной мотивации эмоции и духовность являются решающими. Но духовность не начинается там, где кончается рациональность. Их лучше соединить. Этот баланс между верой и рациональностью – в наше время один из наиболее важных аспектов религиозных проповедей на экологические темы.

1.2. Духовность и этика против рационализма

Отличительное качество христианской этики в плюралистическом обществе состоит, прежде всего, не в дополнительном наборе аргументов, а во включении духовной составляющей, которая стимулирует значительный потенциал для мотивации этического поведения. Христианская этика может приближаться к очень ценной традиции, которая стремится преобразовать этику в этос, в одинаковой мере обращаясь к сердцам и умам, к заветным надеждам и повседневной жизни. Леонардо Бофф критикует антропологические и этические традиции современности за то, что они не выходят за пределы рациональности: «Без веры в промысел Божий и ее становления в различных религиях этика вырождается в бездушный каталог правил, и законы этики перейдут на суд общественного контроля и попечение культуры» [6].

Этические анализы духовного типа знания

Духовность – это тип знаний, который обращает внимание на связь между мыслями и эмоциями. Она дает нам возможность понять многочисленные качества за пределами их физических и количественных характеристик. Существуют элементарные подходы к знаниям, основанным на ежедневном опыте, которые в некоторых отношениях являются более креативными и богатыми, чем знания, основанные на научных опытах и согласованные с современным идеалом объективности (Hofmeister 2000, 77). Чувственные восприятия представляют понимание на ином уровне, чем количественные измерения. Носителей перспективных знаний такого рода можно найти, прежде всего, в областях теологии и искусства.

Размышления о множестве видов восприятия, знания и понимания, включая эмоциональные аспекты нашего отношения к природе, ведут к более глубоким сферам человеческого самосознания, и, таким образом, высвобождают новую энергию этического и религиозного мышления и действий. Многие экологи утверждают, что природа сама по себе имеет ценность. Это требует нового взгляда, который учитывает не только фактическое и научно измеряемое, но также и красоту природы, ее смысл и символизм. Это требует эстетического и духовного восприятия, которое

рассматривает вещи не в отдельности, а в их целостности и единстве. Вот так экологическое и религиозное восприятия могут расширяться и дополнять друг друга.

Разрыв между знанием и верой

Ответственность за природу во времена климатических изменений, рост численности населения на Земле и нехватка ресурсов являются, прежде всего, не проблемами знания, а проблемами убеждения и веры: мы не верим тому, что мы знаем о климатических изменениях и экологических проблемах, потому, что мы не можем достаточно ясно представить себе, что это означает для нас, для судеб людей всего мира и жизни на Земле в целом. Мы не способны реагировать адекватно, потому что мы никогда не испытывали таких глубоких, сложных изменений условий жизни. Последствия – для большинства тех, кто принимает решения – слишком отдаленные.

Конференция в Копенгагене, посвященная климату (декабрь, 2009), показала, что мы «атеисты будущего» [36]. Чтобы дать нам возможность осознать, что означают климатические изменения и адекватно реагировать, необходимо перевести наши научные данные в описания того, что они означают для общества в свете страданий, ценностей и образа жизни. Поэтому культурологические науки (включая теологию) оказали бы решающую помощь в преодолении этой глубокой пропасти между знанием и верой в этой непростой ситуации. Я призываю к учреждению рабочей группы по вопросам культуры и религии в Международной Группе Специалистов по Климатическим Изменениям, потому что нам нужно лучшее понимание духовного и культурного контекста для защиты нашего климата и адаптации к экологическим изменениям.

2. Библейский наказ Творения Божьего

2.1. Вера в сотворение мира как возможность выхода из кризисной ситуации

Библейская вера в сотворение мира возникла во время политического и социального кризиса: время исхода и Вавилонского изгнания (приблизительно в VI веке до Рождества Христова). Акт сотворения, как начало всего, внушает надежду на попечительство Бога и выживание его Творений, которая способна преодолеть все явления кризиса [13]. Это начало стоит на первом месте в надежде на спасение.

Единство миссии владычества и миссии защиты природы

Так называемый наказ владычества – книга Бытия 1,28: «наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле» – часто толкуется как культурно-историческая программа разрушения окружающей среды [1] (критический ответ: Rappe 1996). Фактически еврейские глаголы *rdh/kbs* можно перевести как **топтать, подчинить, покорять** и даже **пасивовать**. В книге Бытия 1,28, однако, их надо переводить в контексте королевской терминологии. Таким образом, этот термин следует переводить не как деспотическое владычество, а как королевское правление в смысле ответственной заботы – так, как король заботился бы о своих подданных [24].

Этот перевод подтверждается библейским рассказом о первом и втором актах творения. «И взял Господь Бог человека, и послал его в сад Эдемском, чтобы возделывать его и хранить его» (Genesis 2,15). «Наказ владычества» нужно рассматривать в свете «наказ садовнику». Люди уполномочены управлять природой с ответственностью путем обработки, сохранения, приведения в порядок и защиты Божьего творения.

Подобие образу Божьему и земная сущность Человека

Наказ владычества – (книга Бытия 1,28) теологически основанный на понятии Человека как «образа Божьего», влечет за собой как свободу, так и ответственность. Людям предписывается, прежде всего, не священное предназначение, а общественное, которое включает в себя священный компонент: Они должны служить друг другу, что является наилучшим способом служения Богу. Они должны развивать свои способности и таланты свободно и самостоятельно как путь к почитанию Бога. Следовательно, глагол *rdh* нужно переводить как «владычествовать» соответственно идеалу Бога: руководить и смирять. Наказ владычества подразумевает иерархическое партнерство между людьми и животными согласно понятию владычества судьбы [42].

Человек рассматривается как «Erdling» (Адам), земное существо, которое достигает основного экологического предназначения. Согласно библейскому толкованию, он «прах земной». Существо, принадлежащее земле. Это применимо ко всем человеческим существам и подразумевается, что Человек слит с природой – для него нет привилегированного места. Только обращение к Богу, способность ощущать Бога как дар отличает его от природы. Способность ощущать Бога дает возможность Человеку любить беззаветно и принимать на себя ответственность за других – таким образом, она отличает Человека от природы и, в то же время, теснее соединяет его с ней.

Природа как договорный партнер Бога

После изгнания из рая мы живем уже не в совершенном мире, а в мире, часто раздираемом конфликтами и страданиями. Тем не менее, мир все еще находится под защитой Бога, что символизирует радуга. В повествовании о Ное не только Человек, но и природа названа договорными партнерами Бога: «Я полагаю радугу Мою в облаке, чтоб она была знамением завета между Мною и между Землею» (книга Бытия 9,13). Все составные части повествования основаны на понимании подлинной ценности природы. Природа рассматривается как субъект. Такое прочтение не сопоставимо с Европейским законодательством, которое основано главным образом на древнеримских традициях права, четко разделяющих Человека и природу. В мире современных (юридических и научных) идей животные и растения являются только объектами; в мире поэтического языка Библии их считают субъектами.

2.2. Выводы из экологической доктрины сотворения мира

Бог и мир: различие, которое вдохновляет на созидание

В христианстве нет обожествления природы. В нем нет пантеизма. Бог и природа отличаются между собой. Различие между Творцом и Творением освобождает человеческие существа от бремени предполагаемой божественности (DBK 1998, No. 78). Мы – не Бог. Нам не надо быть совершенными. Наш жизненный путь – это постоянный поиск с множеством заблуждений. Именно это отличие делает возможным свободные взаимоотношения между Творцом и его Творениями.

Нам нужно быть критичными, если человек претендует на то, чтобы быть совершенным, если король притязает на подобие Богу, если общество или какое-либо отдельное сообщество объявляет себя «краем на Земле». Эта критическая отдаленность предусматривает и стимулирует созидание. Эта разница между Творцом и Творением является решающей в экологическом контексте: это очень распространенная точка зрения – особенно в глобальном движении «глубинной экологии», которое началось в 1960-х годах в Норвегии, – что природа сама по себе имеет божественные и святыне черты.

Результатом этого обожествления природы является то, что нам не позволяется изменять ее: техническое вмешательство, такое, как агрономия, генная инженерия или научные эксперименты с растениями и животными были бы под абсолютным табу. Природа рассматривалась бы как совершенная система без конфликта, совершенный баланс. Христианская этика, напротив, усматривает как гармоничные, так и несовершенные стороны природы.

Природа – это система с положительными и отрицательными сторонами, с жизнью и смертью, гармонией и конфликтом, счастьем и горем. Наша задача – определить хорошие стороны природы в нас и в природе вокруг нас, развивать их и принимать со смиреннием и в согласии даже те стороны жизни, которые могут противоречить нашим желаниям. Такое понимание природы, которое заключает в себе как гармонию, так и дисгармонию, согласуется с современными эволюционными подходами, понимающими природу как систему с удивительными способностями к адаптации, а также как систему непрекращающегося конфликта (борьба за существование).

В конечном счете, эволюция – это последовательность несбалансированных систем, и именно эти ситуации неравновесия стимулируют прогресс [33]. Если бы природа была совершенной системой, то возникновение человеческой цивилизации воспринималось бы как вызывающий нарушения элемент. Мощная динамика современного общества нарушает порядок природы на планете Земля. Нам надо было бы считать себя «величайшей катастрофой природы», и окружающая среда выиграла бы от вымирания человеческой расы. Это было бы окончательным выводом любого биоцентристского или эоцентристского воззрения. Христианское мировоззрение коренным образом отличается от этих представлений. С христианской точки зрения, ценности не предопределяются природой, а являются продуктом общения, культуры и жизни. Ценности не даются естественным путем, а создаются человеческой деятельностью и нашим отношением друг с другом, с природой и с Богом.

Вера в сотворение мира и восприятие времени

Библейское понимание мира не циклично; оно не может быть сведено к круговороту природы и не ограничено бесконечным повторением одних и тех же структур. Напротив, оно утверждает перспективу, которая смотрит в будущее, как нечто поистине новое, часто неожиданное и непредсказуемое, в то же время, принимая историю как нечто, чему мы можем научиться и не обязательно должны повторять. Это основная предпосылка Еврейско-Христианской надежды на спасение: найти спасение не путем отвержения материальной жизни, тела и естественных тягот, а в искуплении грехов и изменении действительности [13, S. 53]. Возможно, многие думают, что это может служить отличием христианского и буддистского подходов к взаимоотношениям между Богом, Человеком и Творением. Идеи Буддизма заключаются в преодолении плотского и материального и представляют Нирвану как эмпирический мир творения. Но при ближайшем рассмотрении это отличие становится менее категорическим: христиане также отдают себя от материального, а буддисты рассматривают эмпирическую реальность как чисто отрицательную.

Но, тем не менее, определение понятия времени является основным для понимания теологии сотворения мира и взаимоотношений между Богом, Природой и Человеком: если мир – это бесконечное повторение циклов, то спасение как единение между Богом и Человеком должно рассматриваться как нечто вне природы и вне человеческой жизни во времени и пространстве. Напротив, христиане думают о времени как об истории, а о вечности – как об источнике и единстве времени (а не как об отрицании времени), и Царство Божье – не второй мир, стоящий позади нашего мира, а незримое и непостижимое присутствие Бога в среде Творения и человеческого существования.

Creatio continua: творение как процесс.

Несмотря на четкое разделение между Творцом и Творением, вечность является скрытым аспектом во времени, что выражается понятием «*creatio continua*» в теологии. В отличие от обычной литературы, рассказ в книге Бытия (книга Бытия 1,11) – не просто размышление о самом начале мира в смысле «*creatio prima*», а повествовательное описание общей характеристики процесса творения как «*creatio continua*». Творение – это вечный творческий процесс, постоянная эволюция. Бог присутствует в процессе созидания и в возникновении новой жизни.

Противоречие между спасенным и неспасенным миром.

Христианское понимание Творения сформировано противоречием между неспасенным миром и ожиданием гармоничной реальности. То же самое противоречие характеризует понятие природы: гармония и конфликт, порядок и хаос, жизнь и смерть, становление и разрушение. При этом внутреннем противоречии этика не может иметь непосредственно природную основу, ее надо строить на исторических, культурных и религиозных категориях. Христианское понимание Творения не предполагает натуралистической этики природы. В то же время, понятие Творения нужно основывать на отображении природы как открытой, развивающейся и этически противоречивой системы, дабы оно не оставалось абстрактным термином.

В противоречии между спасенным и неспасенным миром христианская этика природы имеет сложный характер: ценности не даны системой природы, и мы должны искать их в процессе культурной интерпретации и формирования природы. «Грамматика природы» относится к этике; она определяет границы, условия и обязанности этики. Но естественный закон и этика – не одно и то же. Этика предполагает свободу, и, следовательно, решения субъекта, а не просто необходимость естественного закона. Христианская этика – не натуралистическое или космологическое понятие. И все же она должна научиться быть более сознательной и ответственной за природу.

Основные идеи христианской этики Творения

На основании вышеизложенного, оправданность веры в сотворение мира можно свести к трем базовым положениям (ДБК 1998, No. 56–84):

– *Человек как подобие Божье*: По христианской традиции, человеческие существа, как свободные и ответственные субъекты, являются храмом Господним. Человек может следовать системе ценностей Бога, если он действует свободно, независимо и с сознанием долга. Это основание для уникального достоинства Человека и его ответственности за все живые существа. Акцент на нерушимом достоинстве Человека, имеющего подобие самого Бога, не устранил признания внутренней ценности природы, а является ее логическим непременным условием. Это настоящее гносеологическое значение «антропоцентризма», оно не подразумевает то, что только человеческие существа являются значимыми. Это не более и не менее чем непременное гносеологическое условие знания и этической оценки. Христиане тоже должны научиться этому.

– *Сообщество творений Божьих (братьев меньших)*: Человек и все живые существа объединены как творения Божьи. Поэтому нам запрещается считать наших собратьев просто средством для достижения цели. Уважение ко всем другим существам – это следствие Божьей любви. Человек разделяет судьбу всех других живых созданий, каждое из которых занимает свое собственное место в большом доме Божьего Творения [24]. Термин «братья меньшие» (существа, подобные нам) был включен в закон Германии о защите животных в последнем его изменении в 1990 году. Но мы далеки от уважения к нему и введению его в жизнь, например, в практику современного сельского хозяйства.

– *Благоговение*: Христианская вера в сотворение мира исполнена чувством благоговения и способна постоянно открывать и защищать красоту Творения на фоне скорби и борьбы. Благоговение перед Творением заключает в себе благоговение перед Творцом, так же, как и уважение к данным границам, мерам и размерам Творения. Альберт Швейцер (1875–1965), протестантский теолог, «врач джунглей», музыкант и ученый, считает отношение благоговения фундаментом для создания новой этики, основой которой является природа. Если нам предстоит пересмотреть значение экологической этики, нам нужно признать единство этих трех аспектов, а не противопоставлять их.

3. Католическое социальное учение на пути к интеграции экологии

3.1. Католический магистерий: Всестороннее развитие

С точки зрения исторической перспективы, вклад Католического магистерия, относящегося к экологическому учению, заключается не в особых экологических подходах, а в широком понимании термина «устойчи-

вого развития» и его интеграции в социальные, культурные и экономические вопросы, которые сформировали наше понимание развития [40, S. 180–214; 31]. Павел VI в 1967 году в энциклике *Populorum progressio* подчеркивает, что развитие не должно ограничиваться экономическим ростом, а должно видеться как целостный всеобъемлющий процесс. Энциклика настойчиво критикует западный образ жизни, основанный на потреблении. Делегаты от Ватикана на первой конференции ООН по вопросам окружающей среды в 1970 году в Стокгольме выдвигали те же аргументы. Энциклика *Populorum progressio* устанавливает главные принципы Римской социальной доктрины по защите окружающей среды.

Три основополагающих идеи составляют суть вклада Католического магистернума в обсуждение экологии:

1. Концепция всеобщего развития, которая сформировалась в процессе сотрудничества с Римским Клубом, понятие устойчивого развития, используемое ООН;

2. Критика потребительства и связь экологических взглядов с проблемой неустойчивого образа жизни, что является наиболее ярко выраженным положением Католического учения об экологии окружающей среды;

3. Понятие собственности по Фоме Аквинскому, которое основывается не на доводах естественного закона, а на взгляде на собственность, основанном на прагматических аргументах, при котором блага, произведенные Творением, рассматриваются как общественные блага, служащие всем.

С самого начала своего вступления на престол Папа Иоанн Павел II постоянно поднимал вопросы экологической тематики. Главной его идеей было то, что «человеческая экология» фокусируется на достоинстве личности, думая при этом об «уважении к жизни», о работе как о «сотрудничестве с Богом» и «уважении к жизни». Высказывания Иоанна Павла II об экологии в его послании по поводу празднования Дня Мира в 1990 году получили высокую оценку. Послание названо «Мир с Богом-Творцом – мир со всем Творением». В нем говорится, что отсутствие должного уважения к природе и, вследствие этого разграбление естественных ресурсов представляют угрозу для мира во всем мире [20].

Бенедикт XVI развивает дальше эти утверждения в своем Послании мира 2010 года под заголовком «Если хочешь укрепить мир, защити Творение». Принимая во внимание тот факт, что около трети сегодняшних конфликтов связаны с борьбой за естественные ресурсы и то, что во многих частях мира возникают противоречия из-за экологической миграции, этот подход к экологическим проблемам в исследованиях о богословии и мире составляет существенный вклад католиков в обсуждение этой темы.

Экологические дебаты в энциклике Caritas in veritate

В настоящее время положения Католического магистерiums в социальной энциклике *Caritas in veritate* представляют наиболее своевременный вклад в дискуссию о защите окружающей среды. В энциклике пять абзацев посвящены [2] убедительным воззваниям к ответственности за Творение и анализам этой проблемы. Ее текст начинается с теоретических раздумий о «грамматике Творения» (этически значимые структуры природы) как выражении идеи любви и истины, и заканчивается утверждением необходимости нового союза между людьми и природой, для защиты человечества от собственного самоуничтожения. Краткие постулаты по улучшению методов производства и потребления энергии, основанных на развитии более эффективных технологий и на увеличении использования возобновляемых источников энергии, а также улучшение доступа к энергии для бедных стран связаны с современной природоохранной политикой. В определенных аспектах, однако, в энциклике есть важные упущения: ни в одной строке не упоминаются ни климатические изменения, ни концепция устойчивого развития, даже при очевидности того, что изменения климата могут резко усугублять существующие экологические проблемы.

3.2. Более высокий уровень обсуждения: Принципы устойчивого развития

До сих пор устойчивое развитие не стало системной частью Католической социальной доктрины на глобальном уровне. На национальном уровне, однако, наблюдается процесс изменения в Католической социальной доктрине. На этом основании я настаиваю на расширении социальных принципов: наряду с личностью, солидарностью и подчиненностью, *устойчивое развитие* следует признать четвертым социальным принципом. Это основной аргумент моей книги «Принцип устойчивого развития» [40, S. 456–481] в контексте системных аспектов Католической социальной этики. Устойчивое развитие является отсутствующим звеном между верой в Творение и экологическими исследованиями в современном обществе. Точно так же, как христианская идея милосердия понималась на протяжении многих веков просто как личная добродетель, и только с принципом солидарности стала политически эффективной и нашла свое место, вера в Творение должна перейти на категориальный уровень социального порядка, так, чтобы она могла стать политически жизнеспособной и оправданной, проясняя конкретные последствия организационных структур и экономических решений в современном обществе. Вера в Творение без принципа устойчивого развития является в контексте структурной и политической этики формой слепоты. Принцип устойчивого развития без веры в Творение (христианской или любой другой) рискует быть утраченным на уровне этики.

Устойчивое развитие помогает увидеть юридические уловки. Эта проблема находится на поверхности всех основных вопросов о будущем, часто выявляя удивительные параллели и структурные сходства с различными дилеммами в разных контекстах. Устойчивое развитие открывает путь для нового анализа и решения вопроса сложного взаимодействия между локальными и глобальными явлениями. Такая центральная функция может быть осуществлена только при изучении устойчивого развития, если оно учитывает подход постоянного внимания к его границам. Вот тут теология может быть полезным инструментом в инициировании и ведении поисков надежды на устойчивое развитие и смысла, простирающегося за пределами того, что может быть достигнуто человеческими, общественными или техническими силами. Противостояние климатическим изменениям означает противостояние случайностям, требующим не только политического, но также и культурного ответа.

Религиозное и духовное понимание устойчивого развития допускает критический взгляд на риск его отстраненного рассмотрения и ошибочного понимания его интегральной природы как всестороннего и всемогущего средства для достижения цели. Устойчивое развитие нуждается в сопутствующей критической идеологии, которую должны обеспечить философия, теология, социология и культурно-исторические науки. Я уверен, что *Seicho-No-Ie*, как всемирное межконфессиональное объединение может внести идеи важных аспектов в это изучение.

3.3. Экологический Мир – Это: какую компетенцию имеют религии?

Изучение вопросов религии и устойчивого развития Институтом Мировых исследований

Все большее распространение получает убеждение, что религия будет играть ключевую роль в установлении широко обоснованного консенсуса и более глубокого понимания этических базовых принципов общества устойчивого развития. Религии призваны вести общественно-политический диалог путем предложения основных идей о всеобщей ответственности за Творение, пересмотре отношений между Человеком и Природой, силе веры для изменения человека, возврате к основам жизни без потребительства и эгоистической ментальности [14].

Широко известный Институт Мировых исследований (World watch Institute) полагает, что «изменение курса», т. е. изменение политики мирового сообщества по направлению к устойчивому развитию, может только тогда иметь успех, когда религии пересмотрят и оправдают свою роль и ответственность в своих устремлениях. Гарднер (автор основного доклада) называет пять основных ценностей, которые могут быть созданы религиозными институтами и руководителями для достойного вклада в построение устойчиво

развивающегося мира: способность сформулировать космологии (взгляды на мир), моральный авторитет, большой круг сторонников, значительные материальные ресурсы и способность к построению сообщества. Я бы хотел дополнить этот список, составленный Гарднером, на основе своей Католической и светской точки зрения: все религии самоопределяются путем долговременного осмысления. По причине этого они имеют фундаментальный подход к осмыслению устойчивого развития.

1. Христианская Церковь является самым старшим глобальным игроком на Земле, и Католическая Церковь управляет влиятельными всемирными институтом и структурой; таким образом, она имеет особую обязанность и возможность бороться за глобализацию солидарности.

2. Христианская антропология не измеряет ценность человека потребленными или произведенными продуктами. Следовательно, она может направить людей на скромное, справедливое и ответственное обращение с этими продуктами. В азиатских религиозных традициях аскетизм еще более силен, чем в христианской традиции.

3. Вера в Творение имеет целью не только обращение с воззваниями к нравственности, но также содействие средствам информации, которые стремятся создавать и доносить понятие моральных ценностей, а также воспринимать экологическую ответственность как неотъемлемую часть самоуважения человека. Нам необходимы не просто воззвания к нравственности, а новая космология – или напоминание о старых религиозных космологических традициях.

4. Отличительная черта христианской точки зрения в вопросах экологии – это ее корни в культурном и социальном контекстах. Защита окружающей среды и защита человека составляют единство в христианской этике.

До сих пор эти религиозные потенциалы использовались ограниченно и активизировались время от времени по отношению к ответственности за Творение и к устойчивому развитию. Это новое соединение религии с экологическим движением является не только сферой внешней функции религиозного вероучения. Оно также касается самой сути отношений между Богом и Человеком: в свете существующего опыта экологического кризиса вопрос о Боге возникает на новом уровне. Экологический кризис – это откровение Божье в наше время. Распятый Христос может ощущаться на космологическом уровне в «распятом Творении» (Raimundo Pannicar). Настоятельная необходимость вернуться к стабильным и устойчивым отношениям с Творением затрагивает корни нашего отношения к Богу, нашей культуры и нашего самосознания. Нет отношения к Богу вне нашего отношения к Творению.

Выдающиеся личности, зарождаявшие христианскую духовность Творения

Христианская этика восходит к очень ценной традиции духовности, являющейся по своей сути духовностью Творения. Франциск Ассизский (1181–1226) – возможно, наиболее известный представитель, показавший пример беспрецедентного распространения христианской заботы и любви на существа, отличные от человека, через братские отношения с Солнцем, Луной, водой, огнем, пчелами, овцами, жуками, цветами, птицами и рыбами. «Показательное сострадание к Творению и его существам» [13, S. 89–94; 43], которое также осознает несчастье и смерть как часть жизни, составляет коренной контраст наивного проецирования человеческих мечтаний об идеальном мире с концепцией природы.

Иная парадигма христианской приверженности космосу – это довольно интеллектуально-созерцательная сторона, представляемая Фомой Аквинским (1225–1274), который, основываясь на своем понимании теологии Творения, показывал на примерах божественно-предопределенную независимость эмпирической реальности, и таким способом сумел интегрировать философию Аристотеля в христианскую веру. Для Фомы наказ Творения и наказ спасения – взаимодополняющие процессы Божьего утверждения мира. Поэтому утверждение и оценка реальности Творения во всех его аспектах является для него основной моральной позицией [27]. Традиция естественного закона, по Фоме, – это отправная точка для христианской экологической этики. Главное направление этого пылкого и внимательного отношения к эмпирической реальности сильно повлияло на современность. Христианская духовность не теряет силу не только в обращении человека к себе самому и стремлению к самосовершенствованию, но также и в способности к познанию, состраданию, ответственности и в любви.

4. Новое понимание благосостояния и прогресса

4.1. Этика после Фукусимы

Наиболее важным событием экологической истории 2011 года была ядерная катастрофа Фукусимы (широкий информативный обзор фактов и различных мнений можно найти в: [35]). Это обсуждаемое во всем мире указание для поиска новых способов предупреждения рисков и, как ключительный вывод, для переосмысления отношений между Человеком, природой и технологией. Вследствие этого немецкое правительство приняло постановление о незамедлительном закрытии атомных электростанций до 2022 года. Это было очень трудное решение, как для населения, так и для экономики. Правительство Германии открыто объявило о нем, как о шаге, продиктованном соображениями этики (комиссия, которая должна была консультировать правительство, называлась «этической комиссией»).

Церкви были активными участниками процесса принятия данного решения. Конференция немецких епископов опубликовала книгу о важности обращения к новым источникам энергии и его решающем влиянии на осуществление устойчивого развития и на ответственность за Творение в начале XXI века.

После того, как Церковь провела долгие противоречивые дискуссии, пытаясь прийти к согласию в условиях дилеммы между риском атомной энергетики и возрастающей потребностью в энергии, на Конференции немецких епископов во время общего собрания в Фрайзинге (Бавария) в марте 2011 года было дано четкое определение: «Катастрофа на японской атомной электростанции Фукусима снова проиллюстрировала границы власти людей. Риск последствий атомной энергии непредсказуемый, на вопрос длительного использования еще нужно ответить, его нельзя переложить на плечи будущих поколений. Баварские епископы не считают атомную энергию средством устойчивого развития производства энергии. Отказ от этой технологии должен быть осуществлен как можно скорее, период использования ядерной технологии как переходной технологии должен оставаться как можно более коротким и ограниченным».

Несколько дней назад я получил перевод письма покойного японского инженера Норико Хираи (*Norio Hirai*), который некогда работал на руководящем посту в японской атомной промышленности. Я хотел бы поделиться с Вами некоторыми выдержками из его письма: «Проблема не в профессионалах, участвующих в процессе планирования, а в некачественности работников, которые просто не понимают, к каким серьезным последствиям может привести малейшая ошибка. Произошел ряд неожиданных аварий: несчастный случай в Миамахаре (*Mihama*) в феврале 1991 года, несколько инцидентов в Моноу (*Monju*) в реакторе на быстрых нейтронах с натриевой охлаждающей системой из-за проблемы с плохо пригнанными трубами. 1,4 тонны плутония хранятся на станции, что в 175 раз превосходит количество ядерного материала атомной бомбы, уничтожившей Нагасаки». Дискуссия об атомной энергии очень сложная. Закономерно, что в ней существуют разные позиции. Нашему обществу нужна энергия, и эта зависимость будет возрастать и в дальнейшем. С другой стороны, в результате климатических изменений энергия, получаемая из ископаемого топлива, оказалась не менее проблематичной с этической точки зрения.

Тем не менее: тот, кто говорит об ответственности за Творение, должен говорить и об атомной энергии. Если религиозное учение, касающееся ответственности за Творение, претендует на конкретность, ему необходимо обращаться к фактическим решениям общества. Иначе оно остается пустой концепцией без какой-либо связи с реальностью ежедневной жизни.

ни. Поэтому я беру на себя смелость предложить этическое суждение – зная, что необходимая компетенция для этого не только исходит от теологии, но также требует серьезного междисциплинарного диалога. Есть три веских аргумента, которые доказывают, что скорейшее исключение ядерной энергии представляется морально обоснованным:

1. Проблема окончательного захоронения ядерных отходов не решена; мы не можем гарантировать, что общество будет устойчиво развиваться на протяжении нескольких тысяч лет. Это будет основным необходимым условием для справедливости по отношению к последующим поколениям, принимая во внимание долгосрочные последствия атомной энергии.

2. Мы узнали из опыта Фукусимы, что даже общество с высоким уровнем технических знаний не способно гарантировать совершенное или даже достаточное предупреждение рисков на атомных электростанциях;

3. В конечном счете, атомная энергия зайдет в тупик: она невозобновляема; запасы урана ограничены, атомная энергия очень дорогая, если принять во внимание совокупность всех расходов в процессе производства. Следовательно, чем раньше мы перейдем на новый этап и обратимся к возобновляемым источникам энергии, тем лучше.

Я убежден, что мы на пороге эры безъядерной энергии и без энергии ископаемых видов топлива. Существуют технические возможности для осуществления этого перехода. Нам не хватает перехода на новые моральные ценности и нашего восприятия благосостояния, что является непременным условием для необходимости кардинального изменения источников поступления энергии.

4.2. Конфликт между защитой климата и социальными законами

Справедливости и мира нельзя достигнуть в XXI веке без обеспечения защиты климата. Однако существует серьезный конфликт между защитой климата и борьбой с бедностью, так как хорошо известные и финансово достижимые методы экономического развития в значительной степени зависят от добычи ископаемых видов топлива. Атмосфера не сможет вмещать избыточное содержание CO₂, генерируемое развивающимися странами, если они будут развиваться по пути индустриальных государств.

Технические возможности для борьбы с бедностью и для защиты климата, а также для интеграции этих двух направлений являются относительно приемлемыми теоретически. Осуществление этих целей – прежде всего вопрос преодоления политических и бюрократических преград, так как необходимые инвестиции могут быть вложены только при условиях, которые способствуют справедливому, кооперативному и долговременному несению бремени расхо-

дов. В настоящее время, с точки зрения развивающихся стран, едва ли есть единодушные и привлекательные предложения для обсуждения справедливого «разделения бремени расходов» в контексте защиты климата.

Особый характер этических проблем, возникающих в результате климатических изменений, состоит в большой дистанции между инициаторами и жертвами. Эту дистанцию можно определить по трем направлениям: климатические изменения имеют глубокое и отрицательное влияние на (1) будущие поколения, (2) более бедные страны в южном полушарии и (3) места обитания фауны и флоры, и, ввиду этого, также на отношения между людьми и природой. Это можно рассматривать как тройное воплощение цены нашего образа жизни: оно охватывает, и будет охватывать будущее, бедные слои населения и природу. Конференция Католических Епископов Германии определила климатические изменения на основании этого анализа как «перекрестки глобальной, интергенерационной и экологической справедливости» (DBK, 2007).

Защита климата нуждается в своде этических законов, которые прольют свет на возможные причины несправедливости, анализы дилемм, и обеспечат надежные критерии, на которые будут опираться политические решения. Мы должны говорить о философии природы, об антропологии и сложности человеческих желаний, надежд и конфликтов, и о культурных обоснованиях и препятствиях в изменении нашего поведения [41]. Без понимания культурного и религиозного масштаба ответственности за климатические изменения политические переговоры не будут иметь ни малейшего шанса изменить общество.

Защита климата – это вопрос солидарности на продолжительном и глобальном уровне. Это решающее испытание, особенно для религий, проявляющих свою готовность принять на себя ответственность за решение. Защита климата – это «моральный стресс-тест» для современного общества.

4.3. Концепция Ньютона о природе и понимании прогресса

Наша современная модель прогресса основывается на философии природы Ньютоновой механики, которая рассматривает время и пространство как пустые сосуды, как нечто, не имеющее ни направления, ни структуры, ни начала, ни конца. Время и пространство – это просто препятствия, которые надо преодолевать. Наше ускоренное общество, умеющее использовать множество ресурсов с бешеной скоростью и определяющее темп нашей жизни максимумом «все, сейчас, в любое время», является результатом нашего понимания природы [40]. Христианская вера в Творение ведет нас к поиску альтернатив этому взгляду на природу и может обосновать философию природы теологически. Устойчивое развитие тре-

буст новых концепций времени и пространства, а потому и космологии, основанной на знаниях, вытекающих из теории Альберта Эйнштейна и из новых теорий развития сложных адаптивных систем.

Экологический кризис – не только повод для политических переговоров и технических нововведений, но также и проблема изменения моральных ценностей общества. «Быстрее, выше, дальше» оказалось неподходящим идеалом для прогресса. Современная ситуация требует индивидуальных и коллективных ответов на чисто этические вопросы о целях, границах и условиях нашего образа жизни. Достаточно – это сколько? Каковы приоритеты в стремлении к прогрессу? Как мы можем обеспечить равные возможности для людей во всем мире? Как можем мы гарантировать то, что долговременные интересы должным образом будут представлены в демократической системе?

Религии могут сделать существенный вклад в поиски ответов на вопросы, которые имеют глубокое значение для достижения тройной цели – борьбы с нищетой, экономией энергии и защиты климата. Их компетенция основывается главным образом на том, что они облачают моральные требования в космологию, глубокое антропологическое понимание человеческого поведения – в символические и ритуальные послы, которые имеют больше шансов изменить поведение людей. Современная парадигма прогресса как безграничного роста должна быть заменена концепцией развития, управляемого цикличностью ресурсов и ритмом природы. Длительный экономический успех нужно измерять тем, насколько хорошо он интегрирован в целое, т. е. в экономику Творения.

4.4. Надежда на Бога и вера в политическую утопию

Современная модель прогресса подошла к концу. Это уже стало фактом для сознания многих. Некоторые интерпретации устойчивого развития не проясняют эту ситуацию, а скорее помогают искусственно поддерживать наш самообман. Устойчивое развитие с далеко идущими перспективами глобального, эко-социального и экономического подхода стала одной из основных утопий XXI века. В XX веке нам пришлось испытать отрицательную сторону глубокой двойственности слепой веры в утопии. С теологической точки зрения устойчивое развитие требует неприятия той утопии, что политика, наука и экономический прогресс решат все проблемы. Даже соглашения, достигнутые на Конференции ООН в Рио (1992) не дают четкого представления об ограничении роста и стирают эти реальные границы. Нам обещают утопическое, глобальное управление экологическими и социальными проблемами, а, в то же время, в кулуарах строятся планы на основе старых моделей и властных структур [34].

Устойчивое развитие выродилась, переоблачившись в традиционную модель процветания, которая, согласно принципу «перетекания всех благ вниз», делает обеспечение условий жизни беднейших слоев общества зависимым от роста и процветания богатой части населения. Опыт последних двух десятилетий ясно показывает, что это обманчивая перспектива. «Зеленого отмывания» недостаточно. Нам нужно глубокое изменение ценностей и экономических моделей.

Утопически избыточная модель «зеленого отмывания» устойчивого развития, как ее представляют сейчас и очень охотно в нее верят, открыта для обсуждения. Мы должны представить себе, что количество выбросов CO₂ постоянно увеличивается, особенно в Китае и Индии, и возможность достижения цели понижения температуры на 2 градуса Цельсия в климатической политике уменьшается. Выделение метана в тающих зонах вечной мерзлоты превысили какие бы то ни было наихудшие сценарии, и мы уже точно на пути к дальнейшему ускорению этого процесса.

Церкви и религиозные общины должны сказать правду – даже если никому не нравится ее слышать. Современное общество идет к перспективе постоянного развития и прогресса без веры в это. Христианская вера, с другой стороны, не имеет ничего общего с верой в прогресс. Это надежда, совершенно отличающаяся от ожиданий процветания, к которым мы привыкли в западном обществе и которые, видимо, распространятся очень быстро и в азиатских странах. Это способ справиться со *случайностью* на фоне двойственности прогресса и провалов, безопасности и риска, радости и страдания, жизни и смерти. Мы должны принять тот факт, что наша жизнь конечна, что временами она кажется совершенно непостижимой и непонятной. Религии признают границы человеческих возможностей и нашей жизни без преуменьшения силы разума и надежды на незначительный масштаб мира.

Если мы предположим, согласно мнению ведущих социологов нашего времени [25; 26], что умение справляться со случайностями в указанном выше значении – это первоочередная функция религии, то именно в этом найдем специфическую компетентность теологической этики в рассмотрении проблемы устойчивого развития. Умение справляться со случайностями жизненно важно для того, чтобы реагировать на современный упадок веры в прогресс, что является отправной точкой в обсуждении изменения климата и устойчивого развития, без обращения к сценариям экологического апокалипсиса или к новым версиям утопии постоянного развития. Религиозная значимость надежды освобождает от слепой веры в политическую перспективу полного контроля над всеми проблемами экологии и социальной жизни.

5. Заключение

Тема обсуждения – взаимоотношения между Богом, Природой и Человеком в Католической теологии является очень обширной. Мои попытки ответа были очень длинными, сложными, и, все же, очень фрагментарными и полными нерешенных вопросов. В конце я попытаюсь дать очень краткий ответ – место Бога не за пределами природы. Он – тайна природы. И предназначение Человека искать его и дать ему место в природе, обществе и в наших умах.

Литература

1. Amery, C. *Das Ende der Vorsehung. Die gnadenlosen Folgen des Christentums*, Hamburg, 1972.
2. Benedict XVI. *Caritas in veritate*. Encyclical, Vatican. 2009. No 48–52.
3. Benedict XVI. *If you want to cultivate peace, protect creation*. Message for the celebration of the world day of peace at 1th January 2010, Vatican, 2009b.
4. Bergmann, S. *Creation Set Free. The Spirit as Liberator of Nature*, Grand Rapids MN: Eerdmans, 2005.
5. Bergmann, S./Gerten, D. (Eds.), *Religion and Dangerous Environmental Change, Transdisciplinary Perspectives on the Ethics of Climate and Sustainability*, Berlin et al., 2010.
6. Boff, L. *Ethik für eine neue Welt*, Düsseldorf. 2000. – S. 11.
7. Brickwedde, F./Peters, U. (Hrsg.) *Umweltkommunikation – vom Wissen zum Handeln*. 7. *Internationale Sommerakademie St. Marienthal*, Berlin, 2002.
8. *Die deutschen Bischöfe [DBK] Handeln für die Zukunft der Schöpfung*, hrsg. vom Sekretariat der Deutschen Bischofskonferenz (Erklärungen der Kommissionen 19), Bonn, 1998.
9. *Die deutschen Bischöfe [DBK] Der Klimawandel. Brennpunkt globaler, intergenerationeller und ökologischer Gerechtigkeit*, hrsg. vom Sekretariat der Deutschen Bischofskonferenz (Kommissionstexte 29), 2. Auflage Bonn, 2007.
10. *Die deutschen Bischöfe [DBK] Der Schöpfung verpflichtet – Anregungen für einen nachhaltigen Umgang mit Energie*, Bonn, 2011.
11. *Die deutschen Bischöfe [DBK] (Hrsg.) Wenn du den Frieden willst, bewahre die Schöpfung (Arbeitshilfen 237)*, Bonn, 2009.
12. *Evangelische Kirche in Deutschland/Die deutschen Bischöfe [EKD/DBK] Verantwortung wahrnehmen für die Schöpfung*, Hannover/Bonn, 1985.
13. Ganoczy, A. *Theologie der Natur*, Zürich. 1982. – S. 11–94.

14. Gardner, G. Invoking the spirit: Religion and Spirituality in the Quest for a Sustainable World, in: Worldwatch Institute (Ed.): State of the World 2003, Washington, 2003.
15. Halter, H./Lochbühler, W. Ökologische Theologie und Ethik, 2 Bde., Graz, 1999.
16. Hirai, Norio I want you to know what a nuclear power plant is (letter, translation by K. Tomita-Weber), 1997.
17. Hüttermann, A. Biology and the Law of Judaism, in: Neusner, N./ Avery-Peck, A.J./ Green, W.S. (Ed.): The Encyclopedia of Judaism, Boston, 2002. Vol. IV, – S. 1620–1629.
18. Johannes Paul II. Friede mit Gott dem Schöpfer, Friede mit der ganzen Schöpfung. Botschaft von Papst Johannes Paul II. zur Feier des Weltfriedenstages am 1. Januar 1990, in: OR 50/1989 (Wochenausgabe in deutscher Sprache), 1989. – S. 1 und 7.
19. Johannes Paul II. Centesimus annus. Enzyklika zum hundertsten Jahrestag von «Rerum novarum», Vatikan, 1991.
20. Johannes Paul II. Ökologische Berufung des Menschen. Angelus in der Sommerresidenz Castelgandolfo am 25. August 2002, in: OR 35/2002 (Wochenausgabe in deutscher Sprache), 1. 2002.
21. Jonas, H. Das Prinzip Verantwortung. Versuch einer Ethik für die technologische Zivilisation, 2. Aufl. Frankfurt, 1994.
22. Krehs, Angelika Ethics of Nature. A Map. Berlin/New York, 1999.
23. Lienkamp, A. Klimawandel und Gerechtigkeit. Eine Ethik der Nachhaltigkeit in christlicher Perspektive, Paderborn, 2009.
24. Lönig, K./Zenger, E. als Anfang schuf Gott. Biblische Schöpfungstheologien, Düsseldorf, 1997. – S. 142–146.
25. Lübke, H., Kontingenzerfahrung und Kontingenzbewältigung, in: Graevenitz, G./Marquard, O. (Hrsg.): Kontingenz, München, 1998. – S. 35–47.
26. Luhmann, N., Die Religion der Gesellschaft, Frankfurt, 2000.
27. Mertens, G. Umwelten: Eine humanökologische Pädagogik, Paderborn, 1998.
28. Miegel, M. Exit. Wohlstand ohne Wachstum, Berlin, 2010.
29. Orth, G. (Hrsg.): Die Erde – ein lebensfreundlicher Ort für alle. Göttinger Religionsgespräch zur Umwelt- und Klimapolitik, Münster, 2002.
30. Päpstlicher Rat für Gerechtigkeit und Frieden Kompendium der Soziallehre der Kirche, Freiburg, 2006.
31. Philipp, T. Grünzonen einer Lerngemeinschaft: Umweltschutz als Handlungs-, Wirkungs- und Erfahrungsort der Kirche, München, 2009.

32. Potsdam Institut für Klimafolgenforschung (PIK) and Institut für Gesellschaftspolitik (IGP), Global, aber Gerecht. Klimawandel bekämpfen, Entwicklung ermöglichen. Strategien zur Bewältigung der Klima- und Armutskrise. Report im Auftrag von Misereor und der Münchner Rück Stiftung, München, 2010.
33. Reichholf, Josef *Stabile Ungleichgewichte: Die Ökologie der Zukunft*, Frankfurt, 2008.
34. Reis, O. *Nachhaltigkeit – Ethik – Theologie. Eine theologische Beobachtung der Nachhaltigkeitsdebatte* (Forum Religion & Sozialkultur B 18), Münster, 2003.
35. Schneider, M./Froggatt, A./ Thomas, S. *Nuclear Power in a Post-Fukushima World. 25 Years After Chernobyl accident* (The World Nuclear Status Report 2010–2011), ed. by Worldwatch Institut, Washington 2011. – S. 11–19.
36. Sloterdijk, P. *Das 21. Jahrhundert beginnt mit dem Debakel vom 19. Dezember 2009. Interview mit A. Kreye*, in: *Süddeutsche Zeitung* vom 21.12.2009. – S. 10.
37. *The German Bishops – Commission for Society and Social Affairs and Commission for International Church Affairs: Climate Change, A Focal Point of Global, Intergenerational and Ecological Justice* (Commission texts 29, 2nd edition), Bonn, 2007.
38. UNDP [United Nations Development Programme], *Human Development Report 2007/2008. Fighting climate change: Human solidarity in a divided world*, New York, 2007.
39. Vogt, M. *Warum sollen wir die Umwelt schützen? Zur Rolle der Ethik in der Umweltkommunikation*, in: Brickwedde, F./Peters, U. (Hrsg.): *Umweltkommunikation – vom Wissen zum Handeln*. 7. Internationale Sommerakademie St. Marienthal, Berlin. 2002. – S. 67–80.
40. Vogt, M. *Prinzip Nachhaltigkeit. Ein Entwurf aus theologisch-ethischer Perspektive*, München. 2009. S. 305–481.
41. Vogt, M. *Climate Justice*, München, 2010.
42. Welker M. *Schöpfung und Wirklichkeit*, Neukirchen-Vluyn. 1995. – S. 101–106.
43. Werner, H. J. *Eins mit der Natur. Mensch und Natur bei Franz von Assisi, Jakob Boehme, Albert Schweitzer, Teilhard de Chardin*, München. 1986. – S. 13–37.

УДК 24–504

Сфера компетенции теологии в дискурсе о защите окружающей среды

1. Тупики экологической коммуникации

Существуют три основные методологические проблемы в экологической коммуникации [4], которые в последнее время скорее усугубляются, нежели разрешаются, когда к процессу их решения подключаются богословы: преобладание призывов к нравственности, что не приносит желаемого результата; диффузная широта дискурса, при которой наблюдается попытка охвата всех мировых проблем, и поэтому речь не идет о чем-то конкретном; большое разнообразие предложений экологических инициатив, исходящее от сил, определяющих нашу индивидуальную и общественную жизнь. Сфера компетенции теологии в экологическом дискурсе будет в состоянии конструктивно развиваться только в том случае, если представители Церкви научатся избегать коммуникационных тупиков, которые связаны с этими методологическими проблемами. Если же представители Церкви, как это часто и случается, при общении с общественностью используют экологический кризис в качестве повода для жалобы на всеобщий упадок морали или же пытаются облечь распространённый страх перед будущим в ризы экологического апокалипсиса, то лучше было бы вообще молчать.

Успешная экологическая коммуникация нуждается в этике, как в поддержке при поиске путей решения индивидуальных и общественных конфликтов, а не в моральных сетованиях; ей необходим точный анализ действующих взаимосвязей, опасностей и возможностей, а не банальности; она нуждается в мотивации посредством позитивных примеров, а не в утопиях, оторванных от реальности. «Радость от Творения вместо экологического разочарования» – таким должен быть девиз теологов при разрешении экологических вопросов. Подобная надежда станет добродетелью лишь в том случае, если она будет основана не на слепоте по отношению к актуальным экологическим опасностям жизни, а когда соединит смелость надежды с поиском знаний и с готовностью действовать.

Настоятельное требование «сохранить Творение», выраженные, к которому мы уже привыкли со времен процесса объединения Европы, теряет свой смысл, если под ним подразумевать лишь то, что мы, как хри-

стиане, должны обращаться с природой бережно и хранить её в надлежащем состоянии. Снимки, сделанные искусственными спутниками Земли, представляют нашу планету лишь в виде маленького хрупкого шара, парящего в космосе и нуждающегося в нашей заботе. *Однако природа сложнее, она является, в первую очередь, открытой, эволюционно развивающейся системой*, а не объектом, нуждающимся в сохранении его статического состояния. Понимание проблемы и руководство к действию мы получим только в том случае, если с разных точек зрения (теологической, экологической, экономической, эстетической или культурной) точнее определим, что в природе действительно следует защищать.

1.1. Отличие между природой и Творением

Зачем для обоснования экологической этики нам необходима категория «Творение»?

Природа является жизненным пространством и жизненной основой человека. Если человек их разрушит, он разрушит самого себя. Таким образом, их охрана – необходимая заповедь самозащиты и морального здравомыслия. Учитывая сложившееся на сегодня плюралистическое и частично секуляризованное общество Западной Европы, теологическая аргументация по вопросам экологической этики не всегда достигает цели, поскольку она разделяется далеко не всеми. Учитывая беспомощность общества перед лицом экологических опасностей, лозунг «Ответственность за Творение» вполне приемлем лишь в политических обращениях, и часто в них и используется. Однако в этих случаях он играет декоративную роль, постепенно превращаясь в пустую формулу, поскольку с ним не связано четкое и значимое определение. Ощущается большой дефицит его осознания и в теологии, и у Церкви.

Степень серьезности темы Творения была сильно занижена, особенно на Западе. И перед лицом очевидной несовместимости этого понятия с дарвинистским мировоззрением, она была сведена к мифу, оттеснена на задний план учением об Искуплении. Мы упустили возможность объяснения ключевых понятий веры в Творение таким образом, чтобы они и сегодня оставались значимыми на уровне объяснения законов природы, мировоззрения и восприятия их человеком, а также на уровне общественных норм [25; 13; 21]. Антидарвинистское и враждебное науке выступление креационизма не принесло никакой пользы.

В «сентиментальной» экологии вера в Творение часто употребляется в качестве определенного вспомогательного гвоздя, на который мы вешаем нравственные воззвания, когда нам не хватает других доводов. Часто термин функционирует как дополнительная рука экологической морали без собственного

специфического наполнения. Это не только бесполезно, но и непродуктивно, потому что высказывания богословов о Творении становятся привратниками, открывающими двери для холостого хода морализаторских рассуждений, и становятся ложным адресатом экологических лозунгов.

Резюме

В качестве выводов из этих кратких методологических размышлений я бы хотел отметить следующее:

1. Необходимо избегать трех опасностей в ходе экологической коммуникации, которые в церковном контексте ещё более обостряются: морализации, чрезмерного обобщения, идеализации.

2. Если бы вера в Творение была всего лишь способом поднятия на должную высоту экологических императивов, то ею можно было бы пренебречь, поскольку в наше время, время климатических изменений, последние и без того заявляют о себе достаточно громко.

Таким образом, значимость христианской веры в Творение для экологической коммуникации не находится непосредственно в плоскости морали. Её суть раскрывается в большей мере только в том случае, когда мы делаем шаг назад и одновременно внимательнее и точнее рассматриваем вопрос о культурных и антропологических предпосылках взаимоотношений между человеком и природой. Церкви, которые на протяжении столетий стали частью традиции, часто забывавшие о природе и Творении, также должны кардинально изменить своё сознание. Без изменения ориентиров на этом уровне, церкви Европы не смогут внести существенный вклад в дело охраны климата и в решение других животрепещущих экологических проблем.

2. Основы теологии: Творение как место нашего обитания

Факты: Три измерения веры в творение

«Творение» подразумевает не только акт начала мира, но и постоянное присутствие Бога в его Творениях, которое делает христиан способными любить, побуждает их к действию и дает надежду. Вера в Творение является фактом, который повелевает действовать, в частности, в трёх направлениях:

1. Христианская вера позиционирует себя не в качестве абстрактного учения, а в качестве истины, имеющей практическое значение и функцию формирования общества. Тот, кто правдоподобно провозглашает любовь Божью ко всем Творениям, готов ценить, оберегать и справедливо делиться благами творения. К самой структуре христианской веры относится тот факт, что она приобретает свою живую истинность в свидетельстве Церкви и каждого

отдельного христианина. Только в том случае, если мы понимаем её как надежду и, в то же время, как повеление к действию, её истина становится опутимой и действенной. Вера в Творение является фактом, в котором сокрыто побуждение к действию. Это её этическая смысловая вершина.

2. Суть веры в Творение подразумевает отношение этой веры к фактам сотворённой действительности. Христианский Бог не является только попусторонним и чисто духовным Богом. Он родился внутри времени и пространства, Он инкарнирован в мир. Следовательно, Он находится среди радостей, надежд и страхов людей, среди испытаний каждой эпохи. Его можно искать и найти. Приглашение в будущее Творения во всех его измерениях и конфликтах есть путь встречи с Богом. Вера в Творение является, в первую очередь, не рассказом о его начале, а объяснением настоящего. Это её онтологическая или теоретико-познавательная смысловая вершина.

3. Вера в Творение является фактом, побуждающим к действию и в том отношении, что она воспринимается как вполне реальная действительность. Это не пустая утопия, а действительная и созидательная сила надежды и любви. Вера в то, что Творение – не просто результат случая, а любимый Богом Дом жизни, который побуждает нас к путешествию в новую действительность. Она желает визуализироваться в практике нашей повседневной жизни, в нашем служении ближним и страждущим «братьям нашим меньшим». Тот, кто доверяет Богу, не сдаётся в плен поверхностному реализму повседневности, подчиняясь видимому и прогнозируемому, но осознаёт Божье обетование и Его невидимое присутствие как факт, изменяющий действительность. Вера в Творение содержит в себе надежду на то, что миру даровано не только смыслоутверждающее начало, но и искупленное будущее, преобразование и спасительное обращение к Богу. Это сотериологическая смысловая вершина веры в Творение. Тот, кто осознаёт Творение как факт, побуждающий к действию, приобретает основу экологической этики, которая является чем-то большим, чем вспомогательный рычаг для сентиментальной экологии. Ответственность за Творение делает человека способным к ответственности. Ее сердцевина в духовности, которая проявляется, в первую очередь, не в погружении в глубины души и в стремлении к самосовершенствованию, а в наделении способностью к ответственности и любви, к участию в судьбах ближних и братьев меньших. Христианская духовность в корне своём является духовностью Творения в смысле достойного обращения с ближними, братьями меньшими и с вещами [9].

Если экологическая этика желает быть чем-то большим, нежели рассуждениями, продиктованными угрызениями совести, апокалиптическими страхами перед будущим и политическими жалобами, она может обрести в теологии Творения существенное расширение своего горизонта. Тот, кто осознаёт ответственность за Творение как факт, побуждающий к дейст-

нию, открывает динамику, многообразие и ритмику Творения, как основу качества жизни и системы координат для критических встречных вопросов о месте человека в природе, без которых трудно представить преодоление экологического кризиса.

3. Целостное развитие: точка зрения католического учения

С исторической точки зрения вклад католического учения в вопросы экологической этики был сделан не в сфере специфически экологических аспектов, а прежде всего в углубленном познании понятия «развития» и его связи с социальными, культурными и хозяйственными вопросами, которые в настоящее время стали определяющими для концепции устойчивого развития. Так Папа Павел VI уже в 1967 г. в энциклике *Populorum progressio* подчёркивает, что развитие не должно быть сведено к экономическому процветанию, оно должно восприниматься как целостное понятие. Энциклика подвергла серьёзной критике потребительский стиль жизни Запада, о чём также говорили делегаты от Ватикана, участвовавшие в Первой Экологической Конференции ООН в 1970 г. в Стокгольме. Энциклика *Populorum progressio* представляет общие рамки для католического социального учения по вопросу охраны окружающей среды⁷. По существу в 1970–1980 гг. католическое учение внесло в экологические рассуждения три основные идеи:

1. Концепцию целостного развития, которая через Римский Клуб оказала значительное влияние на модель устойчивого развития ООН [14];

2. Критику потребительства и соединение экологических вопросов с темой стиля жизни, что до сих пор остаётся самым выразительным акцентом католической позиции в вопросах охраны окружающей среды;

3. Несущую в себе отпечаток влияния Фомы Аквинского концепцию собственности, которая определяет её не с позиции естественного права, а с позиции прагматики, и воспринимает блага Творения, прежде всего как коллективное владение, которое подчинено критериям общественного блага⁸.

С самого начала своего понтификата Папа Иоанн Павел II всегда однозначно высказывал свою позицию по вопросам экологии. Его ведущей

⁷ Vgl. *Centesimus annus* Nr. 38, sowie *Laborem exercens* Nr. 25; К вопросу о развитии провозглашения папского учения по вопросам ответственности за творение срвн. [21, S. 183–190].

⁸Компендиум социального учения Церкви (Папский Совет по миру и справедливости 2006), который посвящает экологическому вопросу целую главу (глава 10): особое внимание здесь уделяется мысли об общественном благе и универсальному посвящению благ, которым обосновывается также и экологическая ответственность (№ 466–471) Социальный компендиум выводит из этого “право на безопасную и здоровую естественную окружающую среду” (№ 468) [18].

концепцией была «гуманистическая экология», центром которой является достоинство человека. Этическими размышлениями она связывает воедино понятия «уважения жизни», «работы, как соучастия в акте Творения Божьего» и «ответственности». Вопрос о том, достаточно ли концепция гуманистической экологии дистанцируется от упрощенного понимания христианского антропоцентризма до сих пор остаётся предметом жарких споров даже в среде католических богословов именно в рамках экуменического и экологического дискурса.

Из многочисленных высказываний Папы Иоанна Павла II, затрагивающих вопросы экологии, с социально-этической точки зрения следует выделить следующее:

1. Связь с концепцией социальной рыночной экономики в его энциклике *Centesimus annus* (1991), которая содержит призыв к немецкой экуменической традиции и связана с аспектами критики процветания, а также с ответственностью потребителей⁹.

2. Биополитическая концепция всесторонней защиты жизни, которая впервые была изложена в 1995 г. в *Evangelium Vitae* под общим заголовком «Культура жизни» (в отличие от «Культуры смерти»). Связанное с этим категорическое отрицание контрацепции, которое содержится и в энциклике *Caritas in veritate* (№ 44 и № 50), широко обсуждается как раз в связи с аспектом глобального роста населения и критикуется в экологическом и социально-этическом контексте как ошибочное смешение различных уровней данной проблемы.

3. Самое большое признание в сфере экологического дискурса получил Иоанн Павел II в своем Послании по случаю празднования Международного дня мира в 1990 г. Его название: «Мир с Богом, Творцом – мир со всем Творением»¹⁰. Недостаток надлежащего уважения к природе и, как следствие, «эксплуатация природных ресурсов» расцениваются в качестве угрозы миру во всём мире (№ 1).

Папа Бенедикт XVI непосредственно продолжает эту тему своим Посланием во имя мира «Если ты хочешь мира – сохрани Творение». Учитывая тот факт, что в настоящее время приблизительно треть всех войн уже непосредственно связана с конфликтами, касающимися ресурсов, а также деградация окружающей среды, вызванная вынужденной миграцией насе-

⁹ Немецкие епископы уже в 1985 г., т. е. до того, как об этом заговорила какая бы то ни было политическая партия, высказались за социально-экологическую рыночную экономику и дали ей чёткое определение [8]. К вопросу об актуальном значении концепции социально-экологической рыночной экономики для Центральной и Восточной Европы [1].

¹⁰ В связи с этой до сих пор самой однозначной и самой вразумительной позицией в вопросах экологии [10].

ления, приводит к серьёзному напряжению [7; 16]. Рассмотрение этих вопросов с теологической и политической позиции, а также с точки зрения необходимости сохранения мира является важным вкладом Католической Церкви в данную дискуссию.

3.1. Экологические вопросы в энциклике *Caritas in veritate*

Высказывания католического учения по вопросам охраны окружающей среды в энциклике *Caritas in veritate* ожидалось с особым напряжением. Энциклика посвящает пять разделов (№ 48–52) детальному анализу ситуации и призывает ответственно относиться к Творению. В ней представлен широкий спектр основополагающих рефлексий от грамматики Творения как выражения любви и истины, до необходимости заключения нового завета между человеком и окружающей средой с целью недопущения саморазрушения.

Конкретные постулаты об изменённом отношении к энергии посредством развития эффективных технологий и использования возобновляемых ресурсов, о более лёгком доступе бедных стран к источникам энергии демонстрируют серьёзное отношение к актуальной политике защиты окружающей среды.

Однако в энциклике имеются и существенные пробелы: она не затрагивает вопрос изменения климата. Это понятие в ней даже не упоминается, хотя на сегодняшний день уже почти невозможно не заметить, что экологические проблемы сходятся во всей своей сложности и драматичности [6; 20].

Понятие устойчивости также последовательно избегается авторами. Тем самым в тексте не хватает как раз того, чего от энциклики ожидали, а именно, привязки новых животрепещущих проблем к местности дальнейшего концептуального развития католического социального учения [22]. В церковной коммуникации эти пробелы умышленно не замечаются, а цитирование нескольких морализирующих цитат из энциклики является ничем иным, как попыткой ввести в заблуждение себя и других относительно существующих различий.

Замалчивание проблем, связанных с изменением климата, находится в разительном контрасте с большими усилиями в этой области христианских церквей, а также многочисленных епископских конференций, монашеских орденов, гуманитарных организаций, союзов и других учреждений. Так, например, Общее собрание Совета Европейских Епископских Конференций 2002 г. в Сарасво в своём заключительном коммюнике высказалось за включение вопроса об устойчивом развитии в католическое социальное учение.

3.2. Итоги

Вопрос охраны окружающей среды до сих пор не является основополагающей частью католического системного социального учения [12, S. 453; 21, S. 16–40]. Это заключение, сделанное Вильгельмом Корфом в 1996 г. остаётся актуальным до сегодняшнего дня, по крайней мере, на уровне папского провозглашения учения Церкви. Хотя с 1960 гг. в нём и встречаются довольно мощные экологические императивы, всё же, в своей основе они имеют скорее добродетельно-этический характер. На уровне социальных принципов экология рассматривается всего лишь как имплицитный аспект, а не как вызов времени сам по себе. Только на основе интенсивного международного и экуменического процесса обучения удастся определить рамки теологической компетенции Церкви, политически действенной в Европе. Поэтому в дальнейшем я бы хотел обозначить некоторые основные моменты, рассматривая их с практической и системной точек зрения.

4. Устойчивое развитие как новый принцип христианской этики

Установление отдельных норм этики не является достаточно полным ответом на глобализацию экологических и социальных вопросов. Необходимо обратиться к основам политики и экономики. Речь идёт о том, чтобы нормативные директивы урегулирования социальных конфликтов, а также процесс организации общественных структур с позиции руководящих органов и общественного мнения были прозрачными, объяснимыми, хорошо организованными и правильно оформленными. Именно это является плоскостью социальных принципов.

Социальные принципы – это этическая грамматика для структурного построения общественного порядка. С теологической точки зрения они занимают своё место на основополагающем фундаменте перевода библейских посланий в организационно-этические категории, которые принимают в расчёт динамику современного общества и экономики. В области принципов личности и солидарности Церковь заимствовала многие понятия извне (катеорию личности у Канта как центральную мысль Просвещения; солидарность была, прежде всего, понятием классовой борьбы в социализме и профсоюзном движении).

Изначально «секулярные» определения связывались с их собственным традиционным значением, а впоследствии истолковывались по-новому в этическом и теологическом смыслах. Отсюда берёт своё начало тот факт, что концептуальные направления социальных принципов расширяются, когда они сталкиваются с качественно новыми исторически обусловленными требованиями. При этом этические понятия могут быть заимствова-

ны церковной традицией извне. Именно это я и предлагаю сделать с понятием устойчивого развития. Оно должно быть принято в качестве четвертого социального принципа христианской этики.

Устойчивое развитие связывает и актуализирует традиционные принципы социальной этики в свете проблем, связанных с вопросами экологии. Таким образом, она получает важное обоснование своего содержания, своей этической мотивационной силы и организующей формы в тесной взаимосвязи с известными социальными принципами:

1. Без этико-личностной связи с принципом личности, то есть без безусловного сохранения достоинства человека и его центрального системно-этического положения как субъекта действия и ответственности, попытка дать обязательное всеобщее обоснование принципу устойчивого развития непременно трансформируется в натуралистические концепции.

2. Без принципа солидарности и всех тех институций, которые были созданы с целью преодоления бедности, принцип устойчивого развития в определенной степени с политической и общественной точки зрения оказался бы в вакууме, был бы изолирован и, как наглядно демонстрирует концепция ООН, остался бы без надежного фундамента своих социально-политических компонентов.

4. Без связи с принципом субсидиарности у концепции устойчивого развития не было бы организационной сердцевины. Экологическими императивами можно было бы злоупотреблять с целью обеспечения усиления государственного контроля, повышения степени регламентации, большей централизации, вместо того, чтобы требовать повышения уровня приспособляемости государственных структур к свободе и к соответствующим социо-культурным и жизненным аспектам.

Во всех этих размышлениях об экологическом измерении традиционных социальных принципов та часть природы, которая не связана с человеком, упоминается только косвенно. Однако, понимание экологических факторов, как момента интерпретации социальной и экономической ответственности, не соответствовало бы основной проблематике. Оно противоречило бы концепции устойчивого развития, которая определяет экологическое измерение как самостоятельную цель общественного развития.

В итоге, решающим фактором для принятия модели устойчивого развития в качестве социального принципа является то обстоятельство, что она примечательным образом суммирует социально-этический диалог «признаков последнего времени» и сводит восдино те проблемы, которые стоят перед обществом и церковью. «То, что в конце XIX века было выражено вопросом о солидарности на примере общественной брзантности, в

начале XXI века сформулировано вопросом об устойчивом развитии» [24, S. 12]. Устойчивое развитие – это синтез социально-этического диагноза времени и одновременно основанный на нем критерий обустройства будущего во всех политических сферах.

Концепция устойчивого развития обнаруживает пробелы в справедливости. Она представляет срез основных проблем будущего и демонстрирует зачастую удивительные взаимосвязи определения проблем в разных контекстах. Устойчивое развитие проясняет факторы времени и природы во всех общественно-политических вопросах. Данная концепция разрабатывает новые формы анализа и стратегии решения проблем для всего сложного комплекса взаимодействия между локальными и глобальными явлениями.

Осознать такую центральную функцию дискурса об устойчивом развитии можно только в случае постоянной проверки границ его распространения. Именно в этом теология может оказать существенную помощь, представляя связанный с моделью устойчивого развития горизонт надежды и осознания смысла, которые указывают на пределы достижимого человеком, обществом и техникой, обращая внимание на то, чем мы не располагаем. Такое критическое расширение вопроса весьма уместно перед лицом опасности того, что дискурс об устойчивом развитии может замкнуться сам на себе и подменить свой интегральный характер всемогущей компетенцией в решении любых сложностей. Устойчивое развитие нуждается в сопутствующей идеологической критике, в которую теология может внести свой существенный вклад.

Итак, между моделью устойчивого развития и христианской ответственностью за Творение существуют взаимодополняющие отношения. С одной стороны, с целью расширения общественной эффективности, ответственность за Творение движется по пути устойчивого развития; с другой стороны, обоснование и претворение в жизнь принципа устойчивого развития может получить важные ориентиры от христианской веры в Творение и христианского восприятия человека. Вера предлагает релаксирующие импульсы для того, чтобы углубить данный принцип в своих культурных и этических критериях и, тем самым, поддерживать необходимое изменение курса в сторону устойчивого развития в свете индивидуальной и общественной переоценки ценностей. При этом речь не идёт о притязании на христианизацию данного понятия, а о том, чтобы связать его с христианским содержанием и, благодаря этому, раскрыть его новые грани. На данном пути устойчивое развитие становится контекстом интерпретации христианского послания, актуализирующего его значение для современного общества. Дискурс об устойчивом развитии может стать мостом для диалога между Церковью и современным обществом.

5. Перспективы: сфера компетенции церкви в экологическом дискурсе

Кризис окружающей среды – это экологический и социально-экономический опыт современности на грани риска. Лозунг «Быстрее, дальше, выше» не является удовлетворительной концепцией прогресса. Но и идеализация медлительности и поиск убежища в концепциях экономики достаточности не предоставляет жизнеспособных альтернатив. Здесь на сцену вступает политико-этический принцип устойчивого развития: он является новым определением предпосылок, границ и целей прогресса. Вместо постоянного увеличения количества товаров и скоростей, основной величиной общественного развития и политического планирования становится обеспечение экологической, социальной и экономической стабильности в жизненном пространстве человека. Только такое благосостояние, которое достигается за счёт легко добываемых ресурсов, и которое предоставляет возможность их использования наибольшему количеству людей жизнеспособно в плане справедливости.

Устойчивое развитие – предусмотрительное отношение к будущему, мотивирующей надеждой которого является не оптимизм прогресса, а видение удавшейся жизни в рамках природы. Такую надежду по ту сторону оптимизма прогресса можно найти в христианской вере: она основывается не на представлении о том, что всё будет становиться лучше и лучше, и что человек способен построить совершенное общество, а, напротив, на экзистенциальном осознании границ человечества, которое может обратиться во благо и надежду только в том случае, если человек осознает жизнь как дар и свою потребность в наличии социального окружения.

Если исходить из того, что преодоление контингентности является начальной функцией религии, то тогда именно здесь находится специфическая сфера компетенции теологической этики в экологическом дискурсе: преодоление контингентности необходимо для того, чтобы ответом на крушение веры в прогресс перед лицом опыта современности на грани риска не были ни экологические апокалиптические фантазии, ни персонификация утопий о постоянном развитии. Христианская этика ответственности за Творение не является замкнутой системой, придающей смысл натурологии, гарантии равенства или утопиям прогресса, она всего лишь движение поиска в диалектике прогресса и опасностей, которые он порождает. Вера в Творение может стать компасом в процессе поиска, решающее значение которого для поступательного развития Европы очевидно. Церкви различными путями способствуют этому изменению курса, как, например:

1. После Второго Европейского Экуменического Совета в 1997 г. в Граце было образовано Европейское Христианское Содружество по Охране Окружающей Среды (ЕХСОС), которое на уровне пасторской, прак-

тической и политической деятельности задействовано почти что во всех областях данного направления. Оно было основано уполномоченными представителями по вопросам охраны окружающей среды англиканской, православной, протестантских и католической церквей, а также церковными экологическими организациями почти всех европейских государств. Существенный вклад данной организации особенно ощутим сегодня в экологическом ориентировании и практике, прежде всего, в тех тематических блоках, которые посвящены вопросам изменения климата, ликвидности, экологической экономики, Агенды-21, экоманеджменту и образованию. Содружество рассматривает себя как часть посреднического процесса, направленного на сохранение мира, справедливости и Творения, начало которому было положено в Европе в 1989 г., и который стал источником мощных импульсов для концепции устойчивого развития.

2. Начиная с 1999 г., в различных странах регулярно проводятся консультации Совета Уполномоченных по вопросам охраны окружающей среды Европейских Епископских Конференций (ССЕЕ), в которых принимают участие приблизительно 70 участников и многочисленные наблюдатели из различных христианских организаций всего мира. Результаты этих встреч регулярно публикуются в интернете секретариатом ССЕЕ в итоговых резолюциях и рассылаются национальным епископским конференциям вместе с важнейшими рефератами, прозвучавшими на этих консультациях¹¹.

3. Церковный Экологический Менеджмент в различных странах Европы вслед за Учреждением EMAS (Eco-Management and Audit Scheme) стал весьма востребованным и профессионально компетентным движением. Образованному этим движением содружеству принадлежат только в Германии более 500 церковных учреждений, поэтому они стали наибольшей группой экоманеджмента в области неприбыльных предприятий. Они экономят более 50% требуемой энергии, что также является существенной финансовой помощью¹².

4. В Украине на данный момент активно работает Экологический Информационный Центр на базе Ужгородского Национального Университета, в котором служащие получают церковное образование в области экологической ответственности. Несмотря на опыт Чернобыля 1986 г., развитие

¹¹. См.: www.eccc.ch. В печатном виде отдельные тексты были опубликованы на разных языках; собрание этих текстов доступно на итальянском и других языках на CD-Rom [23].

¹². Ср. актуальную информацию по этому вопросу в www.kirchliches-umweltmanagement.de; zu den folgenden Projekten auch: www.eccn.org; www.cefe.ch (Catholic Ecology Forum Europe); www.zukunft-einkaufen.de.

экологического сознания в Украине и Белоруссии страдает от недостатка общественных свобод и этической ориентации в политическом процессе. Здесь перед церквями стоит серьёзная задача, которая требует новых форм экуменического и общественного сотрудничества.

5. Все большее признание находит инициатива, исходящая от Патриарха Константинопольского Варфоломея о включении в литургический календарь ежегодного праздника *Времени Творения*, который, между тем, уже отмечается многими церквями в период между 1 сентября и 4 октября.

В вышесказанном речь, конечно же, не идёт об исключительно технических и практических вопросах. На сегодняшний день в экзистенциальном опыте экологического кризиса в различном ракурсе ставится вопрос о самом Боге. Требование к переосмыслению жизнеспособного отношения к Творению затрагивает фундаментальные вопросы нашей культуры и нашего самосознания. При этом становятся понятными те специфические сферы компетенции церкви, которые должны привести к постоянному, приспосабливаемому для окружающей среды, развитию:

1. Речь идёт о долгосрочном мышлении, для которого и предназначена Церковь уже в силу самого своего существования, как институция, ориентированная на вечность Бога;

2. Церковь является старейшим «global player» (глобальным игроком) и в силу этого особым образом наделена правом всемирной ответственности, которая является сегодня условием преодоления экологического кризиса.

3. Христианское восприятие человека не рассматривает его ценность с позиции количества произведённых и израсходованных им товаров и может, вследствие этого, сделать его способным к пропорциональному, справедливому и ответственному обращению с ними.

4. Вера в Творение не направлена исключительно на то, чтобы вызывать к морали; она направлена на смыслообразующую коммуникацию, которая воспринимает экологическую ответственность как часть человеческого самоуважения.

5. Специфической особенностью христианского взгляда на вопросы окружающей среды является их включение в культурную и социальную структуру взаимосвязей. Охрана природы и человека образуют единство в христианской этике.

Этот огромный потенциал Церкви в дискурсе об экологии и будущем часто затмевается повсеместными страхами перед вступлением Церкви в такой экологический дискурс. Христиане ставят свой светильник под сосуд (см. Мф. 5:15). Создаётся впечатление, что ответственность за Творение утонула в Церкви по ту сторону бессвязных воззваний к морали в глубоком сне Спящей

Красавицы. Когда же верующие Европы проснутся, чтобы открыть своё экологическое наследие и по-новому развить его? Только в диалоге вера оживает. Только в том случае, если Церковь будет открыто принимать вызовы современности, она станет «закваской» для будущего развития. Время не ждёт.

Литература

1. Balaban, S. Okosoziale Marktwirtschaft für die Transformationsländer. in: Renöckl u. a. (Hrsg.): Umbrüche gestalten. Sozialethische Herausforderungen im neuen Europa, Wien/Würzburg. 2008. – S. 192–203.
2. Benedikt XVI. Enzyklika Caritas in veritate, Vatikan, 2009.
3. Benedikt XVI. Wenn du den Frieden willst, bewahre die Schöpfung. Botschaft zum Weltfriedenstag am 1. Januar 2010, Vatikan, 2009b.
4. Brickwedde, F./Peters, U. (Hrsg.) Umweltkommunikation – vom Wissen zum Handeln. 7. Internationale Sommerakademie St. Marienthal, Berlin, 2002.
5. Die deutschen Bischöfe Handeln für die Zukunft der Schöpfung, hrsg. vom Sekretariat der Deutschen Bischofskonferenz (Erklärungen der Kommissionen 19), Bonn, 1998.
6. Die deutschen Bischöfe Der Klimawandel. Brennpunkt globaler, intergenerationaler und ökologischer Gerechtigkeit, hrsg. vom Sekretariat der Deutschen Bischofskonferenz (Kommissionstexte 29), 2. Auflage Bonn, 2007.
7. Die deutschen Bischöfe (Hrsg.) Wenn du den Frieden willst, bewahre die Schöpfung (Arbeitshilfen 237), Bonn, 2009.
8. Evangelische Kirche in Deutschland/Die deutschen Bischöfe Verantwortung wahrnehmen für die Schöpfung, Hannover/Bonn. 1985. – Nr. 79–87.
9. Grün, A./Seuferling, A. Benediktinische Schöpfungsspiritualität, 2. Aufl. Münsterschwarzach. 2002. – S. 27–37.
10. Johannes Paul II. Friede mit Gott dem Schöpfer. Friede mit der ganzen Schöpfung. Botschaft von Papst Johannes Paul II. zur Feier des Weltfriedenstages am 1. Januar 1990, in: OR 50/1989 (Wochenausgabe in deutscher Sprache), 1989. S. 1 und 7.
11. Johannes Paul II. Centesimus annus. Enzyklika zum hundertsten Jahrestag von «Rerum novarum», Vatikan, 1991.
12. Korff, W. Verbindliche Handlungsprinzipien. Zum Anspruch einer Soziallehre, in: Zentralkomitee der Deutschen Katholiken (Hrsg.): «Solidarität ist unteilbar». Katholischer Kongress 1996 in Hildesheim, Kevelaer. 1996. S. 441–456.
13. Lönig, K./Zenger, E. Als Anfang schuf Gott. Biblische Schöpfungstheologien, Düsseldorf, 1997.

14. Masini, E. Nachhaltige Lebensstile als Herausforderung für die Christen Europas, in: Vogt/Numico (a.a.O.). 2007. – S. 288–303.
15. Muñoz, F. Die Position des Heiligen Stuhls gegenüber Umweltpolitik, in: M. Vogt/S. Numico (a.a.O.). 2007. – S. 528–545.
16. Ökumenische Zentrale/ Arbeitsgemeinschaft Christlicher Kirchen in Deutschland (Hrsg.) Gerechter Friede. Handreichung zum Diskussionsstand, Frankfurt, 2010.
17. Päpstlicher Rat für Gerechtigkeit und Frieden Kompendium der Soziallehre der Kirche, Freiburg, 2006.
18. Philipp, T. Grünzonen einer Lerngemeinschaft: Umweltschutz als Handlungs-, Wirkungs- und Erfahrungsort der Kirche, München, 2009. – S. 112–119.
19. Stückelberger, Ch. Umwelt und Entwicklung. Eine sozioethische Orientierung, Stuttgart, 1997.
20. UNDP [United Nations Development Programme] Bericht über die menschliche Entwicklung 2007/2008. Den Klimawandel bekämpfen: Menschliche Solidarität in einer geteilten Welt, Berlin, 2007.
21. Vogt, M. Prinzip Nachhaltigkeit. Ein Entwurf aus theologisch-ethischer Perspektive, München, 2009. – S. 216–372
22. Vogt, M. Beredtes Schweigen. Ein Kommentar zu ökologischen Aspekten der Sozialenzyklika «Caritas in veritate», in: Amosinternational. Internationale Zeitschrift für christliche Sozialethik 4/2009, 2009b. – S. 27–35.
23. Vogt, M./Numico S. (Hrsg.) Schöpfungsverantwortung in Europa/ Responsibility for Creation. Records of the council of the European bishop's conferences six consultations for the environmental appointees, Bad Honnef, 2007.
24. Wulsdorf, H. Nachhaltigkeit: ein christlicher Grundauftrag in einer globalisierten Welt, Regensburg, 2005.
25. Zur verspäteten Wiederentdeckung der Schöpfungsglaubens im Kontext ökologischer Fragen vgl. Stückelberger. 1997. – S. 163–225.

III. ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ПОЛИТИКИ И ОБЩЕСТВА

УДК 504.3.054+364.22

Договор о защите климата. Этические акценты защиты климата и борьбы с бедностью

1. Призрачные надежды: Перспективы после международной конференции в Канкуне

В период с 29 ноября по 10 декабря 2010 года в мексиканском курортном городке Канкун собрались представители 194 стран на международный саммит Объединённых Наций, посвящённый проблемам охраны климата. После провала предыдущего саммита в Копенгагене (декабрь, 2009 г.) здесь речь шла не о значительном рывке в направлении достижения обязательного международного соглашения, а о формировании основ новой стратегии переговоров по вопросам климата и важнейших положениях процесса подготовки следующих конференций в южноафриканском Дурбане (декабрь, 2011 г.) и в Рио-де-Жанейро, в Бразилии (май, 2012 г.). Результаты превзошли ожидания благодаря умелому руководству переговорами Министра иностранных дел Мексики госпожи Патрисии Эспинозы. В «Канкунском соглашении» впервые официально был признан Двухградусный Лимит границы максимального повышения температуры. Научной базой для осуществления этой цели названо уменьшение до 2020 года выбросов парниковых газов на 25%–40%, соглашение о котором было принято странами Киотского соглашения.

Это заметный успех, особенно после того, как многие участники такой многосторонней конференции подвергали сомнению целесообразность ее проведения. Однако, это был лишь компромисс невысокого уровня. Учитывая чрезвычайно различные интересы, решительную блокаду какой-либо ответственности за изменение климата со стороны американского Сената, которую Обама в ближайшем будущем едва ли сможет преодолеть, а также принимая во внимание первостепенные интересы Китая, многих других развивающихся и новых индустриальных государств, международные переговоры по проблемам климата остаются задачей крайне высокой сложности. Множество вопросов ещё не решено, к примеру, обязательность выполнения и правовая форма будущего договора по защите климата, прозрачность правил начислений, контроля и сравнения эффек-

тивности защиты климата, и, не в последнюю очередь, противоречие между соотношением права на развитие и моральными обязательствами по защите климата. С того времени, как в Киото были согласованы цели касательно уменьшения выбросов CO₂, их осуществление происходит в замедленном режиме и в неполном объёме, и, согласно исследованиям Совета по вопросам климата (что было подтверждено и в Канкуне), такие меры позволяют ограничить глобальное потепление максимально на уровне 3,5–4,5 градусов Цельсия [17]. В таком случае вряд ли удастся избежать «опасного изменения климата», которое может сделать значительную часть Земли непригодной для жизни.

При нынешнем состоянии переговоров почти невозможно достичь ограничения глобального потепления менее чем на 1,5 градуса Цельсия – чего требуют находящиеся под особой угрозой Альянс малых островных государств (AOSIS) и африканские государства. Уже теперь для многих сотен миллионов граждан недоступны жизненно важные права человека на физическое здоровье, достаточность потребления воды и продуктов питания [26].

Разрыв между желаниями и действительностью – огромен. «Политика в сфере защиты климата, как и развития, на данное время находится в тупике. Нынешних политических усилий международных государственных объединений ни в коей мере недостаточно, чтобы адекватно ответить на эти серьезные вызовы времени» [4]. Тем не менее, нет никакой альтернативы продолжению переговоров по вопросам климата. Договор о международной защите климата, который в то же время определял бы право крупнейших стран на развитие, станет одним из важнейших «пробных камней» глобальной политики XXI века. Ниже мы назовём и проанализируем этические основы этой проблемы.

2. Этические основы для нового «глобального договора»

2.1. Совместная и одновременно дифференцированная ответственность.

Изменение климата – наиболее существенная проблема общего благосостояния, которая когда-либо встретила человечество. У нас нет никакого исторического опыта, на который можно было бы опереться для её решения. Осуществление эффективной защиты климата заставляет распрощаться с возросшей узконациональной политической перспективой и созданными соответствующими институциями [13]. Значительный вклад в данный вопрос может внести христианская этика, которая по своей сути опирается на глобальную, долгосрочную перспективу и интегрирует социальные и экологические вопросы в теологическую основу принципа Творения [2; 33; 7].

В XXI веке всё более насущной становится проблема защиты климата в решении вопросов мира и обеспечении политики безопасности [5]. Папский Совет права и мира, призванный стоять на страже мира и справедливости, в XXI веке не может восприниматься адекватно без процесса систематической интеграции теологических основ принципа Творения и этических вопросов ответственности за состояние климата в разных сферах человеческой деятельности. Особенность общественных благ состоит в том, что они касаются всего общества, их использование, по сути, нельзя индивидуализировать. Посему инвестиции в мероприятия по защите климата легко уязвимы. Их необходимо защищать глобальными рамочными договорами [35]. Таким образом, управление климатическими изменениями становится глобальной политической задачей. Для ее этического и правового обоснования, начиная с 1960-х годов, постоянно выдвигается концепция природы как «общего достояния человечества» (*common heritage of mankind*). Однако, эта идея до сих пор не внедрена в жизнь ни договорными обязательствами, ни практикой повседневной жизни народов. Необходимо трансформировать международное право сосуществования в право сотрудничества [2]. Сюда следует отнести, к примеру, обязательства, касающиеся информирования и консалтинга, а также внедрения национальных и международных правовых норм в обеспечение ответственности и урегулирования конфликтов в вопросах влияния экологии на человека и природу. Этические проблемы климатических изменений можно охарактеризовать тремя разными аспектами солидарности:

1. *Долгосрочная* солидарность проявляется в мероприятиях, связанных с предупреждением или минимизацией последствий климатических изменений (*mitigation*) за счёт отказа от ископаемых источников топлива. Поскольку это касается всех стран, то защита климата в этом контексте является важной сферой сотрудничества или хотя бы консолидации.

2. В *среднесрочной* перспективе на первый план выходят адаптивные мероприятия (*adaptation*) – например, водоснабжение, переселение, экологические и сельскохозяйственные приспособления.

3. Легче всего осуществлять *краткосрочную* солидарность (оказание помощи при катастрофах) – с помощью средств массовой информации, призывающих к сочувствию; поскольку в данном случае, прежде всего, страдают бедные слои населения, необходимость в этом аспекте солидарности особенно актуальна.

В этической дискуссии по вопросам изменения климата, значение мероприятий, которые направлены на адаптацию, и обязательства солидарности, к сожалению, вытесняются рассуждениями, непосредственно связанными с возможностью избежать или ослабить климатические

изменения [32]. Поскольку изменение климата набирает обороты, и обеспечение людей питьевой водой и водой для санитарно-бытовых нужд находится под угрозой, необходимо уже сегодня помимо избирательной локальной помощи и следует разработать долгосрочную концепцию, которая являлась бы частью международной стратегии защиты климата [30]. Для полумиллиарда людей, проживающих в южных районах Земли, где пресная вода «безжалостно» не используются для орошения плантаций, вопрос о справедливом и солидарном распределении ее постоянно сокращающихся запасов является жизненно важным. Вместе с тем, условия в разных регионах настолько отличаются друг от друга, что пока не найдено никакого общего решения проблемы обеспечения водой [23]. Сolidарность в вопросах защиты климата в достаточной мере может быть обеспечена только за счёт коррекции структурных дефинитивов. В качестве основы межотраслевых многосторонних переговоров в рамках ООН необходимо создать самостоятельную организацию по вопросам окружающей среды, обладающую правом применения санкций [8]. Всё более популярной становится также идея создания Международного экологического суда, который обладал бы полномочиями применения соответствующих санкций в случае нарушений, затрагивающих интересы больших групп населения.

Решение эτικο-политических проблем состоит в преодолении позиции краткосрочных перспектив и активизации моральных, политических и экономических ресурсов для совместных действий, позволяющих выйти за рамки только операций по спасению при катастрофах, активизировать профилактические мероприятия по защите климата и инновационных энергетических технологий. Это требует, в первую очередь, усиления глобальных институций управления для внедрения справедливости в вопросе выбросов в атмосферу газа CO_2 . Этическое преодоление климатических изменений зависит от трансформации институций в сторону глобального управления («Global Governance») и нового стратегического союза между политикой, экономикой и гражданским обществом [34; 13]. Подписанная в Рио-де-Жанейро рамочная конвенция ООН по вопросам климата, может быть охарактеризована как «общая, хотя и дифференцированная ответственность» [6]. При этом ответственность в первую очередь возлагается на промышленно развитые страны, поскольку их доля выбросов CO_2 чрезмерно высока, а также из-за наличия значительно большего количества технических, экономических и политических возможностей для обеспечения защиты климата. Однако, провозглашённая формула «дифференцированной ответственности» («common but differentiated responsibility») скрывает в себе множество возможных интерпретаций, которые надлежит конкретизировать, приняв глобальный общий договор о справедливом урегулировании проблемы CO_2 [25]).

2.2. Право на развитие

Основной проблемой в конфликте между защитой климата и преодолением бедности является право на развитие. «Пока люди будут бедны, бессмысленно и нереально ожидать, что они будут фокусировать свое внимание и тратить жизненно важные ресурсы на решение проблем изменения климата.» [3]. Для большинства развивающихся стран концепция защиты климата может быть принята лишь в случае одновременного признания права на их развитие, что включает в себя удовлетворение естественных человеческих потребностей (*basic needs*), наличие условий, недопускающих лишения и насилия (*vulnerability*), а также гарантию необходимых мер безопасности и благополучия. Для осуществления планов по контролю выбросов CO₂ технологически менее развитым странам следует предоставить более широкие права.

Право на развитие не тождественно праву на рост экономики, а право на скромные, но достойные показатели предпосылок этого роста, не является гарантией достижения благополучия. Люди, живущие в странах с более низким уровнем жизни («*development threshold*», порог развития) должны иметь возможность заботиться о собственном развитии, не обременяя себя обязанностями, связанными с защитой климата [4]. Право на развитие в контексте защиты климата объяснимо с позиции прав человека [31; 32]. В контексте дискуссии можно вывести принцип справедливости относительно потребностей, шансов и процессов [37]. Справедливость в вопросе обеспечения потребностей, зиждется на том, что этически предоставляется преимущество удовлетворению человеческих потребностей. Справедливость шансов конкретизируется путём инвестиций для увеличения возможностей снижения рисков, вызванных изменениями климата. Справедливость процессов в первую очередь может быть обеспечена улучшением институциональных условий для защиты климата и непосредственным активным участием структуры этих институций (партиципационные шансы).

Обеспечение права на развитие требует *Greenhouse Development Rights Framework*. Это понятие подразумевает рамочную концепцию, которая, учитывая насущную необходимость обратного процесса климатических изменений, в то же время защищает права всех людей на достойную безбедную жизнь. Такой подход важен, он позволяет гарантировать справедливое распределение ответственности. Без его глобального правового обеспечения невозможно добиться инвестиций в процесс глобальной защиты климата. Кроме справедливого распределения эмиссионных квот, при обсуждении этой проблемы необходимо также учитывать имущественный, человеческий, природный и социальный капитал [37], поскольку все эти факторы существенно влияют на возможность преодоления бедности и приспособления к климатическим изменениям.

3. Проблема справедливости в контексте вопроса о выбросах в атмосферу газа CO₂: основа нового глобального соглашения по защите климата

Для простоты понимания при последующих рассуждениях я сконцентрируюсь на глобальном соглашении, касающемся выбросов CO₂. Не стоит забывать, однако, что следует учитывать и другие виды газов, оказывающих серьезное влияние на климат, например, метан, который весьма агрессивен и является существенной проблемой для сельского хозяйства при выгорании торфяных болот. Поскольку при воздействии на климат в процентном соотношении доля CO₂ определяется 90% [7], в данном случае мне представляется допустимой погрешность, позволяющая не рассматривать влияние на климат остальных видов газов.

3.1. Ответственность за способность к менеджменту

Исследования Фонда Гайнриха Бёлля (Heinrich Böll Stiftung) на тему «Право на развитие в мире, которому угрожает изменение климата» объединяют показатели ответственности со способностью к менеджменту в деле защиты климата. Responsibility and Capacity Indicator (RCI; – показатели ответственных обязанностей и способности менеджмента) [3]. Они исходят из того, что ответственность и способность к защите климата следует учитывать только в доле прибыли и уровне выбросов в атмосферу, которые непосредственно не нужны для обеспечения существования.

Таким образом, только те люди должны вносить свой вклад в реализацию программы по спасению климата, которых можно отнести хотя бы к глобальному среднему классу или к классу потребителей. «Мы определяем способность управления доходами количеством отчислений, которые необходимы для обеспечения стран, находящихся на более низком уровне развития. Ответственность мы определяем суммарным показателем выбросов углерода без учета количества этого газа, необходимого для производства товаров массового потребления в рамках концепции порога развития» [3].

Страны, находящиеся ниже порога развития, рассматриваются как «survival income» и «survival emission» и не могут учитываться с точки зрения, так называемых, климатически политических позиций. Аналогично основному положению налогового права, в соответствии с которым прожиточный минимум не может облагаться налогом, с него не вытекают никакие моральные компенсации. Концепция обязательности участия в международной климатической политике рассматривается как своеобразный вид налога на предметы роскоши глобального класса потребителей (*luxury emissions*) [3].

Политические выводы такого этического подхода весьма значительны: «Нельзя ожидать от государств, которые ещё развиваются, что они возьмут на себя расходы по реализации мероприятий, связанных с недопущением или минимизацией изменений климата» («Countries cannot be asked to incur any mitigation costs as long as they are developing» [3]). Кардинальный вопрос этой концепции состоит в определении порога между базовым обеспечением и роскошью. Авторы исходят из того, что годовой доход в 9000 долларов США, как правило, гарантирует надежное базовое обеспечение и этим самым определяет принадлежность к «глобальному среднему классу» [3; S. 82–84].

Глобальный среднеарифметический уровень дохода составляет 8500 американских долларов в год. Другие опускают порог несколько ниже и связывают с этим значительную дифференциацию: «Если за основу брать порог дохода в 7000 долларов США на человека в год, то наряду с более чем 900 миллионами массовых потребителей на Севере существует более 800 миллионов «новых потребителей» в странах, которые развиваются» [31]. Не следует углубляться в спор о том, какой из показателей более подходящий – 7000 или 9000 долларов в год. Необходимо, однако, четко усвоить, что сегодня пропасть между бедностью и богатством очевидно не может рассматриваться, как разница между Севером и Югом, поскольку постоянно увеличивается пропасть между странами, которые развиваются и новыми индустриальными странами. «Неравенство в пределах государств бывает таким же или даже больше, чем неравенство между государствами» [4]. Но, как указывают сами авторы, будет методически неверным устанавливать показатели порога развития только доходами, поскольку для индивидуального благополучия, вместе с доходами важную роль играют и другие факторы (например, такие общественные блага, как безопасность, доступ к воде, образование, охрана здоровья, культурные взаимосвязи). Тем не менее, величина дохода по отношению к покупательной способностью на сравнительной основе является важным критерием для определения шансов на благополучие.

Согласно концепции ответственности и возможности (*Responsibility and Capability-Konzept*) этическая ответственность, а также обязательства по отчислениям применимы только к тем выбросам, которые: а) произошли в период, когда уже было известно об их вредном влиянии на климат (приблизительно с 1990 года) и б) возникли в результате удовлетворения потребностей, выходящих за рамки базового жизнеобеспечения, уровень которого предлагается определить 9000 долларов США годового дохода. Согласно такой модели можно рассчитать обязательства по редукции в цифровом выражении: соответственно, треть обязательств по инвестициям ложится на США, а четверть – на Евросоюз («США – 34,4 %, Евросоюз – 26,6 %, Россия – 5,5 %, Китай – 7 %»). При опти-

мистичном прогнозе расходы на помощь нуждающимся составят 1 % мирового социального продукта, а ежегодная сумма на каждого жителя сверх «development threshold» оценивается суммой примерно 780 долларов в США, 372 доллара в Евросоюзе, 142 доллара в Китае [3. S. 5].

Согласно научным расчётам такие обязательства для промышленно развитых стран могли бы быть вполне посильными. При условии определения цели, позволяющей ограничить повышение температуры « 2°C », прогнозируются следующие показатели снижения потребления: в США, Японии и Европе, в зависимости от сценария от 1 % до 4 % ВВП; в России и Центральном Востоке – от 6 до 12%. Для Африки с доходами от потребительских товаров рассчитывают на показатель 22,4% [3. S. 42].

3.2. Составление договора в верхней границе количества выбросов CO_2 и сближении подходов

В наши дни под названием Contraction and Convergence (C&C «Составление договора и сближение») дискутируется одна из самых интересных концепций международного договора, касающегося справедливого распределения выбросов CO_2 . При этом комбинируется Договор, который рассматривает вопросы возможной границы между глобально допустимыми выбросами CO_2 (contraction) и разными вариантами процесса общего сближения позиций в вопросе распределения прав на выбросы в атмосферу (convergence) [3. S. 23–45; 4. S. 14–18].

Основой для определения глобальной верхней границы служит общий консенсус, касающийся допустимых экологических рисков. Однако, их невозможно однозначно определить, равно как и точно прогнозировать, опираясь на естественные предельные показатели глобально равного распределения. Однако, до тех пор, пока основой политических переговоров является своеобразный консенсус, согласно которому допустимой границей является глобальное потепление на 2°C или концентрация CO_2 в 450 ppm. (Существует мнение, что максимально допустимый показатель при лимите в 2°C 550 ppm. Фаза приспособления в этом случае будет продлена из расчета 1,5% reductions в год).

В соответствии с этой концепцией резкие изменения сопряжены с высокими рисками, и поэтому этически неприемлемы» [3. S. 37–56]. Во избежание рисков концепция C&C исходит из этой скорее заниженной верхней границы, несмотря на то, что исследования климата ставят под сомнение возможность реализации поставленной цели [19; 21; 28]. В процессе переговоров о сокращении выбросов отправной точкой концепции C&C является исторически сложившееся распределение, рассматриваемое в качестве основы пропорционально определенных взносов [4; 28].

Однако, это лишь исходная позиция. Впоследствии следует поэтапно достигать целей равномерного распределения прав на выбросы в расчете на душу населения и приблизиться к конвергенции или равным правам на выбросы. Устаревшие, но ещё действующие принципы облегчают такой переход в развитых странах, для которых характерной является высокая концентрация выбросов. С этической позиции оправданием этому может быть стремление защиты собственности и прагматизм.

В переговорах, которые состоялись уже после Киотских соглашений до сих пор не принято однозначного решения в пользу одного из двух возможных базовых типов соглашений, которые здесь обозначены как Сокращение и Сближение (Contraction and Convergence) или Ответственность и Качество (Responsibility and Capacity) [4. С. 7]. Концепция C&C предлагает реальный шанс для стратегического союза Север-Юг и в настоящее время получает постоянно возрастающую поддержку, например, в Великобритании [4. С. 18].

3.3. Глобальное равенство как основа глобального Договора о защите климата?

Важная аксиома обоснованного здесь гуманно-правового и развивающего-этического подхода к защите климата заключается в том, что показатели глобальной справедливости в вопросах климата определяются из расчета на душу населения, а не на страну. Постулат равного распределения прав на выбросы в атмосферу можно обосновать с этической точки зрения тем, что речь идёт о глобальном общем благе, которое только в ограниченных рамках можно рассматривать как национальное достояние, к которому граждане Земли должны иметь гарантированный доступ [31].

Равноправие людей является основным посылом всеобщей декларации прав человека. Климато-политический постулат равенства – это, все же, многообещающее решение в этическом смысле. Оно наталкивается на отчаянное сопротивление, учитывая тот факт, что на каждого американца из США в настоящее время приходится в 100 раз больше CO₂, чем на жителя Западной Африки. Чтобы не провоцировать соблазн ложного увеличения численности населения, для расчетов количества выбросов следовало бы опираться на определённый базовый год [4. С. 16]. Таким мог бы быть 1990 год, поскольку во многих моделях он уже фигурирует в качестве точки отсчета.

Климато-политическое равенство можно интерпретировать как использование «золотого правила», в соответствии с которым равенство в отношении выбросов CO₂ гарантируется в тех случаях, когда каждый человек Земли не будет вырабатывать углекислого газа больше, чем он это

позволяет делать другому. Если этот принцип распространить на последующие поколения, возникает дополнительное условие, согласно которому количество вырабатываемых парниковых газов не должно превышать глобально предельно допустимых значений. При этом абсолютное равенство всех людей остаётся проблематичным из-за двух позиций: географическая и культурная дифференциация предполагает разные потребности; теоретически справедливо сравнивать сопоставимые величины.

Основанием для требований более серьезных усилий в деле сокращения количества выбросов со стороны государств Северного полушария является их значительно большие возможности для инвестиций в эффективные и субституциональные энергетические стратегии. Что касается этических критериев справедливости, то от индустриально развитых стран ожидается более значительный вклад в дело защиты климата [3].

При этом известную роль мог бы играть и тот принцип, согласно которому промышленно развитые страны с их более высокими стандартами технического развития при одинаковом количестве выбросов газов в атмосферу могут достигать более высоких показателей эффективности производства. Следует учитывать и то обстоятельство, что для них, и особенно для элиты новых развивающихся стран, речь идет не о выживании, а о снижении уровня благосостояния, который намного превышает рамки жизненно необходимого минимума. Свидетельством тому является принцип пропорциональности более значительного вклада этих персональных групп.

Согласно критериям принципа первопричины, промышленно развитые страны, которые за последние 150 лет стали источником около 90% выбросов газов, должны бы взять на себя львиную долю затрат на мероприятия по защите климата. Однако, возникает вопрос, какой груз прошлого следует учитывать в концепции справедливости. Не следует оставлять без внимания чрезмерные различия положения людей в развивающихся и новых промышленно развивающихся странах. Для анализа ситуации недостаточно лишь противопоставлять друг другу как отдельные гомогенные блоки промышленно развитые, новые индустриальные и развивающиеся страны. К тому же, существует весьма смутное представление или полностью отсутствует информация о степени их исторической вины за большой исторический период времени. И поэтому, с точки зрения этико-политической ответственности целесообразно ограничить степень исторической вины периодом с 1990-ого или 1992-го годов.

Такой подход оправдан наличием достаточно точных данных для последующего периода. Если за основу взять 1992 год, тогда можно ссылаться на рамочную конвенцию ООН по вопросам климата в Рио, где были рассмотрены вопросы климатической справедливости. Игак, для решения

вопроса о справедливости необходимо учитывать большое количество мнений и позиций для достижения одинакового подхода для расчёта количества выбросов CO_2 на душу населения, тем самым, определения меры справедливости. Вопреки всей сложности этой проблемы цель должна быть достигнута. Я призываю к этому не из-за пренебрежения к разнице в степени равенства (критика равенства «Egalitarismuskritik» [21. S. 7–33]), а из-за преимуществ, одно из которых представляет банк данных достаточно солидной исходной аксиомы и, тем самым, способствует политическому консенсусу в принятии компромиссных решений.

Это должно служить ориентиром политической этики хотя бы до того времени, пока в процессе этико-философских дискуссий не будут найдены новые подходы и оптимальные решения в определении консенсуса соответственных эмпирических данных о распределении и расчётах, касающихся изменения климата. Однако, чтобы определить информационную основу для распределения ответственности в вопросе защиты климата, необходимо одновременно проводить теоретические правовые исследования, которые до сих пор не ведутся. Помимо названных проблем, очень существенное значение приобретает и выбор данных, которые следует включать в расчёты баланса CO_2 , а также обязательства по защите: надо ли, например, засчитывать в качестве позитивного вклада страны в дело защиты климата леса, которые там растут или высажены? Обосновано ли обстоятельство, что землепользование, которое играет для климата чрезвычайно важную роль, обычно включается в расчёты по климатическим изменениям лишь косвенно? Как следует вести учёт выбросов CO_2 , которые являются следствием международных авиаперевозок, при сегодняшних расчётах они полностью оставлены без внимания?

3.4. Торговля эмиссионными квотами

С этической точки зрения особенно противоречива та часть глобального соглашения по защите климата, которая касается торговли сертификатами на выбросы в атмосферу парниковых газов, а также гибких механизмов политики в вопросах климата (Joint Implementation и Clean Development Mechanism). Эти механизмы предлагают большие преимущества в распределении, а именно, в эффективном применении ограниченных средств, что становится не только экономическим аргументом, а в связи с особой насущностью проблемы представляет собой важную этическую ценность. Однако, торговля эмиссионными квотами требует наличия действующих рынков, имеющих лишь на ограниченных территориях, как например, частично на территории ЕС. Часто правила распределения квот не совсем понятны, например, в Германии они первоначально бесплатны. Получение сертификатов не должно становиться заменой структурных реформ в конкретной стране или предприятии.

В связи с этим Немецкая Епископская Конференция предлагает выполнять 50% обязательства по сокращению выбросов в своей собственной стране [7, S. 54]. Согласно всем прогнозам торговля правами на выбросы в атмосферу даст позитивные результаты для экономики развивающихся стран. «Если средние расходы на мероприятия по сокращению выбросов в развивающихся странах будут ниже цены сертификатов – что является общеизвестным фактом – тогда эти страны получат значительные доходы от торговли эмиссионными квотами. Так что поступления от такой торговли в будущем могли бы превысить сегодняшние размеры помощи, выделяемой для развития Африки» [9].

При этом в любых обстоятельствах надо всё же придерживаться хотя бы минимальных этических норм. «При торговле правами на выбросы в атмосферу свобода действий участников рынка не должна позиционироваться выше реализации прав человека» [31]. Таким образом, права на эмиссионные квоты нельзя скушать у развивающихся стран в таких объемах, чтобы это могло субстанционально повлиять на шансы развития бедных слоев населения. Следовало бы сохранить то определенное количество прав на выбросы в атмосферу, которые обеспечивают экзистенциальный минимум или минимальный стандарт благополучия. Это, в частности, применимо там, где власти лишь отдаленно придерживаются основных постулатов демократии и норм правовой государственности. Необходимо добиваться того, чтобы денежные средства за эмиссионные квоты получали не отдельные группы лиц или, что вполне возможно, коррумпированные власти, а эти денежные выплаты шли на пользу большинства населения тех стран и регионов, которые выбрасывают в атмосферу меньшее количество CO_2 .

4. Импульсы и противодействие глобальной защите климата

4.1. Энергетическая политика, как уровень выполнения задач по защите климата

Актуальная ситуация переговоров о справедливости в отношении выброса парниковых газов, оказывающих отрицательное воздействие на состояние климата, свидетельствует о необходимости уменьшения их количества в Европе на 20–30% до 2020 года (в сравнении с 1990 годом). Германия хочет стать лидером этого процесса с 40%-ным уменьшением, что соответствует верхней планке коридора, достигнутого в Бали (уменьшение выбросов индустриально развитых стран на 25–40% до 2020 г.). До конца столетия выбросы в атмосферу следовало бы уменьшить на 80–90%.

Таких показателей можно достичь только путём новой индустриальной революции.

1. Начало уже положено: Германия в течение почти 20 лет успешно решает вопросы сокращения энергопотребления одновременно с развитием экономики, что позволит и в дальнейшем при наличии имеющихся технических возможностей совершенствовать этот процесс без урона для благосостояния людей [18; 20]. Пути дальнейшего улучшения баланса CO_2 в Германии были преодоление несправедливости в экологической реформе налогообложения и финансов, а также отмена многочисленных правил и исключений, которые частично разрушают эффективность управления.

2. В индустриально развитых странах, несмотря на обязательства Киотского протокола, доминирует заметное увеличение выбросов в атмосферу CO_2 («Сравни климатические отчеты за декабрь 2010 с реальными данными, которые показывают, что ни одна страна не сократила выбросы в тех масштабах, которые нужны для достижения 2-градусного лимита. Тем не менее, они показали интересные подвижки в разных группах в деле стараний по улучшению климата. Например, значительно улучшилось положение Бразилии. Германии это не удалось. Китай достиг наивысших показателей количества выбросов CO_2 (22%), «опередив» США (19%). Доля Германии составляет 2,7%. [15]). Немедленные и существенные усилия по изменению ситуации просто необходимы. Одновременно для глобального Договора (Global Deal) по уменьшению выбросов CO_2 следует более активно подключать и развивающиеся страны, поскольку их доля в количестве выбросов растёт небывалыми темпами. Так, например, показатели выбросов CO_2 в атмосфере Китая с 2003 года свидетельствуют о наибольшем уровне их роста за всю историю экономики. Усилия по улучшению энергоэффективности, которые были в некотором смысле достаточными в 1990 годах, снижают темпы. Без секвестирования CO_2 , т.е. отделения и складирования двуокси углерода, ни Китай, ни Индия не смогут участвовать в Договоре о защите климата. Уголь – важнейшая проблема защиты климата. Мировые запасы угля составляют минимально 727 Гт. Кроме того, уголь относительно дешёв, поэтому отказ от его использования пока маловероятен. Следовательно, секвестрация, несмотря на все проблемы, становится необходимым условием [10; 24].

Проблемы климата можно разделить на разные стратегические типы и операционные уровни [29]. К макроуровню надо отнести Киотский протокол, концепцию контракции и конвергенции, единые системы сертификации и предложение Марракешского фонда, которое касается финансирования мероприятий по защите климата и оказание помощи при катастрофах. Различные виды стратегии не исключаются, а только дополняют друг друга, поскольку, так называемая, первая стратегия направлена в основном на предотвращение, а последняя – на соответствующее финансирование.

К решениям микроуровня относятся как стратегии предотвращения – это локальные и национальные системы торговли сертификатами эмиссионных квот, так и неолиберальные стратегии приспособления инициатив предприятий и пространственное планирование. Интеграция разных стратегий на микроуровне посредством дискуссии целенаправлена на изменение стиля жизни. Чтобы хоть что-то сдвинулось в общественном и экономическом плане, необходимо немало усилий. Использование энергии и воды, обеспечение продуктами питания – это основные вопросы для определения современного развития в XXI веке. Действующие до сих пор пути развития не могут быть продолжены в прежнем направлении.

4.2. Индивидуальная ответственность с глобальным горизонтом

Этика и мораль являются не только вопросами личных убеждений, но также составной разумного реализма, который честно оценивает будущее, указывает на противоречия и границы возможного для отдельных людей, групп и институций в обыденной жизни. И в политическом плане мы не должны допускать принятия решений без нашего участия: вектор глобального процесса направлен на распродажу ресурсов. Энергетический голод многих развивающихся и новых индустриальных стран сейчас только разгорается. Идеи защиты климата с трудом вписываются в доминирующий в мире образец поведения, целью которого является скорейшее достижение высокого жизненного уровня. Именно такие страны с завышенными стандартами, как Германия, характеризуются высокими и постоянно растущими претензиями на стиль жизни [15].

В лучшем случае, это можно компенсировать за счет восстанавливаемых видов энергии, что, однако, не обеспечивает длительного экологически нейтрального и справедливого устройства общества. Бесконечное стремление к преодолению границ, к примеру, ускорению мобильности, в социальном и экологическом смысле не может быть полностью нейтрализовано одними лишь возобновляемыми видами энергии. Полному отказу от ископаемых материалов при нашем способе жизни и экономики сопутствуют глубокие изменения в сфере нашей модели благосостояния.

Поэтому изменение климата является не только проблемой политических переговоров и технических инноваций, но одновременно и вопросом изменения общественных ценностей. Эти изменения требуют индивидуальной и коллективной ответственности по ряду этических проблем, касающихся целей, пределов и условий благосостояния. Сколько будет достаточно? Каковы первоочередные показатели стремления к прогрессу? Как справедливо распределить жизненные шансы людей в разных частях Земли?

Как в условиях демократии обеспечить дальние перспективные интересы? Церкви и религиозные общины могут внести существенный вклад в поиск ответов на все эти вопросы, которые имеют существенное значение для объединения проблем борьбы с бедностью и защиты климата.

В некоторых сферах потенциальные возможности защиты окружающей среды и климата порой выше на региональном или общественном уровне, чем на национальном или интернациональном [36]. Не случайно такие города, как Лондон, задолго до других институций приняли радикальные решения по отказу от ископаемых видов энергии.

Солидарность «не падает с неба», а вырастает снизу, через семью, общины, объединения, регионы и группы населения, которые начинают использовать свой потенциал на местах. Чтобы обеспечить наибольший эффект на местах, самым верным способом станет направление потоков денежных средств Севера локальным общинам Юга [31]. Без инноваций снизу глобальные обязательства в вопросах справедливости обречены на неудачу.

4.3. Сфера компетенции Церкви

Кто ждёт спасения мира от конференций по вопросам климата, будет разочарован. В конечном итоге существует непонимание между возможностями и границами политики в современном обществе. Ибо изменения климата требуют не меньшего, чем трансформации нашей концепции о понятии жизненного уровня. Этот вопрос не решается проведением конференций на уровне глобальной политики, это куда более инертный и сложный процесс формирования общественного сознания и изменения структур. Конференции по вопросам климата нуждаются в экосоциальной перестройке, которая придала бы им направленность, резонанс и признание.

Изменение климата – это высший экологический опыт современности. Если исходить из того, что первичной функцией религии является преодоление контингентности, то ее следствием – специфическая сфера компетенции теологической этики в дискуссиях по вопросам климата [33]. Преодоление контингентности необходимо, чтобы ответом на разрушение веры в прогресс не были экологические фантазии о неизбежном крахе или утопии о постоянном развитии.

Христианская этика ответственности за Творение – открытая система осознанной онтологии природы, которая не является рецептом патента «справедливого» договора о защите земного климата, она лишь процесс поиска в диалектике прогресса и риска, бедности и богатства, а также могущества и бессилия.

Проблема возвращения к традициям в вопросе отношения к Творению касается фундамента нашей культуры и нашего самосознания. При этом очевидно, что экологически благоприятное устойчивое развитие относится к специфической сфере компетенции Церкви:

1. Речь идёт о долгосрочном процессе мышления, для которого и предназначена Церковь, как институт, самим своим существованием ориентированная на Вечность Бога;

2. Церковь наиболее опытный «глобальный игрок» и, вследствие этого, она способна взять на себя ответственность в широком смысле, что в наше время становится главной предпосылкой для преодоления экологического кризиса;

3. Христианское видение человека определяет его ценность не по количеству произведённого и потреблённого товара, и, тем самым, может осуществить полномасштабное, справедливое и ответственное обхождение с ним;

4. Вера в Творение нацелена не только на моральный призыв к осмысленной коммуникации, которая воспринимает экологическую ответственность как часть самоуважения человека;

5. Специфическая особенность христианского взгляда на вопросы окружающей среды в том, что он является частью его культурных и социальных взаимосвязей. Процесс охраны природы и человека для христианской этики составляют единое целое.

Такой интегрированный, этико-социальный обоснованный подход, который включен церквями в программу соборного процесса за справедливость, мир и сохранение Творения, может стать солидной базой для будущего развития Европы и всего мира. (Для знакомства с ситуацией по этому вопросу в церквях Германии [7. Nr. 46–64] и Австрии существует ряд инициатив, например, колокольные перезвоны в стране, по случаю состоявшейся в 2009 году Конференции по изменению климата в Копенгагене [38]).

Однако, это долгий путь, в котором церкви так овладеют и трансформируют своё собственное наследие, что оно может стать общественно признанной силой. О том, что церкви в состоянии компетентно участвовать в обсуждении климатических проблем (особенно в вопросах связанных с воспитанием сознания и справедливости) свидетельствуют оба исследования. инициативные благотворительной организацией Мизереор, а именно «Перспективная Германия. К вопросу о глобальном устойчивом развитии» (1995) и «Глобально, но справедливо. Преодолеть изменение климата, осуществить развитие» (2010).

5. Резюме

Охрана климата стала центральной проблемой глобальной политики. Тупики переговоров свидетельствуют не только о «политическом», но также и «философском поражении»: не достигнут консенсуса относительно того, что следует считать справедливым. Высказанные выше размышления предлагают некоторые варианты. Проблему защиты климата прежде всего следует обсуждать с этических позиций в плане справедливости относительно выбросов в атмосферу CO₂.

Этого можно достичь только путём глобального общественного договора о праве на развитие с определением переходных решений, которые и могут стать предметом переговоров. При этом надо учитывать общую, но дифференцированную ответственность в соответствии со способностью и шансами действовать индустриально развитых стран, стран которые развиваются и переходных. Историческая вина индустриальных стран и право на решения переходного характера (определение эмиссионных квот) следует рассматривать парциально, как шаги к глобальному элитаризму, который даёт право каждому человеку на две тонны выбросов CO₂ в год.

В переговорах это следует использовать при принятии гибких решений, позволяющих, между прочим, нацелиться на глобальный рынок, касающийся торговли эмиссионными квотами. Кроме того, возрастает интерес к дифференцированным этическим нормам внутри стран. В странах южного полушария с большинством бедных слоев населения следует соблюдать солидарность с победителями глобализации. Поскольку защита климата является кооперативной проблемой, её реализация зависит от того, убеждены ли люди в том, что расходы будут справедливо распределены по всему миру. Следует снова найти баланс между свободой и справедливостью [11].

Представляется, что кроме целевых установок на общий договор о защите климата в наше время с разным уровнем динамики эту общую установку с чрезвычайно сложной сетью новых коалиций и инициатив следует распределить на отдельные сферы деятельности. Новый толчок в переговорах по вопросам климата в 2010 году внесла программа REDD-plus-Partnership, инициированная Норвегией и Францией. В её рамках 60 стран предполагают предоставить финансовые средства в размере четырёх миллиардов Евро для защиты лесов: билатеральная кооперация для передачи технологий, например, между Германией и Южной Африкой становится инструментом интернациональной защиты климата вне рамок договора о защите климата.

Охрана климата является пределом и предпосылкой развития. Договор о защите климата мира, центральным пунктом которого является преодоление бедности, будет возможен при соблюдении всеми долгосрочных моральных и политических интересов. Он будет успешен только тогда, когда откроются новые источники финансирования, например налогообложение авиабензина либо финансовых транзакций (Таково предложение «Global Marshallplan»; [28]). Шансы на успех общемирового Договора будут успешными лишь при условии, если идея защиты климата и преодоление бедности не будет и впредь рассматриваться лишь в качестве крайнего условия (как это имеет место в современных концепциях развития и благосостояния), а проникнет в центральную сферу передовых эτικο-политических понятий и институций. Время не терпит промедления. Час настал. Папский Совет права и мира востребован.

Литература

1. Andreas Kienkamp: *Klimawandel und Gerechtigkeit. Eine Ethik der Nachhaltigkeit in christlicher Perspektive*, Paderborn 2009.
2. Astrid Epiney: «Gerechtigkeit» im Umweltvölkerrecht, in: *Aus Politik und Zeitgeschichte* 24/2007. – S. 31–38.
3. Baer Paul, Athanasiou Tom, Kartha Sivan: *The Right to Development in a Climate Constrained World. The Greenhouse Development Rights Framework* (hg. von der Heinrich Böll Foundation, Christian Aid, EcoEquity and the Stockholm Environment Institute), Berlin. www.ecoequity.org/docs/TheGDRsFramework.pdf.
4. Baer Paul / Athanasiou Tom: *Frameworks & Proposals. A Brief, Adequacy and Equity – Based Evaluation of Some Prominent Climate Policy Frameworks and Proposals*, Berlin. www.boell.de/alt/downloads/global/global_issue_paper_30.pdf: «Inequality within countries is as great or greater than inequality between countries». 2007.
5. Benedikt XVI: *Wenn du den Frieden willst, bewahre die Schöpfung. Botschaft zum Welttag des Friedens*, Vatikan, 2010.
6. BMU [Bundesministerium für Umwelt, Naturschutz und Reaktorsicherheit] (Hg.), *Konferenz der Vereinten Nationen für Umwelt und Entwicklung im Juni 1992 in Rio de Janeiro*, Bonn 1992, Art. 3, 1.
7. *Die deutschen Bischöfe – Kommission für gesellschaftliche und soziale Fragen sowie Kommission Weltkirche* *Der Klimawandel: Brennpunkt globaler, intergenerationaler und ökologischer Gerechtigkeit*, 2., aktualisierte Aufl. (Erklärungen der Kommissionen 29), Bonn, 2007, N. 19, Nr. 46–64.
8. Epiney Astrid: «Gerechtigkeit» im Umweltvölkerrecht, in: *Aus Politik und Zeitgeschichte* 24/2007. – S. 31–38.

9. Edenhofer, Ottmar, Wallacher, Johannes/Reeder, Michael/Lotze-Campen, Hermann: Global, aber gerecht. Klimawandel bekämpfen, Entwicklung ermöglichen. Ein Report des Potsdam-Instituts für Klimafolgenforschung und des Instituts für Gesellschaftspolitik München im Auftrag des Hilfswerkes Misereor und der Münchener Rück Stiftung, München: Beck, 2010. – S. 9.
10. Edenhofer Ottmar, Flachsland Christian: Ein Global Deal für den Klimaschutz. Herausforderungen an die Energie- und Klimapolitik, in: AMOSinternational 2/2008. S. 24–33.
11. Edenhofer Ottmar, Lotze-Campen Hermann: Emissionen müssen etwas kosten, in: Weltsichten 5/2008. – S. 9–11.
12. Ekardt Felix: Wie die Klimawende wirklich gelingt. Neuer Lebensstil, neue Weltordnung – Freiheit und Gerechtigkeit neu gedacht, in: Freiburger Universitätsblätter 180, Freiburg, 2008. – S. 9–22.
13. Felix Ekardt: Wie die Klimawende wirklich gelingt. Neuer Lebensstil, neue Weltordnung – Freiheit und Gerechtigkeit neu gedacht, in: Freiburger Universitätsblätter 180, Freiburg 2008. – S. 9–22.
14. Frankfurt M. Texte der neuen Egalitarismuskritik. 2000.
15. Gabriel Ingeborg: Westlicher Lebensstil in der Krise. Wie wir leben und wie wir leben sollten, in: Helmut Renöckel/Stjepan Baloban (Hrsg.): Jetzt die Zukunft gestalten! Sozialethische Perspektiven, Wien/Würzburg: Echter 2010. – S. 197–226.
16. Germanwatch/Climate Action Network Europe: Klimaschutz-Index 2011. Bonn / Berlin / Brüssel, 2010.
17. Germanwatch: Was Cancun kann: Handeln – Verhandeln – Koalitionen. Hintergrundpapier zum UN-Klimagipfel in Mexiko, 2010, Bonn, 2010. – S. 6.
18. Hennicke Peter: «Abrüsten mit neuer Energie». Die deutsche Energie- und Klimaschutzpolitik am Scheideweg, in: Freiburger Universitätsblätter 180, Freiburg 2008, – S. 23–44.
19. IPCC [Intergovernmental Panel on Climate Change]: Climate Change. The Physical Science Basis: Contribution of Working Group I to the Fourth Assessment Report of the IPCC, Cambridge, 2007.
20. Korff Wilhelm: Die Energiefrage. Entdeckung ihrer ethischen Dimension, Trier 1992.
21. Krebs Angelika (Hg.): Gleichheit oder Gerechtigkeit. Texte der neuen Egalitarismuskritik, Frankfurt/M., 2000.
22. Latif Mojib: Bringen wir das Klima aus dem Takt? Hintergründe und Prognosen, Frankfurt/M., 2007.
23. Mauser Wolfram: Wie lange reicht die Ressource Wasser, Frankfurt 2007.
24. Lagerung von Kohlendioxid, in: Amosinternational 1/2010. – S. 12–20.

25. Ottmar Edenhofer – Christian Flachsland: Ein Global Deal für den Klimaschutz. Herausforderungen an die Energie- und Klimapolitik, in: AMOSinternational 2/2008, 24–33 sowie ausführlich: Potsdam Institut für Klimafolgenforschung (PIK) / Institut für Gesellschaftspolitik (IGP): Global, aber Gerecht. Klimawandel bekämpfen, Entwicklung ermöglichen, Report im Auftrag von MISEREOR und der Münchner Rück Stiftung, München: Beck, 2010.
26. Oxfam International: Climate Wrongs and Human Rights. Putting People at the Heart of Climate-Chance-Policy (Oxfam Briefing-Paper 117), Oxford 2008. – S. 5–8.
27. Pauer-Studer Herlinda: Autonom leben. Reflexionen über Freiheit und Gleichheit, Frankfurt/M., 2000.
28. Rademacher Franz Josef, Global Marshallplan. A Planetary Contract. Für eine weltweite ökosoziale Marktwirtschaft, Wien, 2004.
29. Rahmstorf Stefan – Schellnhuber Hans-Joachim: Der Klimawandel, München 2007. – S. 18.
30. Stefanie Schramm: Plan B, in: DIE ZEIT 27/2008, 31.
31. Santarius Tilman: Klimawandel und globale Gerechtigkeit, in: Aus Politik und Zeitgeschichte 24/2007. – S. 18–24.
32. UNDP [United Nations Development Programme]: Bericht über die menschliche Entwicklung 2007/2008. Den Klimawandel bekämpfen: Menschliche Solidarität in einer geteilten Welt, Berlin 2007. – S. 30–35.
33. Vogt Markus, Prinzip Nachhaltigkeit. Ein Entwurf aus theologisch-ethischer Perspektive, München 2009. – S. 482–494
34. Vogt Markus. Kann Politik globale Solidarität mit künftigen Generationen organisieren? in: Johannes Müller – Michael Reder (Hg.). Der Mensch vor der Herausforderung nachhaltiger Solidarität, Stuttgart 2003. – S. 127–183.
35. Vogt Markus: Klimagerechtigkeit. Perspektiven für einen neuen Weltvertrag, in: Peter Klasvogt/Andreas Fisch (Hrsg.): Was trägt, wenn die Welt aus den Fugen gerät. Christliche Weltverantwortung im Horizont der Globalisierung, Paderborn: Bonifazius – S. 279–293.
36. Wulsdorf Helge: Umweltethik, Gerechtigkeit und verbandliche Selbstregulierung, Paderborn, 1998.
37. Wallacher Johannes / Reder Michael: Klimaverhandlungen brauchen ein ethisches Leithild, in: Weltsichten 5/2008. – S 12–13.
38. <http://www.bischofskonferenz.at/content/site/home/article/340.html>

УДК 364.254:17

Уроки, извлеченные из Чернобыля и Фукусимы – этическая оценка

1. Различные реакции

1.1. Особенная чувствительность Германии

Аварии атомных реакторов, произошедшие 26 апреля 1986 года в Чернобыле и 11 марта 2011 года в Фукусиме были оценены максимальными семью баллами по шкале INES (Международная шкала оценки атомных событий). В Германии оба эти события привели к существенным политическим последствиям: уже через несколько недель после событий в Чернобыле в 1986 было создано Федеральное министерство охраны окружающей среды, охраны природы и безопасности реакторов (BMU). Вскоре после аварии в Фукусиме и, пожалуй, частично вследствие этого в Германии был выбран первый «зеленый» премьер-министр (Кречманн/Kretschmann в Баден-Вюртенберге).

В качестве реакции на Фукусиму, федеральное правительство Германии создало этическую комиссию с целью разработки стратегии полного энергетического переворота, включающего ускоренный отказ от использования атомной энергии, который классифицируется как один из самых важных проектов коалиции. В начале эти реакции имели характер обособленного национального движения. Сколько других государств присоединятся к этому движению покажет время. В глобальном масштабе энергетический голод современной цивилизации настолько велик, что большинство лиц, несущих общественную ответственность, в странах, производящих атомную энергию, считают, что невозможно обойтись без этого вида производства энергии.

(Для углубленного изучения европейского дискурса см. материалы Фонда Конрада Аденауэра: Атомная авария в Японии – международные впечатляющие картины событий, Санкт Августин/Берлин, 2011).

Следует выждать, как будут развиваться планы Италии и Польши относительно «повторного» входа в атомную энергетику. После событий в Фукусиме комиссар ЕС по вопросам энергетики Еттингер попал в затруднительное положение вследствие своих критических замечаний по поводу атомной энергетики и потребовал в начале мая отчета со стороны Герма-

нии об издержках, альтернативах и пожертвованиях, требующихся для разработки сети при запланированном отказе от использования атома. В Германии многие сомневаются в том, является ли особый национальный путь этически уместным и экономически целесообразным.

1.2. Символическое толкование и контексты

Атомная энергия имеет высокое, но очень разное символическое значение. Общественное восприятие событий в Чернобыле и Фукусиме в значительной мере зависит от этих символических контекстов. Например, в России с 1950 гг. атомная энергетика считается символом прогресса и статуса мировой державы. «Даже если на советских предприятиях встречалось бы еще больше халатного отношения к работе, многие вплоть до Горбачева, продолжали бы верить в освобождающую силу прогресса за счет высоких технологий» [11].

Связь атомной энергии с техническим и экономическим прогрессом каждый раз рассматривается по-разному в США, Франции и других промышленно развитых странах. Вследствие этого, отказ от использования атомной энергии кажется для политической и экономической элиты этих стран в данное время в большинстве своем бессмысленным развитием событий. Имея намерение построить 20 новых АЭС, Украина, наряду с Китаем и несколькими другими странами, находится впереди тех государств, которые не снижают ставок на атомную энергию. Стоит поразмыслить, что даже в той стране, которая пережила Чернобыль и его последствия, вера в безопасность и невозможность отказа от использования атомной энергии – по крайней мере на уровне политического планирования – осталась неизменной. С конца 1970 гг. в немецком экологическом движении атомная энергия считается символом двойственности техники. Она была и остается центральной темой гражданской и общественной мобилизации. В 1976 г., на заре становления немецких экологических движений, антиатомные демонстрации сыграли большое значение [28]. Таким образом, в этом контексте Чернобыль и Фукусима стали политически значимыми отправными точками в свете экологической тематики. Для снятия напряжения между этими кардинально различными реакциями требуются рациональные основания.

1.3. Рациональные основания

Когда речь идет о рациональных причинах сдерживания атомной энергии после Чернобыля и Фукусимы, существует два возможных суждения:

1. Расценивается ли остаточный риск как настолько маловероятный, что его можно не принимать во внимание, или же его можно свести к минимуму за счет улучшенного менеджмента;

2. Рассматривается ли нанесенный вред при сравнении с возможными альтернативами (климатические изменения, энергетическая и политическая зависимость и т. п.), как меньшее зло.

Возникающий при этом вопрос этической и научной оценки состоит в том, каким методом можно взвешивать и сравнивать друг с другом кардинально различные виды рисков и преимущества разных энергетических систем. Чернобыль и Фукусима раскрыли чрезвычайно глубокие методологические проблемы при оценке технических последствий производства атомной энергии. Требуется новый «взрослый» подход к наличию возможных рисков и всеобъемлющая концепция оценки безопасности и просчет потенциальных рисков при работе с комплексными проблемами еще до принятия решений, последствия которых могут иметь необратимый характер [17; 18].

1.4. Оценка атомной энергии с точки зрения церкви

В Германии вопрос атомной энергии в католической церкви долгое время был предметом жарких споров. Оригинальным вкладом в эту дискуссию стали взвешенно этический подход 1979 г. [14; 13], радикальная критика атомной энергии со стороны кардинала Хейффнера, тогдашнего президента Немецкой епископской конференции, в 1980 г., а в 1996 г. – письмо с введением в обиход термина переходной технологии «создания мостов» со стороны комиссариата Немецких епископов [1] на тему кардинальной разницы в подходе конфессий к этому вопросу [6]. Уже тогда имелся в виду отказ от использования атомной энергии как большой надежды для будущего и ее перевод на уровень переходной технологии на пути к возобновляемым источникам энергии. Текст, подготовленный экспертами Немецкой конференции епископов с 2006 г., впервые радикально и критически приводит следующие аргументы: «Сомнительно, что атомная энергия является надежным долгосрочным решением проблем климата, так как и запасы урана должны импортироваться, а их количество ограничено, но прежде всего атомная энергия связана с существенными рисками и нерешенными фатальными последствиями (в т. ч. при его промежуточном хранении и утилизации), которые из соображений справедливости нельзя просто переложить на плечи последующих поколений. Это попрание принципов безопасности и нарушение пропорциональности развития [19].

Эта критическая позиция баварских епископов усилилась как реакция на Фукусиму: «Катастрофа на японской атомной электростанции Фукусима убедительно показала пределы человеческой мощи. Остаточный риск атомной энергии невозможно просчитать, вопрос конечной утилизации – неопределен, и это бремя нельзя переложить на плечи последующих поко-

лений. Епископы Баварии не видят в силе атома долгосрочной перспективы энергообеспечения. Отказ от этой технологии нужно осуществить как можно скорее, фаза использования атомной энергии в качестве так называемой «переходной технологии» должна быть максимально краткой»¹³. Евангелистские церкви Германии (ЕЦГ/ЕКД) непосредственно после Чернобыля уже высказались за категорическое неприятие атомной энергии: «Использование атомной энергии невозможно соединить с задачей возделывания и сохранения Творения». Свое принципиальное осуждение атомной энергии 1998 г. ЕЦГ/ЕКД подтвердили, по сути, еще раз и в 2006 г. Уже до этого были разнобразные, дифференцированные позиции специалистов со стороны евангелистских церквей по вопросу этической ответственности за использование атомной энергии, а также по ряду таких специальных вопросов, как утилизация или отношения между охраной климата и атомной энергией¹⁴. Однако, были и есть в Германии и во всем мире церкви, которые все-таки приветствуют использование атомной энергии. На интернациональном уровне этическая позиция католической стороны сужается до крайне ответственного использования атомной энергии и назидательной позиции теологии Творения о первоочередной задаче по сохранности Творения в контексте оценки последствий развития технологического прогресса [15]. Папская академия наук выступает за мирное использование атомной энергии. Именно открытый диалог представителей различных сфер в общей борьбе за этическую оценку аргументов «за» и «против» использования атомной энергии является специфическим вкладом церквей в эти дебаты.

2. Существует ли «ренессанс атомной энергии»?

2.1. Чернобыль как переломный момент в глобальном развитии атомной энергии

В всем мире в эксплуатации находятся 443 АЭС в 30 государствах, следующие 62 – строятся (март 2011) [9; 22: «Facts and Figures» под «Public Information Service»]. Шесть самых больших производителей, использую-

¹³Для ср. также и на федеральном уровне имеются высказывания отдельных епископов, а до этого – Центрального комитета католиков (ZdK), а также в текстах экспертов (напр., в 2007 г. по вопросу изменения климата представлена подобная точка зрения). Однако, формулировка епископов Баварии самая выразительная. А Папская академия наук поддерживает уже на протяжении многих лет мирное использование атомной энергии [33].

¹⁴С профессиональной стороны особенно выделяется позиция уполномоченного ЕЦГ по экологии Ганса Дифенбаха, напр. 2008 г. «Атомная энергия и охрана климата» («Kernenergie und Klimaschutz»); в 2006 г. синод ЕЦГ подтвердил свою позицию касательно отказа от атомной энергии; с 2007 г. активно участвуют в проектах по компенсации выбросов CO₂.

щих АЭС: США, Франция, Япония, Германия, Россия и Южная Корея производят приблизительно 2/3 мирового количества атомной электроэнергии. Выражение «Ренессанс атомной энергии», курсирующее в средствах массовой информации, не соответствует фактам: с 2002 г. доля атомной энергии в обеспечении электрическим током снижается во всем мире. 2008 стал первым годом в истории коммерческого использования атомной энергии, когда ни один новый реактор не был введен в эксплуатацию [21].

Как в долевом отношении, так и в абсолютных количествах потребление атомной энергии снижается. Следующее графическое изображение показывает, что с середины 1980-х гг. восходящая линия, соответствующая запуску в эксплуатацию АЭС, уступила место ниспадающей линии, в то время, как линия, свидетельствующая об остановке, со второй половины 1980 гг. стремительно направлена вверх. Вероятна связь данной картины с аварией в Чернобыле, вследствие чего на вопрос, использованный мной в качестве названия статьи – служит ли Чернобыль поворотным пунктом в развитии атомной энергии – с глобальной точки зрения напрашивается положительный ответ.

Это, однако, почти не касается стран бывшего Советского Союза, поскольку авария реактора не повлекла за собой появления сил, способных мобилизоваться и выступить за альтернативные концепции энергии и экономики [11]. Показатели развития атомной энергии должны рассматриваться в контексте измерений глобальных электрических и энергетических рынков. Производство атомного электричества в 2007 г. составляло приблизительно 14 % от глобального производства электроэнергии.

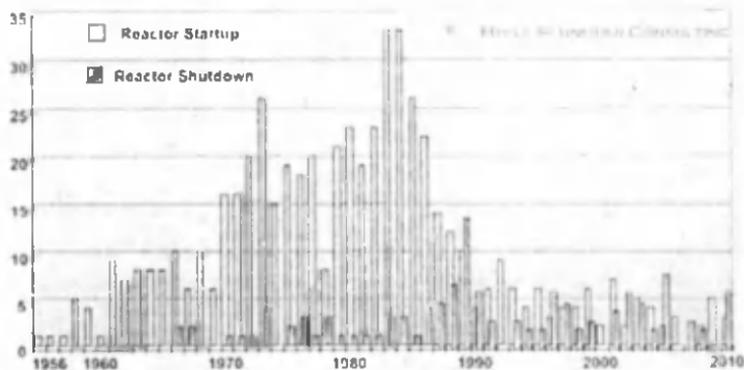

Рис. 1. Запуск и остановка атомных реакторов во всем мире в период с 1956г. по 15.05.2011

Источник: IAEA-PRIS (Power Reactor Information System), обработано М. Шнейдер (Mycele Schneider)

В сравнении с коммерческим применением первичной энергии во всем мире это составляет 5,5% (2008). В итоге чистая энергия (часть первичной энергии, которая доходит до потребителя после вычета потерь при преобразовании и доставке) составляет лишь 2%. Относительно мощностей строящихся АЭС соотношение остается таким же: в 2007 львиная доля производства электроэнергии приходилась на ГЭС и ТЭС, работающих на угле и природном газе, доля атомной энергии составляла приблизительно 4,4 % [21].

По результатам обширного исследования, проведенного Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), в последующие годы число АЭС вероятно будет сокращаться, поскольку отсутствуют заключения экспертов, капитал и не обеспечена безопасность планирования, несмотря на то, что в некоторых странах планируется введение в эксплуатацию новых электростанций [4]. Резюме однозначно: о ренессансе атомной энергии не может быть и речи. Можно лишь говорить о ренессансе экологических дискуссий, поскольку атомная энергия с ее сложной многогранностью, оказывается, послужила импульсом для их проведения. Так как в энергетическом секторе существует долгосрочное планирование и реакции наступают с некоторой задержкой пока невозможно оценить, станет ли Фукусима причиной серьезных последствий для развития атомной энергетики.

2.2. Неоправданные надежды на ускорители

С другой стороны, ведутся дискуссии о сроках истощения запасов урана: исследования 2009 г. Прогнозируют их статистический запас на 50 лет [4]. Однако, критики подобных сценариев указывают на неизменные показатели этих запасов на протяжении многих лет, поэтому такие оценки не вызывают доверия. Прежде всего, почти игнорируется тот факт, что возрастающий спрос и цены на этот вид топлива станут причиной проведения разведывательных работ. Расходы на уран в ближайшие годы, вероятно, возрастут, поскольку осуществляемая до сих пор поставка урана за счет конверсии атомного оружия заканчивается в 2013 г., а наличие данных свидетельствует о тенденции к уменьшению его концентрации на урановых рудниках.

Оптимистичными являются прогнозы относительно запасов урана, если исходить из возможности использования плутония, т. е. делать ставку на ускорители, которые перерабатывают атомные отходы. Таким образом, запасы урана можно лучше использовать, и наличие этих запасов – растянуть во времени. Кроме того, ускорители имеют еще одно существенное преимущество – с помощью энергоемких нейтронов они обезвреживают атомные отходы, и в итоге остаточное излучение длится «всего» около 300–400 лет.

За счет ускорителей можно было бы использовать в качестве нового горючего материала также и торий, который, например, в избытке встречается в Индии. Но технология использования нейтронных ускорителей еще не настолько совершенна, чтобы ее можно было планировать в качестве средства для достижения целей по охране климата.

Вся прежняя история нейтронных ускорителей – полное фиаско: степень производственного использования британского реактора на момент его закрытия в 1992 г. составляла 15 %. Французский «Суперфеникс» производил электроэнергию всего 11 лет, пока его не закрыли окончательно в 1997 г. Итак, большое будущее атомной энергии уже в прошлом. На сегодня она не рассматривается в качестве надежды на решение насущных энергетических проблем, а является унаследованным бременем вчерашних утопий. Однако в сферу моей компетенции входит не прогноз развития будущих энергетических сценариев, а их этическая оценка. После Чернобыля и Фукусимы оценка шансов и рисков различных систем энергообеспечения должны быть радикально пересмотрены. К этому я хотел бы добавить некоторые размышления с точки зрения христианской социальной этики.

3. Этика риска как предмет дискуссий после событий в Чернобыле и Фукусиме

3.1. Атомная энергия не является важным вкладом в дело охраны климата

Существенным этическим аргументом в пользу атомной энергии является ее вклад в дело охраны климата. В настоящее время, как уже упоминалось, 14 % электроэнергии производится на АЭС. Относительно первичной энергии это составляет 5,5 %, а в итоге – лишь 2 % чистой энергии. Для того, чтобы заменить хотя бы десятую часть ископаемых источников энергии, требовались бы, как минимум, 1.000 дополнительных АЭС [22]. Итак, уже по количественным причинам атомная энергия не может быть решающим фактором в деле глобального сокращения CO₂. Активная позиция этого вида энергии в дебатах по охране климата основывается преимущественно на том, что она отвлекает от серьезных проблем по трансформации нашей модели благополучия [27].

Несмотря на это, вклад атомной энергии в охрану климата следует оценить и с этической стороны. Риски, связанные с изменением климата, не менее драматичны, чем те, что связаны с атомной энергией. Особое значение проблематики изменения климата следует из того, что оно неизбежно проявляется глобально и уже сегодня, прежде всего в странах южного полушария, являясь для многих миллионов людей первичной причиной их бедности [26].

В связи с неотложной необходимостью решения климатических проблем отказ от атомной энергии не должен вести к стойкому увлечению использованием угля и газа.

3.2. Использование атомной энергии несправедливо по отношению к будущим поколениям

Проблема промежуточного складирования и могильников радиоактивных отходов остается нерешенной. Чтобы обеспечить надежность хранения использованных в атомной энергетике стержней, обязательным условием является наличие стабильного общества на протяжении 10 000 лет. Такую стабильность гарантировать не может никто. Тем более, что весь ход истории свидетельствует об обратном. «Наива подверженная опасности научно-техническая цивилизация является исключительно неустойчивым явлением на Планете. Было бы неблагоприятно запускать дополнительные источники опасности для наших потомков, которые они, возможно, не смогут обезвредить» [24].

Ставшие известными в 2008 г. проблемы проникновения воды и наличие опасности обвала в нижнесаксонском промежуточном могильнике Ассе II (Asse II) в Германии, в вопросе безопасности глубоко поколебали доверие общественности к заверениям ученых, политиков и лиц, обслуживающих АЭС. И на международном уровне проблема могильников для хранения радиоактивных отходов более чем актуальна. Сообщения об утилизации китайских атомных отходов в Тибете вызвали международное возмущение, шведы также требуют объяснений по поводу утилизации советского радиоактивного материала, затопленного в Балтийском море, что представляет серьезную опасность для естественного равновесия внутреннего моря [2; 3]. Пока не будет решена проблема могильников для радиоактивных отходов, использование атомной энергии нарушает принцип предосторожности, что из этических соображений ставит под сомнение юридически обоснованные санкции на эксплуатацию ядерных установок, а также принципы международной ответственности, как записано в Конституции Германии и многих других стран (GG Art. 20a, с 1994 г.).

3.3. Недооценка рисков, связанных с человеческим фактором

«Базирующаяся на предварительных знаниях о возможных последствиях использования атомной энергии информация приводит к структурно новой проблеме ответственности [12]. В технологически развитых цивилизациях ответственность должна быть соразмерна глобальным масштабам развития.

Достижение этой цели в контексте атомной энергии сопряжено с низким уровнем знаний, отсутствием осведомленности о прогнозируемых рисках и о невиданных масштабах возможного ущерба. Актуальные модели и прогнозы более неприменимы вследствие тесных взаимосвязей технологии и ее социального применения. Под влиянием таких условий современная этика ответственности трансформируется в этику риска, которая базируется уже не на прямолинейных моделях целесообразности, а на комплексном подходе, основополагающим фактором которого является рациональное и системное мышление [17].

Систематическая недооценка риска, связанная с человеческим фактором явилась роковой ошибкой в ситуации с Чернобылем: «Причиной аварии был не отказ технических компонентов, а ошибочная оценка при обслуживании реактора, т.е. человеческая оплошность». В своей публикации, посвященной 25-летию Чернобыльской катастрофы, Френшель акцентирует внимание на том, что к катастрофе привел именно человеческий, а никак не технический фактор, что, в свою очередь, является последствием проблемы недостаточной прозрачности и неспособности системы своевременно реагировать на ситуацию: «Чернобыль выявил недостатки системы, которая и без того буксировала, показал, к чему может привести почти авантюристическая халатность в отношении стандартов безопасности [5; 7; 11].

В Фукусиме человеческий фактор привел к усугублению проблемы технического несовершенства аварийной системы охлаждения и самонадеянности персонала в условиях работы в аварийном режиме.

3.4. Опасность использования атомной энергии в военных целях

Террористы или милитаристские партии в качестве объекта нападения могут выбрать АЭС, которые в большинстве случаев находятся в зонах большого скопления людей, что может существенно увеличить поражающее действие оружия. Источник энергии уран может стать убийственным оружием в неподобающих руках. В 1995 г. Федеральное правительство в ответе на официальный запрос Бундестага заявило о пропаже 2 200 т урана. Особенность плутония состоит в том, что полный цикл сгорания при его использовании плохо поддается контролю. Кроме того, не исключено, что государства, до сих пор использующие атомную энергию в мирных целях могут использовать ее для демонстрации военной силы.

Яркий пример тому – актуальные дискуссии о ядерных амбициях Ирана. Чем менее устойчиво положение безопасности, тем сильнее интерес многих правительств к увеличению своего военно-политического потенциала за счет ядерного оружия [8]. В начале XXI века все эти факторы нужно рассматривать в контексте «деактивации войны».

Террористическое нападение 11 сентября 2001 г., которое существенно повлияло на мировую политическую ситуацию, не является изолированной военной проблемой, оно служит предупреждением о глобальном изменении положения безопасности.

Проблему уязвимости западных стран из-за несовершенства их системы энергообеспечения, а также контроля циклов горения также нужно рассматривать в контексте вопроса политической безопасности. Что касается вопроса, является ли использование атомной энергии этически правильным в контексте выше изложенных аргументов следует категорический ответ – нет¹³. Однако, в настоящее время Германия и многие другие государства не могут однозначно признать атомную энергию деспособной с этической точки зрения. Вопрос скорее в том, когда и как они могут отказаться от ее использования, минимизируя негативные последствия.

Определяющим фактором при этическом методе оценки роли атомной энергии является его экономическая составляющая, хотя необходимо учитывать и полярно противоположные мнения как о пользе, так и о вреде ее использования для общества.

4. Экономические взаимосвязи

Общественные блага определяются доступностью энергии для всех слоев населения и надежностью энергообеспечения. Потенциал атомной энергии неограничен, причем низкая себестоимость достигается за счет использования уже существующих мощностей, без учета рисков, а дорогостоящие научные разработки по сооружению новых станций недостаточно финансируются.

Соразмеряя глобально возрастающее потребление электроэнергии и зависимость общества, становится очевидным, что кризис энергоснабжения неизбежен. На этом фоне атомная энергия многим представляется меньшим злом. Для соответствующей оценки необходимо принять во внимание экономические аспекты.

¹³О принципиальном различии в подходах к этому вопросу: категорическом, т.е. таким, который не подвержен отрицанию, и компенсаторном, т.е. методологической оценки благ ср. WBGU (Научный Совет при Федеральном правительстве по вопросам глобального изменения окружающей среды, 1999): *Welt im Wandel. Umwelt und Ethik. Sondergutachten, Marburg*. WBGU – требует “Вторжения, которое ставит под угрозу существование человечество, категорически недопустимо” (Научный Совет..., S. 38); “Вторжение, которое в глобальном масштабе основательно влияет на существенные круговороты веществ и энергий, совет также относит к таким методам действия, которые следует категорически отрицать” (Научный Совет..., S. 40). Решение других вопросов следует принимать по компенсаторному методу подхода.

4.1. Скрытые издержки использования атомной энергии

Вопрос, сколько в действительности стоит электричество, получаемое из атомной энергии прежде всего, состоит в том, насколько при этом учитываются предыдущие инвестиции в исследования, многоуровневые издержки на безопасность, а также последующие издержки на утилизацию. Расчеты колеблются от нескольких центов до более двух евро за киловатт-час [4]. Эти издержки ложились на плечи государства, поскольку энергообеспечение рассматривалось, как общественная задача. В этом широком поле дискуссий далее я хотел бы остановиться, например, только на сумме покрытия страховки ответственности АЭС: обязательная страховка в Германии ограничивается 2,5 млрд. евро. Насколько этого недостаточно, ярко продемонстрировала авария в Фукусиме. По результатам «prognos» – исследований для немецкого министерства экономики, произведенных в 1992 г., на каждый киловатт-час нужно было бы насчитывать 3,60 ММ (сегодня это соответствует 2,15 евро) дополнительных расходов для покрытия страховки [32]. При этих расчетах во внимание еще не принимался риск, связанный с человеческим фактором или с террористическим нападением. Повышение суммы страхового покрытия диктуется как экономическими, так и с этическими соображениями, с тем, чтобы честно представить картину конкурентной борьбы между различными видами энергии. Кроме того, следовало бы добиться урегулирования вопроса обязательной страховки в международном масштабе, так как взрыв реактора затрагивает интересы соседних или даже отдаленных стран. Так на Белорусию пришлось около 70 % ущерба от последствий аварии реактора в Чернобыле [7]. Примечательно, что большинство АЭС в Европе построены вблизи границ, чтобы частично переложить бремя риска на соседние страны. Предложение о введении обширного обязательного страхования АЭС является рыночно-экономическим решением, которое, оставляя производителям и потребителям свободу выбора, интернационализирует расходы, а значит, дает правдивую информацию. Такой подход показывает, что использование атомной энергии также противоречит и экономической целесообразности. Различные подходы к расчетам издержек, связанных с отказом от использования атомной энергии, а также расходов на различные системы энергообеспечения в большинстве случаев не имеют твердой методологической базы и нуждаются в выработке скорейших научных гипотез [16].

4.2. Экономические шансы альтернативных энергетических сценариев

Проблема расчета рентабельности альтернативных энергетических подходов в одинаковой мере является проблемой как методологической, так и проблемой аргументации: их рентабельность и возможность осуществления можно оценить, если к этому вопросу подойти с другой точки

зрения, размышляя без учета предложения, а принимая во внимание мнение потребителя и, вместо факторов оборота и прибыли, выдвинуть в качестве масштаба оценки функцию благополучия, т. е. технические и социально-культурные факторы рассматривать в их взаимосвязи. Распространенной ошибкой является изолированная субституциональная оценка шагов. Потенциальные возможности повышения эффективности возобновляемых энергий часто проявляются только в контексте синергетических эффектов децентрализованных установок, как, например, соединение силы и тепла (ССТ), уменьшение инфраструктурной потребности, более низкие «экологические расходы на ремонт», а также положительное социально-экономическое воздействие (например, импульс для создания новых, высокооплачиваемых рабочих мест и экспортных шансов).

При систематическом подходе возобновляемые виды энергии имеют большие преимущества [20]. Самый дешевый источник энергии с наиболее низким фактором риска и быстрой возможностью реализации достигается за счет экономики энергии. Вследствие низких цен на энергоносители как раз в Украине значительная часть энергии используется крайне расточительно. Этот вопрос требует повышения сознательности и технической инновации (например, для изоляции зданий). Поскольку на такие структурные изменения требуется время, с этической и с экономической сторон целесообразной является необходимость уже сейчас приступить к изменениям, которые диктуются политическими соображениями. В то время как стоимость возобновляемых видов энергии со временем подешевеет, предполагается, что цены на атомную энергию слегка поднимутся, а на электроэнергию, получаемую за счет ископаемых источников, – поднимется существенно. Вероятнее всего, что к середине столетия атомная электроэнергия будет самой дешевой, если она будет производиться уже существующими АЭС. Однако, это соотношение изменится, если в ее стоимость включить вышеуказанные расходы, а также возрастающие цены на уран и расходы на новые атомные ускорители. За последние десятилетия в Германии много сделано в плане инвестиций в исследования и введения в рынок возобновляемых источников энергии и энергосберегающих технологий (например, распространенное в мире ЕЕГ, Закон о возобновляемых источниках энергии), но мы еще далеки от поддержки того уровня, который известен из истории развития атомной энергетики. Этот дисбаланс характерен для большинства стран.

4.3. Переосмысление понятия благосостояния

Отказ от использования атомной энергии вполне вероятен. Вследствие первоочередной необходимости решения проблем изменения климата не увеличение использования угля не представляется возможным. Отсутствие атомной энергии не должно отрицательно сказаться на устойчивом, стабиль-

ном энергообеспечении. Для этого необходима «зеленая» промышленная революция за счет изменения направления экономических моделей, технологических инноваций и изменения индивидуального стиля жизни. Благоприятный для климата отказ от атомной энергии возможен только при переосмыслении понятия благосостояния и своевременным согласованием общественно-экономического развития.

Энергия и деньги – два ключевых фактора на пути развития, который уже сегодня повышает скорее движение, чем уровень жизни. Трансформация нашей модели благосостояния является предпосылкой устойчивого решения энергетического вопроса. Дешевая энергия, подобно дешевым деньгам [24], является средством, которое способствует быстрому росту. Финансовый кризис убедительно показал, что это не является гарантией длительного стабильного развития. За дешевой энергией скрыты многие примеры амбивалентности (например, замена человеческой работы машинной или же загрязнение окружающей среды, обусловленное этим в значительной мере). Максима «быстрее, выше, дальше» не имеет ни глобальной перспективы, ни будущего. Ограничение дастся нам с трудом, но одновременно оно открывает новые шансы для улучшения качества жизни и развития [10].

В связи с экономическим дефицитом в Украине, многим это может показаться дискуссией о «роскоши», которую могут себе позволить богатые страны. Для большинства населения первоочередным заданием кажется «развитие вдогонку» с целью присоединения к уровню благосостояния Запада. Однако, вследствие климатических изменений, уничтожения природы, уменьшения запасов природных ресурсов и их удорожания, а также социального расслоения общества, вследствие неурегулируемого проявления капитализма для всех уже через несколько десятилетий это окажется тупиком. Чтобы противостоять такому развитию событий и дать импульсы для переориентации, нужно в Украине принять программы в поддержку возобновляемых видов энергии и энергосбережения. В этом вопросе Украина не обладает достаточным опытом. Возможным примером могли бы стать актуальные инициативы в Белоруссии: см. Национальная программа развития местных и возобновляемых источников энергии в Белоруссии (2011–2015), решение Совета министров Белоруссии № 586. Связанная с этим переориентация нуждается в поддержке и содействии широких слоев населения, она также включает и образовательные инициативы.

Договор о кооперации, а также программа сотрудничества между белорусским Министерством природных ресурсов и охраны окружающей среды с белорусской Православной Церковью в области экологического образования и охраны окружающей среды могли бы по разным вопросам и в соответственно приемлемой форме послужить импульсом для подобных инициатив и заключения договоров о кооперации в Украине так же, как

Программа сотрудничества между Министерством природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь, Комитет проблем и последствий катастрофы Чернобыльской АЭС при Совете министров Республики Беларусь и Белорусской православной церковью по вопросам охраны окружающей среды, 2004.

4.4. Энергия – это вопрос этики порядка

Энергия (в английском языке переводится и как «power») – это сила, мощь. Обращение с ней отображает развитие экономики и общества. Поэтому энергообеспечение является не только технико-экономическим, политическим, а также этическим вопросом. Особенно это касается атомной энергии. Поскольку она связана с долгосрочными инвестициями, зависима от путей развития, а вопросы безопасности трудно поддаются калькуляции, их невозможно регулировать только рыночными процессами, а для решения требуется широкая общественная дискуссия, независимо от приведенных выше этических рефлексий. Спецификой полемики об атомной энергии является не только конфликт интересов, но и конфликт убеждений, приводящих известную общественную модель решения конфликтов толерантностью и балансом интересов к пределам ее возможностей. (Информация по вопросу о дифференциации конфликтов убеждений и интересов) [13]. Децентрализованное энергоснабжение, которое можно повысить за счет усиленного использования возобновляемых источников, пребывает в многоуровневых взаимосвязях с развитием децентрализованных демократических структур общества и одновременно демонстрирует существенные преимущества при недопущении рисков, а также общественном разделении в глобальном мире [18].

5. Переориентация развития после Чернобыля и Фукусимы

5.1. Чернобыль как катализатор распада Советского Союза

Пожалуй, самым существенным следствием аварии на реакторе в Чернобыле стала не непосредственная фундаментальная критика и отключение атомной энергии, а намного больше – глубокая неуравновешенность и без того уже неустойчивой мощи Советского Союза. Горбачев это высказал очень четко: «Авария реактора в Чернобыле... больше, чем начатая мной перестройка выступила действительной причиной распада Советского Союза за пятью годами позже. Чернобыль выступает историческим поворотным пунктом: было время до катастрофы и есть совершенно другое время, наступившее после... Больше, чем все другое, катастрофа в Чернобыле поспособствовала проявлению свободного выражения мнения. Система, какой мы ее знали, далее не могла больше существовать. Стало абсолютно ясно, как

важно было продолжать политику гласности». Цитата, для сравнения к тезису, что Чернобыльская катастрофа выступила катализатором распада Советского Союза, что никоим образом не оспаривается [11 с. 498-519]. Радкау в этом контексте говорит даже об «экоциде» [11], поскольку аварии на реакторах устойчиво поколебали не только национальную, но и мировую веру в технический прогресс, а также в советский технологический и кризисный менеджмент, которые нередко использовались для легитимации государственной плановой экономики. Именно вследствие того, что в середине 1980 гг. вера в марксистскую идеологию существенно поколебалась, потрясение технического самосознания, вызванное событиями в Чернобыле, спровоцировало в советском государстве чрезвычайно дестабилизирующее действие. «Даже если в советских предприятиях встречалось бы еще больше халатного отношения, многие, вплоть до Горбачева, продолжали верить в освобождающий прогресс за счет высоких технологий. Прежде всего, это была вера, которую Чернобыль поразил в самое сердце» [11].

5.2. Потребность в исследованиях

На сегодня имеются чрезвычайно разные цифры по количеству смертных случаев, вызванных Чернобылем, которые колеблются от нескольких тысяч до 500 000. В 1999 г. отчет Международной атомной агентуры, опубликованный в т.ч. совместно с WHO, FAO, отрицал любое подтверждение смертных случаев Чернобылем. Эти информации были еще раз подтверждены в 2000 г. IAEA: [7. S. 9-14, тут в особенности S. 10]. В отличие от этого, в 2000 г. само русское министерство ЧС указывало на 300.000 смертных случаев, вызванных Super-GAU [11]. Было и есть замалчивание данных по медицинским последствиям; и наоборот нужно считаться также и с прусувеличением в интересах субсидий и общественном имидже. Названный учет данных уже невозможно однозначно воспринимать из чисто методических причин, поскольку воздействие на здоровье радиоактивного излучения – долгосрочное, неоднозначное и зависит от различной субъективной чувствительности. По этому поводу требуется значительное исследование. Также и после 25 лет нам известно еще чрезвычайно мало о приблизительно 5,7 миллионах людей, которых непосредственно коснулась Чернобыльская катастрофа.

Стоит заметить, что воспоминания и восприятие последствий в Украине, а также в интернациональном масштабе, очень отличается, частично это обусловлено временем и полностью однозначно в значительной степени зависит от определенных общих условий. Еще не сделан в достаточном объеме анализ причин и последствий чернобыльской катастрофы. Это важная научная и гражданско-общественная задача, чтобы извлечь нужные выводы для ответственного обхождения с энергией. Речь при этом идет не только об абстрактном анализе, а также о конкретной солидарности с людьми, которых коснулась эта

беда, например, как это делалось и делается во многих европейских странах в форме приятия многих тысяч облученных детей на оздоровление во время каникул [30], а также выставка «Реновабиес» в рамках акций, приуроченных к Троице [31]. Его (анализ) могут в центральной зоне осуществить только сами жители Украины. Память о страданиях – это начало поворота. Особым образом это выступает заданием христианского социума, дать голос тем, чей опыт вытесняется и не слышится, поскольку они не подходят к общественным и политически желаемым образцам самообъяснения.

5.3. Не поддающаяся учету культурная память

В обычном случае политическая продолжительность «полураспада» катастроф, т. е. распада общественной памяти, – короткая. Многие люди имеют по поводу аварий на реакторах раздвоенное сознание: события в Чернобыле и Фукусиме вызвали глубокую неуверенность, которая, тем не менее «осела» и ее перекрыли и вытеснили в подсознание привычные образцы мышления и поведения. Настроение изменилось, а поведение практически нет, в любом случае не непосредственно. В определенном смысле, это типичное постмодерное явление. Мы не можем и не хотим расстаться с определенными символами модерна, хотя сомнения уже давно ширятся. По поводу Фукусимы еще нет каких-либо серьезных оценок дальнейшего хода и последствий этих событий. Наслоеное землетрясение, цунами и аварии реактора усложняют причинно-следственное причисление. Уже сейчас ясно, что восприятие событий в культурном плане сильно отличается. Уже поверхностное сравнение обеих аварий на реакторах показывает, насколько существенно отличаются причины, менеджмент и объяснения рисков. Пока что не предвидится, что Фукусима станет поворотным пунктом в оценке атомной энергии. В соответствии с актуальными новостями (май 2011), Италия и Япония вследствие аварий заморозили свои планы по постройке новых АЭС. Из Китая, США, Индии, Бразилии в Россию поступают различные сигналы, которые вместе взятые скорее указывают на нежелание отказаться от предыдущей атомной политики и только допускают перепроверку стандартов безопасности или задержку при постройке новых АЭС [23]. Однако таких непосредственных и быстрых выводов не следовало бы ожидать также и после опыта в Чернобыле. В значительной мере соответствующий политический и общественный контекст проявляется в различных способах реакции.

5.4. Выводы из Чернобыля и Фукусимы для будущего атомной энергии

Большие надежды на атомную энергию стали значительно «трезвее». Однако в экономическом развитии человечества ей придется статус перходной технологии – «мостика». Но она больше не является переходным

феноменом. Рассматривая с культурно-исторической точки зрения, эксцессивное использование ископаемых источников энергии, а также использование атомной энергии являются очень поздними явлениями. В перспективе для нашей цивилизации нет другой альтернативы, как полный переход на возобновляемые виды энергий. После Чернобыля и Фукусимы мы в плане технологической этики должны, прежде всего, понять пять вещей:

1. Технику, которая предусматривает наличие идеального человека, без ошибок, нельзя привлечь к ответственности. Нам нужна техника с безобидными недостатками, которая была бы более или менее стойкой также и в различном политическом и культурном контексте.

2. И гипотетические факторы риска тоже нужно воспринимать серьезно и принимать их во внимание в политическом смысле как заповедь о предусмотрительности. Принцип предусмотрительности, например, до сих пор полностью отсутствует в американском экологическом праве [11]. Для этого требуется омер, чтобы все взвесить и избежать чистых спекуляций, что Макс Вебер определяет как базовая политическая добродетель. Заповедь о предусмотрительности является актуальной, прежде всего в плане осуществления достоверных и единых тестов на стрессовые ситуации для всех АЭС [29]; это в особенности касается ЕС, которые нужно было бы также согласовать с Украиной, Белоруссией и Россией, а в будущем и со всем миром.

3. По причине рыночной и экономической справедливости, а также исходя из принципа виновности, сумму покрытия обязательной страховки для АЭС нужно существенно увеличить.

4. Риск всегда выступает также и зависимой изменчивой величиной общественного восприятия и приоритетов. Поскольку риск облучения уже из чисто методических причин не поддается однозначной научной оценке, преимущественное значение имеют дискурсивные стратегии [18]. Ввиду остающихся различий, политика, по возможности, должна сделать менеджмент конфликтов прозрачным и честным и позаботиться о справедливом распределении преимуществ и недостатков. К этому также относятся и солидарная память о жертвах Чернобыля и Фукусимы.

5. Отказ от использования атомной энергии невозможен как изолированный проект, он требует одновременно пересмотра всей общей энергетической и экономической политики. Он должен мутировать за счет поддержки программ с использованием возобновляемых видов энергии и экономии энергии. Воплощение энергетического перехода – это проба на соответствие, действительно ли общество серьезно относится к устойчивой ответственности за Созданное и будущее.

Литература

1. Arbeitskreis Umwelt im Kommissariat der Deutschen Bischöfe, Zur Bewertung der Kernenergienutzung, Bonn, 1996.
2. BBC News: Sweden wants explanation for Baltic nuclear «dumping», in: BBC News, or 05.02.2010. (<http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/8499762.stm>).
3. Christina M. Heischmidt: China's Dumping Ground: Genocide Through Nuclear Ecocide in Tibet. Penn St. Envtl. L. Rev- 213, Winter, 2010.
4. Deutsch M. u.a. Renaissance der Kernenergie? Analyse der Bedingungen für weltweiten Ausbau der Kernenergie gemäß den Plänen der Nuklearindustrie und den verschiedenen Szenarien der Nuklearagentur der OECD (Studie von prognos i.A. des Bundesamtes für Strahlenschutz), Berlin / Basel. 2009. – S. 42–59.
5. Doerner Dietrich. Die Logik des Mißlingens. Strategisches Denken in Komplexen Situationen. Reinbek: Rowohlt. 1992.
6. Feldhaus S.. Der Fall Kernenergie – ein Glaubensstreit? Kirche und Energieversorgung, in W. Korff: Die Energiefrage, Trier. 1992. – S. 287–347.
7. Frenzel C. / E. Lengfelder. 25 Jahre nach Tschernobyl-Katastrophe – ernste Gesundheitsschaeden auch im Westen, in: umwelt-medizin-gesellschaft 1/2011. – S. 9–14.
8. Heinrich Böll Stiftung: Perspectives – 'Ambition and Peril. Nuclear Energy and the Arab World- No. 1. April. 2011. (www.boell-mea.org/web/14-574.htmk).
9. Internationale Zeitschrift für Kernenergie. 54, Jg. 2009. Heft 4. – S. 248–252
10. Jackson T. Wohlstand ohne Wachstum. München, 2011.
11. Joachim Radkau: Die Ära der Ökologie. Eine Weltgeschichte, München, 2011. – S. 512.
12. Jonas. Hans Das Prinzip Verantwortung. Versuch einer Ethik für technologische Zivilisation, Frankfurt a.M. 1984. – S. 20.
13. Korff, W.: Die Energiefrage. Entdeckung ihrer ethischen Dimension, Trier 1992. – S. 232–235.
14. Korff, W. Kernenergie und Moraltheologie. Der Beitrag der theologischen Ethik zur Frage allgemeiner Kriterien ethischer Entscheidungsprozesse, Frankfurt. 1979.
15. Korff, W.: Schöpfungsgerechter Fortschritt. Grundlagen und Perspektiven der Umweltethik, in: HK 51. 1997. – S. 78–84.
16. Luhmann. H.-J.: Politik als Rechenaufgabe. Jeder kalkuliert die Kosten des Atomausstiegs nach Interesse, niemand kalkuliert die Gewinne, in: SZ 30.4./1.5. 2011. – P. 2.

17. Ostheimer, Jochen/Vogt, Markus: Risikomündigkeit – Rationale Strategien im Umgang mit Komplexität, in: Zichy, Michel/Grimm, Herwig (Hg.): Praxis in der Ethik. Zur Methodenflexion der anwendungsorientierten Moralphilosophie, Berlin. 2008. – S. 185–219.
18. Renn, O.: Risk Governance. Coping with Uncertainty in a Complex World, London, 2008.
19. Sekretariat der Deutschen Bischofskonferenz (Hg.): Der Klimawandel. Brennpunkt globaler, internationaler und ökologischer Gerechtigkeit, Bonn 2006. Nr. 54.
20. Scheer H. Energieautonomie. Eine neue Politik für erneuerbare Energien, München, 2005.
21. Schneider, M. Renaissance oder Technologie-Geriatric? Stand und Perspektiven der Atomindustrie weltweit, in: Amosinternational 1/2010. S. 3–11.
22. Schneider M. Stand und Perspektive der Atomindustrie in der Welt: Renaissance oder Technologie-Geriatric?, in: Amosinternational 2010. S. 5.
23. Schneider M./A. Froggatt / S. Thomas: Nuclear Power in a Post-Fukushima World. 25 Years After Chernobyl accident (The World Nuclear Status Report 2010–2011), ed. By Worldwatch Institut, Washington 2011. – S. 11–19.
24. Spaemann R. Nach uns die Kernschmelze, in: Frankfurter Allgemeine Zeitung vom 06.10.2008. S. 33.
25. Vogt, M.: Das gerechte Geld, in: CiG 7/2011. – S. 77–78.
26. Vogt M. Climate Justice (Schriften des Rachel Carson Center 3), München, 2010.
27. Vogt M. Wohlstand neu denken. Ethische Bewertung der Kernenergie und der Ausstiegsoption, in: Herderkorrespondenz 1/2010. – S. 48–53.
28. Vogt M./J. Ostheimer: Politische Ökologie: Die Suche nach der guten Gesellschaft, in: Politische Ökologie 100: Re-Visionen. Nachdenken über ökologische Vordenker (Einführung zur Jubiläumsausgabe), 7/2006. – P. 13–17.
29. Weber, M.: Politik als Beruf, Stuttgart 1993 (Erstveröffentlichung 1919).
30. <http://www.tschernobyl-kinderhilfe-online.de/presse.html>
31. <http://www.renovabis.de/aktuell/pfingstaktion/pfingstaktion-2011>
32. www.zukunftslobby.de/Tacheles/prognstu.html.
33. <http://www.erzbistum-muencen.de/page007538.aspx?newsid=21484>

УДК 620.91\98

Энергия будущего. Перспективы перехода к экономике возобновляемых источников энергии**1. Энергия, как вопрос экономической этики**

Отношение к энергии оказывает влияние на развитие экономики и общества. Поэтому оно является не только технико-экономическим, но также политическим и экономико-этическим вопросом. Справедливость и благосостояние в будущем могут быть обеспечены только в том случае, если резко изменится углеродный обмен веществ в индустриальном обществе. Тем самым, изменится понятие критерия прогресса: в будущем в значительной степени он будет определяться улучшением баланса CO_2 , а также новым отношением к энергии. Планка высока: если исходить из того, что к 2050 году дефицит энергии во всём мире удвоится, а выбросы CO_2 в результате мероприятий по защите климата, должны быть уменьшены минимум на 80%, то возникает необходимость десятикратной декарбонизации.

Мероприятия по защите климата вместе с рациональным экономическим мышлением, в таком случае, могут создать перспективный альянс. Сумерки эпохи ископаемых источников энергии уже начались. «Время дешёвой и избыточной энергии заканчивается. Это начало перехода от эпохи ископаемых источников энергии к «постископаемой» эре, перехода, который будет таким же фундаментальным и радикальным, как и произошедшая более двухсот лет назад индустриальная революция, основой которой была энергия ископаемых источников» [9].

Переход к использованию солнечной энергетической и ресурсной базы будет иметь фундаментальное значение для обеспечения будущего мирового сообщества, многовекторное воздействие которого сравнимо лишь с промышленной революцией [5]. Только основанная на солнечной энергии экономическая глобализация может быть экологически дееспособна. Однако, при этом возникает проблема переходного периода: внедрение возобновляемых источников энергии не соответствует возрастающему мировому спросу на энергетику. Разница между использованием возобновляемых и ископаемых источников энергии увеличивается в пользу последних.

Для человечества, и, в частности, для развития стран глобального юга, модель цивилизации, основанная на энергии ископаемых источников, является энергетическим тупиком, из которого есть только один выход – объединение социальных и технических инноваций для дальнейшего успешного развития с очевидными преимуществами энергии возобновляемых источников [4]. При этом следует обратить внимание на то, что изолированная замена отдельных элементов в структурах, использующих ископаемые источники энергии, на возобновляемые, является недостаточной для демонстрации новыми структурами своих преимуществ. Решение в пользу определённой ресурсной базы неизбежно связано с различными экономическими структурами и процессами развития цивилизации.

Таким образом, энергоснабжение не является исключительно экологическим вопросом, это фундаментальный структурный вопрос, существенно влияющий на развитие и благосостояния общества. Так как существует многоуровневое взаимодействие между энергоснабжением, преодолением бедности и обеспечением безопасности, вопрос энергетики – является одной из главных проблем и для христианской социальной этики, которая сегодня стала решающей сферой глобальной справедливости. Энциклика «Caritas in veritate» («Любовь в истине») выражает настойчивый призыв к повышению эффективности использования энергии, развитию возобновляемой энергии, и улучшению доступа бедных стран к источникам энергии (№49). Для того, чтобы эти импульсы были эффективны, они должны развиваться на этическом уровне экономики. В этико-политической дискуссии по вопросам энергетики существуют три основополагающих цели и соответствующие подходы:

1. Охрана климата и окружающей среды.
2. Надёжность энергоснабжения и предотвращение политической зависимости.
3. Долгосрочные преимущества в сфере конкуренции и затрат.

Несмотря на то, что все три подхода имеют много общего, между ними существуют, на первый взгляд, труднопреодолимые сегодня разногласия, которые требуют решения различных первостепенных задач.

Таким образом, целями «стратегического треугольника» в долгосрочной энергетической политике становятся надёжность энергопоставок, эффективность и экологическая безопасность.

До настоящего времени в экономических науках тема энергии и сырья рассматривалась в основном с точки зрения затрат. Считается, что последние принципиально сбалансированы, их величина зависит от цены, либо рассматривается как узкоспециализированная экологически-техническая проблема.

Традиционно как структурно значимые величины принимаются во внимание только работа и капитал. Сегодня эта теоретическая модель больше не актуальна. Решение в пользу определённой ресурсной базы является таким же структурно определяющим для развития экономики и общества, как и для разделения работы и капитала. Из-за наличия тесной взаимозависимости между энергоснабжением и общественными структурами энергетический вопрос становится не только задачей специалистов в области экологии и техники, он приобретает значение вопроса структурно-политического устройства.

В конечном счёте, преодоление высокого уровня безработицы невозможно без кардинальных перемен в сфере энергоснабжения, так как дешёвая энергия не только наносит ущерб климату, но и ведёт к неизбежной замене человеческого труда на автоматизированные системы. Так, односторонняя нагрузка в работе способствует, в отличие от энергетического и ресурсного фактора, массовому производству и менталитету одноразовой продукции. Мировые цены на энергетическом рынке зависят от политически тяжело прогнозируемых взаимозависимых причин и от угрозы непредвиденных внешних потрясений. Как следствие – недостаточно, с экономической точки зрения, осуществляется приспособление к необходимым в области энергетики обширным и долгосрочным инвестициям, о необходимости которых сигнализирует рынок.

Для обеспечения надёжности энергопоставок необходимы политические рамочные условия. Это касается, прежде всего, постоянно растущего энергетического дефицита в азиатских государствах. Положительный момент: лидерство в области технологий на энерго-рынке будет иметь решающее значение для определения преимуществ в конкурентной борьбе и шансов на экспорт. В тоже время, инновационная энергетика – это вклад в политику безопасности и мира, поскольку она уменьшает зависимость от стран, экспортирующих газ и нефть. Для того, чтобы эффективно объединить стратегии охраны климата, безопасности энергоснабжения и конкурентоспособности в области энергетики, недостаточно дожидаться международных соглашений; динамика должна исходить от согласованной энергетической политики национальных государств.

2. Смена эпох для модели благосостояния, основой которой являются альтернативные источники энергии

Для кардинальных перемен в области энергоснабжения существуют три возможные стратегии: 1. замена ископаемых источников энергии на возобновляемые, 2. повышение эффективности за счет технических инноваций и структурных изменений, 3. смена модели потребления и предпочтений, в частности, в

глобальном высшем и среднем классе в пользу моделей благосостояния, основанных на более лёгкой ресурсной базе. Необходимые изменения могут быть достигнуты лишь в том случае, если все три аспекта будут разрабатываться одновременно и использоваться при последовательном взаимодействии, как это показано на примере производства и потребления электроэнергии. Этот сектор наиболее подходит для того, чтобы наглядно показать возможности взаимодействия, взаимоблокировку и обширное общественное воздействие на структурные решения в области энергетики.

2.1. Смена перспектив для стратегии эффективности, ориентированной на потребителя

ЕС настаивает на сокращении, по меньшей мере, на 30% по сравнению с 1990 выбросов парниковых газов до 2020 года. Этому способствует коалиционное соглашение немецкого правительства, согласно которому производительность энергии к 2020 году должна быть удвоена по сравнению с 1990 годом.

Такие сигналы из Европы могли бы быть решающими для процесса достижения консенсуса на глобальном уровне. В долгосрочной перспективе это является всего лишь началом для более обширных инновационных требований. При этом есть основания для расстановки приоритетов, ориентированных на эффективность стратегий: масштаб их вклада в возможное решение проблем климата и энергетики оценивается в 40% [1]. Необходимое количество экономических затрат, средств на исследование, а также на возможные политические конфликты, согласно актуальным данным, существенно ниже, чем на возобновляемые источники энергии или на крупномасштабные решения.

Учитывая параметры исторического развития Земли, проявляющиеся в сфере изменений климата, нам необходимо революционное повышение эффективности использования энергии в области средств передвижения, системах отопления зданий, потребления продукции и процессах производства. Возможности разнообразны: теплоизоляция в домах, постоянное использование тепловой энергии воды и отработанного воздуха, более эффективные двигатели внутреннего сгорания, создание более лёгких транспортных средств, рекуперация энергии торможения, замена или рециркуляция энергоёмких материалов, а так же энергетическая разгрузка путём биотехнологического производства сырья.

Ранее эффективность использования энергии редко рассматривалась в качестве предлагаемой предпринимательской деятельности или как сокращение расходов для потребителей.

На борьбу за лидерство в области технологий оказывает влияние концентрация подходов и финансовых ресурсов на поставки, в то время как величины, снижающие расход энергии, с инновационно-политической точки зрения не рассматриваются. А именно здесь есть особо экономичные и ресурсосберегающие возможности [8].

Причинами упущения этих моментов можно считать, среди прочего, большое количество участников и неупорядоченное количество мероприятий, каждое из которых само по себе мало, что даёт. Это ведёт к принятию «мелких» решений, которые не воспринимаются всерьёз ни с политической, ни с экономической точки зрения. И всё же данные для большого потенциала в этой отрасли есть, если будут объединены мероприятия, которые помогут преодолеть коммуникативные барьеры, а также адекватно адаптируют процесс принятия решений, приоритетов и предпочтений. Для принятия выгодных решений в сфере эффективности необходима комбинация технических, предпринимательских и социальных инноваций, а также изменение привычек потребителей. В Германии эта сложная область межотраслевых энергетических исследований долгое время оставалась без внимания. В последние годы существенно увеличены расходы на энергетические исследования, но, к примеру, Франция и Япония, относительно ВВП, тратят на это, соответственно, в два или в три раза больше.

2.2. Замена ископаемых источников энергии на возобновляемые

Сейчас Европа находится в начале развития процесса производства регенеративной электроэнергии. Существует возможность выбора – с одной стороны, так называемые автономные решения, с другой стороны – большой промышленный совместный проект, получивший широкую огласку под названием «Desertec». Добыча электроэнергии при помощи энергии солнца и ветра и её использование может быть независимым или осуществляться мелкими сетями. Это можно продемонстрировать в равной степени на примере калькуляторов и в проектах сотрудничества в целях развития (напр., созданный лауреатом Нобелевской премии мира профессором Юнусом банк Grameen Bank содействует развитию Solar Home System). Преимущества очевидны: приспособленная к местности и потребительским запросам техника может вводиться в эксплуатацию постепенно; низкая стоимость по сравнению с необходимыми затратами на строительство и содержание сетей высокого напряжения, а также отсутствие потерь мощности; независимость, как следствие прекращения существования олигополий больших энергообеспечивающих компаний. Предлагается альтернативная модель для всей Европы, Северной Африки и Ближнего Востока – «супер умная сеть» («super smart grid») – проект, созданный Потсдамским Институтом климата, Impact Research, и Европейским форумом по вопросам климата).

Поскольку всегда где-то светит солнце (прежде всего на юге Европы и в Северной Африке), дует ветер (на побережьях) и всегда где-нибудь необходима электроэнергия, можно создать обширную «разумную» и надежную энергетическую систему, вопреки всем колебаниям спроса и предложения. Для осуществления этой модели должны быть приняты крупномасштабные решения, такие как создание парков ветровых электроустановок и солнечных электростанций, которые будут объединены дополнительно построенными высоковольтными линиями электропередач. В качестве побочного эффекта это может привести к существенному политическому развитию Северной Африки.

Независимо от принятого решения, в котором прослеживается тенденция принятия второго подхода, в силе остается активное развитие забытых традиций (к примеру, виды строительства, типичные для определенного климата и региона) и многократно усовершенствованные сегодня возможности прямого использования солнечной энергии (например, стеклотехника). Поскольку в сфере отопления помещений слишком высок процент нерационального использования энергии, все большее значение приобретают «пассивные дома» и дома с низким потреблением энергии. Эстетически удачным примером является строительство Федерального экологического фонда в Оснабрюк. Во Фрайбурге – солнечный квартал архитектора Рольфа Динша, состоящего из активных домов, которые с помощью солнца активируют больше полезной энергии, чем им необходимо для энергоснабжения.

Возможности для использования возобновляемых источников энергии заложены в интегрированной потребительской стратегии, к примеру, благодаря комбинации ветровых и биогазо-энергетических установок, которые автоматически запускаются при отсутствии ветра. У возобновляемых источников энергии есть потенциальное преимущество в экономичности, поскольку их потребительская цепочка существенно короче. Однако, для того чтобы регенеративная энергетика стала экономически выгодной, необходимо повышение качества энергосберегающей техники, для того чтобы инвентаризировать непостоянство производства электроэнергии, но при этом – согласно концепции – оставаться независимыми от сети.

К сожалению, долгие годы сфера энергосберегающих технологий была в запущенном состоянии. Относительно быстро, в соответствии с требованиями рынка, могут развиваться следующие концепции: электрохимическая (свинцово-кислотные аккумуляторы), электростатическая (суперконденсаторы), электромеханическая (роторы, сжатый воздух), электродинамическая (сверхпроводящие магниты), химическая (водород) или термическая (резервуары для горячей воды, гидрид магния). Противоречивые дискуссии вызывают насосные гидроаккумулирующие электростанции, поскольку их применение неблагоприятно для природы.

2.3. Принцип умеренности

Стратегия, направленная на замену источников энергии, должна сопровождаться популяризацией принципа «умеренности» с целью общего снижения потребления энергии. Несмотря на распространенное представление о том, что «достаточность» вредит экономическому развитию благосостояния, на основании опыта разных стран Европы можно утверждать, что это не всегда соответствует действительности и модели «достаточности» предлагают более благоприятные условия для создания рабочих мест и разнообразных индикаторов качества жизни, чем недифференцированные модели роста [2].

Энергосбережение является довольно интересной целью инновационной сферы в экономике. Поскольку ранее заработок достигался за счёт сверхпропорционального увеличения оборота, модель «достаточности» нуждается в структурных реформах, для того чтобы в полной мере представить свою возможную привлекательность. Исходя из этого, достаточность развития нуждается в воспитании нового ответственного сознания потребителей и производителей, которые своей продукцией и рекламой оказывают влияние на поведение покупателей, а также на постепенное изменение ценностей, продуктов, предпринимательских стратегий, а также образа жизни. В конечном итоге речь идёт об определении и разработке новой экологической модели благосостояния. В данном процессе интенсивно востребованным является и участие церкви. Наибольший потенциал экономии в настоящее время возможен в области отопления помещений и в организации работы транспорта.

3. Куда ведёт «дорожка» атомной энергетики?

28 октября 2010 года парламент ФРГ большинством голосов представителей ХДС/ХСС и СДП, принял решение, продлить срок эксплуатации построенных в 1980 году семи атомных электростанций на восемь лет, и десяти остальных атомных электростанций – на 14 лет. 8 декабря 2010 года президент Германии подписал соответствующие изменения в законе об атомной энергии. Продление срока действия атомных электростанций – это большой политический риск: оно привело к возобновлению движения против использования атомной энергетики и согласно опросам, большинство немецкого населения выступает против этого. Нарушение соглашений в области атомной энергетики, которые были закреплены в соответствующем законе в 2002 году, угрожает недоверием и сомнением в надёжности политики и ее независимости от лоббизма.

После того как пять федеральных земель обратились в Федеральный конституционный суд с просьбой об отмене изменений в законе, предприятия энергетического сектора потеряли такую необходимую возможность безопасного планирования. И всё же серьёзные аргументы для изменения курса в политике атомной энергетики есть: охрана климата, социальные и

экономические показатели цен на энергию и снижение степени зависимости от иностранных государств. Из этого следует, что коалиционное соглашение свидетельствует о высоких стандартах безопасности существующих АЭС, а также на потенциал термоядерного синтеза, как «нового экологически безвредного и безопасного источника энергии», который может быть открыт в результате исследований (С. 34). Каждый из этих аргументов имеет различные перспективы и оценивается с различных точек зрения, которые в последующем должны стать поводом для дискуссии.

3.1. Вклад атомной энергетики в защиту климата не является решающим

Решающее значение приобретает вопрос, какой вклад в защиту климата может внести атомная энергетика. В настоящее время 16 % электроэнергии в мире производится с помощью атомных электростанций. С 2002 года началось сокращение доли атомной энергетики в системе энергообеспечения и в последующие десятилетия этот процесс будет продолжен из-за долгосрочного их планирования и строительства. Таким образом, атомная энергетика по количественным показателям не может содействовать решению глобального снижения выбросов CO_2 . При этом упускается из виду тот факт, что в атомной энергетике невозможно никоим образом обойтись без CO_2 : в так называемой первичной цепи, при добыче урана, транспортировке, строительстве и демонтаже электростанций возникает не так уж мало выбросов.

В действительности, несмотря на распространенное мнение, нет никакого «ренессанса атомной энергетики», а есть лишь возрождение дискуссий по вопросам атомной энергетики. По данным «Всемирного доклада по вопросам ядерной промышленности 2009» в мире не хватает производственных мощностей, специалистов и капитала, вследствие чего приходится рассчитывать на то, что в последующие годы и десятилетия будет происходить сокращение сферы атомной энергетики, которое можно замедлить или преодолеть только путем увеличения срока эксплуатации атомных станций [6]. Контраргументом дискуссии является количество запасов урана: согласно прогнозам исследователей от 2009 года, согласно статистике, его объема хватит на 50 лет... Термоядерная энергия, на которую возлагают большие надежды участники коалиционного соглашения, пока не имеет весомых перспектив – ни экономических, ни технических. Её продвижение грозит отвлечением средств, предназначенных для исследований и введения в эксплуатацию регенеративной энергетической техники и, таким образом, замедлит необходимые изменения структур.

3.2. Надёжность и эффективность

Надёжность энергопоставок это большое общественное благо. Атомная энергия способствует этому. Исходя из этого Немецкое энергетическое агентство (Deutsche Energie-Agentur – dena) предостерегает, что без атомной энергетики к 2020 году возникнет нехватка энергии в размере 16 ГВт, но это спорный прогноз. Решающим в первую очередь является тот факт, как в дальнейшем будет развиваться потребление электроэнергии: повысится, как предполагает Немецкое энергетическое агентство, или снизится, в соответствии с ожиданиями и требованиями мероприятий по защите климата. Во-вторых, многое зависит от того, насколько быстро будет продвигаться развитие теплофикации и использования возобновляемых источников энергии. Исходя из неблагоприятных предположений повышения спроса на электроэнергию, может возникнуть опасность кризиса энергоснабжения для нашего энергозависимого общества. В данном случае атомная энергетика выглядит меньшим злом.

Этико-политическое задание состоит в том, чтобы действуя дальновидно, избежать дилемм подобного рода. Вопрос о стоимости атомной энергии – цена, которой колеблется от нескольких центов до 2 евро за киловатт-час – это, прежде всего вопрос о том, включены ли в эту цену ранее вложенные в исследования инвестиции, а также средства, необходимые для обеспечения безопасности, а в дальнейшем для утилизации отработанного сырья. Ранее решением этого вопроса занималось государство, поскольку энергоснабжение рассматривалось как задача общественного значения.

Что касается инвестиций для исследований и предлагаемых на рынке возобновляемых источников энергии и энергосберегающих технологий, то за последние десять лет Германия несколько продвинулась в этом направлении, например, она давно приняла закон о возобновляемых источниках энергии (EEG), который наследуют во всём мире. Его поддержка аналогична истории с атомной энергетикой. Уже сегодня, учитывая правовой аспект различных энергосистем, необходимо повысить страховых компенсационных выплат ответственности за возможное причинение вреда атомными электростанциями до разумной суммы с этической и экономической точки зрения. Это должно быть осуществлено на международном уровне, потому как при взрыве реактора в зону поражения попадают и соседние страны. Данное предложение является свободным решением, которое предоставляет и производителям и покупателям свободу выбора, но при этом, оставаясь прозрачным, интернализирует затраты.

3.3. Оценка атомной энергии с точки зрения церкви

В христианской церкви традиционным является критическое отношение к атомной энергии. Так, 4 ноября 1987 года, находясь под впечатлением от последствий взрыва на Чернобыльской АЭС, синод Евангелической церкви Германии (EKD) сделал следующий вывод: «опасность, возникающая сегодня при получении атомной энергии и не поддающаяся контролю, привела к всеобщему пониманию, что такой способ производства электроэнергии несовместим с библейской заповедью – возделывать и беречь землю». Отчёт экспертов Конференции немецких епископов высказывается несколько осторожнее, но, в конечном итоге, также критично: «вызывает сомнения, способна ли атомная энергетика представить долгосрочное, убедительное решение проблем охраны климата, учитывая, что уран должен быть импортирован, а его запасы ограничены. Но прежде всего, атомная энергетика связана с серьёзным риском и возникающими вследствие ее получения нерешёнными проблемами (в частности, промежуточное хранение и захоронение), которые, из соображений справедливости по отношению к будущим поколениям людей, не должны быть возложены на их плечи. Это нарушает принципы предосторожности и пропорциональности» [7].

Сегодня атомная энергетика выглядит привлекательно, прежде всего потому, что её предполагаемое возрождение несовместимо с требованиями трансформации модели благосостояния. Большие надежды, связанные с атомной энергией, в значительной степени неоправданы. Необходимо отказ от атомной энергии. Но, основываясь на неотложном решении проблем климата, этот отказ, согласно правилам этической ответственности по минимизации негативных побочных действий, не должен компенсироваться строительством угольных электростанций. Отказ от атомной энергии должен стать началом экологического энергоснабжения. На основании закономерной зависимости развития, продление срока эксплуатации существующих атомных электростанций усложняет необходимые преобразования на рынке энергетике. Если действительно использовать полученные таким способом финансовые возможности для увеличения инвестиций в сферу преобразования энергетических систем и преодолеть устаревшую конфронтацию, то Германия получит прекрасную возможность стать пионером в благоприятной для климата адаптации энергетического обмена веществ в обществе.

4. Энерго-политическая сфера деятельности

Только в том случае, если мы будем использовать меньше энергии, в обозримом будущем уменьшится доля ископаемых источников в энергетическом балансе. Поэтому энергосбережение в сфере производства должно быть признано структурным приоритетом для мероприятий, направленных

функцию цен²⁰. Поэтому этика социальной рыночной экономики первоначально должна отражать функции, предпосылки и границы конкуренции²¹. В той же степени она нуждается в самоанализе функций, предпосылок и границ социальной защиты²². И то, и другое сначала требует полного понимания, прежде чем в рамках обширной теории справедливости будет связано, как два полюса одной электрической цепи, в единую теорию социальной рыночной экономики.

Показательным примером непродуктивного метания между теорией конкуренции и этикой солидарности является глобальная торговля сельскохозяйственной продукцией, при которой беспрецедентно масштабные субвенции (свыше 300 – от миллиардов долларов США в год) ведут к глубочайшим ошибкам в распределении, цена которых слишком высока. Оказалось, что они не в состоянии остановить социальную нужду многочисленных сельскохозяйственных производителей, и, кроме прочего, ведут в отдельных отраслях к излишнему и экологически обременительному производству.

Социальная защита не должна использоваться против структурных преобразований, потому как это является частью «творческого разрушения» [27], при котором «лучшее» оказывается врагом «хорошего». Если социальная политика фокусируется на том, чтобы задержать этот болезненный процесс оптимизации и самокоррекции при помощи протекционистских мер, то возникает конкурентная борьба за право получения субвенции, а не за повышение производительности.

Кризисы зачастую имеют также лечащий эффект, поскольку они исправляют неправильное развитие. Это относится и к нынешнему финансовому кризису, который был вызван чрезмерно высокой прибылью и ожиданием прибыли в спекулятивной финансовой сфере. Он не может быть преодолен посредством субвенций, но должен стать поводом для необходимых коррекций в пользу так называемой «реальной экономики».

²⁰ К критической дискуссии об актуальных интервенциях на рынке, таких как минимальная зарплата, фонд страхования здоровья или энергетическая монополия. Ср. Dohmen 2008 г., стр.31. Поскольку в трех названных сферах все же можно назвать систематические причины для отказа от рынка, то имеются также и веские основания таких интервенций для придания рыночной динамике иного направления. Спор об указанных направлениях остается полностью открытым.

²¹ Об этике конкуренции с христианской точки зрения. Ср. Фогт 2008 г.

²² О католической традиции «социальной политики снизу», а также об актуальных разногласиях по этическим основам социального государства. Ср. Габриель 2005 г., СдК 2007 г., Фогт 2008 г.

Признанию этой модели в Конституции и в социальном учении предшествовало всемирно-историческое победное шествие рыночно организованных обществ Запада над планово-экономическими обществами Востока. Как ни парадоксально, общественное одобрение модели социальной рыночной экономики стремительно уменьшается именно с этого времени. Это имеет причины:

1. Сейчас мы испытываем глубокое потрясение глобальной экономики в результате финансового кризиса, при котором теряются невообразимые суммы денег, а это значит, уничтожаются накопленные на протяжении жизни сбережения многочисленных граждан. Согласно теории справедливости это можно отнести к проблемной сфере обменной справедливости. Стабильность денежной системы, как средства для обменных отношений, развалилась на части.

2. Изменение климата, которое угрожает будущему всей нашей цивилизации, так же является «провалом» рынка», самым большим провалом рынка в истории человечества²⁵.

С точки зрения теории справедливости речь идёт о проблеме экстернализации расходов, которые бременем лягут на будущие поколения, на бедные слои населения в южных странах и скажутся на состоянии природы. Это совершенно новые измерения и сферы задач распределительной справедливости, к которым мы, учитывая наши антропологические и культурные особенности, плохо подготовлены.

Тот, кто ведёт речь о ренессансе социальной рыночной экономики, сегодня не должен понимать его как реставрацию, т.е. восстановление уже известной модели. Только на основе дальнейшего субстанциального развития эта модель является жизнеспособной в будущем. Социальная рыночная экономика должна развиваться в экосоциальную рыночную экономику.

Структурные элементы: *свобода, конкуренция и социальный контроль*, которые стремится объединить социальная рыночная экономика, сегодня должны быть дополнены четвертым элементом («природной совместностью»). Со ссылкой на католическое социальное учение это означает: канон классических социальных принципов должен быть расширен. Через личность (обеспечение свободы), субсидиарность (децентрализованную координацию действий) и солидарность (защиту от основных рисков) должно осуществляться устойчивое развитие (обеспечение жизнедеятель-

²⁵ Так Николае Стерн, бывший главный экономист Всемирного банка, который в октябре прошлого года одобрил выделение для британского правительства денежных средств на исследование климатических изменений. Ср. так называемое "Stern-Review", 11 Феври 2007 г. II

ческую деятельность²⁷. Однако это трудно, так как социальная рыночная экономика включает в себя разнородные элементы, которые нужно упорядочить правильным способом по отношению друг к другу, если они не-взаимосключающие. Так, социально мотивированная интервенция на рынке часто порождает, к примеру, ошибочные побуждения, которые, в конце концов, становятся неэффективными, несправедливыми и асоциальными. Социальная рыночная экономика является сложной и чувствительной структурой. С анализом места человека в экономике я связываю исследовательскую идею, которая захватывает и сопровождает меня с некоторых пор, а именно то, что основные элементы социальной рыночной экономики имеют ту же антропологическую основу, что и теория справедливости Аристотеля. Это можно описать тремя понятиями – конкуренция, сотрудничество и солидарность:

I. Мы можем не только конкурировать друг с другом, но и сотрудничать с ними, и при этом померяться своими силами и утвердиться в конкурентной борьбе. Особенно в агональной, т. е. в ориентированной на состязательность культуре Греции, этот элемент привел к большому расцвету в спорте, искусстве и борьбе. Современная демократия также является системой соревнования, в данном случае, за голоса избирателей. Продуктивная конкуренция может осуществляться в случае соблюдения правил.

В отношении государственной и экономической системы это касается соответствующих законов и типовых положений, которые должны быть определены, и применение которых должно контролироваться. В этической систематике можно привязать развитие этой правовой идеи к центральному аристотелевскому понятию *легальной справедливости*²⁸. Правовое государство, которое заботится о том, чтобы агрессия не переходила в насилие и беспорядок, является предпосылкой для функционирования социальной рыночной экономики.

²⁷ В приложении к парламентскому еженедельнику «О политике и современной истории» (*Aus Politik und Zeitgeschichte 13/2007*) четко обобщена актуальная дискуссия о социальной рыночной экономике: «С глобализацией капитализма и раскрепощением рыночных сил, постоянно возрастающей, проявляются также теневые стороны структурно-политической концепции. Рынок не может самостоятельно урегулировать все вопросы. Все громче звучат требования по укрощению безудержного капитализма. Может ли социальная рыночная экономика указать выход из этой дилеммы? Действительно ли концепция ее основателя – Людвига Эрхарда – служит калькой для других экономик?» (Editorial v. L. Watzel, там же 2).

²⁸ Аристотель развивает свою теорию справедливости в пятой книге Никомахической этики. Этот основополагающий проект наложил отпечаток, как никакой другой, на всю европейскую дискуссии о справедливости: короткое изложение подходит для учащихся, как книга для чтения; ср. Аристотель, 1991 г.

2. Мы не только агрессивны, но и эгоистичны. Мы – максимизаторы выгоды. Согласно Аристотелю, стремление к выгоде при обмене является одним из изначальных мотивов обобществления человечества. Согласно экономической теории Адама Смита, стремление к выгоде индивидов является источником благосостояния наций, так как оно «невидимой рукой» (*invisible hand*) рынка косвенным образом интегрируется для пользы всех²⁹. Стремление к выгоде с разделением труда приводит в обществе к переплетению интересов и, тем самым, ограничивает агрессию. Чтобы состоялась социальная динамика обмена, необходимо средство. В современном обществе это, прежде всего, деньги. Чтобы торговая сделка была справедливой, нужно учитывать равноценность меняемых товаров, т. е. сбалансированность между «давать» и «брать». Необходим по возможности стабильный и прозрачный порядок обмена при помощи симметрии власти и информации, а также при помощи денежной стабильности и при ограничении монополий³⁰. Все это можно обобщить под понятием *справедливость обмена*.

3. Мы не только агрессивны и эгоистичны, но и заботливы. Мы должны помогать слабым, но мы и хотим этого. У нас спонтанная склонность к солидарному поведению. Принцип солидарности, который можно обосновать как человеческий и христианский встречается, правда, с различными проявлениями во всех видах общества. Импульс к социальной ответственности в условиях современного общества социально-государственных учреждений требует достижения определенного развития. Рыночная экономика без социальных компонентов противоестественна природе человека и теряет право называться гуманным общественным строем. Мерилом для распределения товаров является по Аристотелю *распределительная справедливость*, которая, однако, на протяжении истории объяснялась и объясняется совершенно по-разному и до наших дней.

Социальная рыночная экономика организационно выражает три названных элемента через государственно-правовое устройство, через рыночные процессы, а также через социально-государственное обеспечение. Её динамика базируется на том, что эти элементы не являются отдельно стоящими, они взаимно пронизывают, ограничивают и стабилизируют

²⁹ Ср. Smith 1988. Его труд «Благосостояние наций. Исследование его природы и причин» впервые был опубликован в 1776 г. и является основополагающим учебником современной экономики. За ней кроется идея свободы британского просвещения. МанDEVИЛЬ излагает экономико-этическую идею в басне о пчеле под заглавием "Private vives, public benefits" (МанDEVИЛЬ 1988 г.)

³⁰ Дегес называет денежную реформу 1948 г. "Заложением основы для немецкого чуда", Дегес. 2008 г., стр.31.

друг друга. Это взаимное проникновение движущих мотивов на личностном уровне также является основой характера жизни³¹. Так, к примеру, в спорте агрессия направляется в положительное русло. Разумные эгоисты в состоянии обуздать свою агрессию и сотрудничать³². Моим тезисом является то, что модель социальной рыночной экономики приобретает свою динамику и гуманную соразмерность учетом этих трех движущих мотивов. Чем лучше удастся гармония и взаимное проникновение основных антропологических элементов, тем лучше люди могут развивать свои дарования и преодолевать конфликты. С учетом вышесказанного можем представить образец справедливой и соответствующей человеку экономики. Здесь, однако, следует приять во внимание тот факт, что социальная рыночная экономика предполагает высокие культурные и организационные стандарты. Они далеко не везде выполнимы. Устройство социальной рыночной экономики является риском свободы, которое не может функционировать без образования, культуры и норм правового государства.

4. Кардинальный вопрос: соотношение между рынком и моралью

Недоразумения «homo oeconomicus»

В дискуссии о взаимосвязи социальной рыночной экономики и образа человека центральную роль играет модель, так называемого, «homo oeconomicus», то есть, максимизатора выгоды. На этом примере можно, прежде всего, объяснить проблему недоразумения между различными научными предметами. С научно-теоретической точки зрения за моделью кроется понимание экономики, которая воспринимается не как теория обогащения, а как применяемая почти во всех сферах социальной жизни методика объяснения поведения с позиции индивидуальных интересов³³. Она исходит из определённого методического индивидуализма, при котором индивиды согласно модели «homo oeconomicus» являются максимизаторами интересов. Эта модель базируется на двукратном подчинении³⁴:

1. Индивидууму приписывается неограниченная способность и склонность к «максимизации выгоды» во всех сферах.

³¹ Вильгельм Корфф называет взаимопроникновение стимулов действия или форменных кругов человеческого обобществления "социальным перихорезом". Корфф, 1985 г., стр. 78–101.

³² Ср. с эволюционной точкой зрения Аксельрода, 1991 г.

³³ "Экономический империализм" по Г.С.Бекеру. Ср. организационно-экономическое видение Писа, 1993 г.

³⁴ Ср. Следующее Писе 1993 г., стр.189, а также: Карл Кардинал Леман, Человек и рынок, "Рейнский Меркурий". Начало октября 2008 г. №12.

2. Она исходит из супер-целенаправленности совершенно рациональных индивидов.

Эти предпосылки стратегического максимирования на микроуровне индивидуального поведения являются контрафактными. Но они имеют важную познавательную функцию, поскольку методически направляют анализ таким образом, что фокусируется внимание на вытекающих из использования одностороннего преимущества координационных проблемах. Модель целенаправленна не на микроуровне объяснения поведения отдельных индивидов, а на макроуровне действующих при этом организационных условий. Речь идет о модели, которая охватывает исключительно побуждающие факторы поведения. Это ограничение делает возможным запланированное сравнение побуждающих действий организационных мероприятий. На основании своей методической убедительности этот подход может давать хорошие аналитические результаты во многих сферах³⁵.

И всё же, ввиду этических выводов недостаточно утверждать, что при «тезисе эгоизма» модели «homo oeconomicus» речь не идет об объёмлящей теории морали или об антропологических предпосылках. Понимание общества как организации для взаимной выгоды является недоразумением. Оно в равной мере является пространством социальных отношений, в котором индивиды совершенствуют, прежде всего, свою идентичность, и этим определяют свои интересы.

Таким образом «homo oeconomicus» следует понимать не как образ человека, а как ситуативную модель, относящуюся к определённому общественно-теоретическому познавательному интересу. Если это ограничение принять во внимание, то методически убедительный анализ структур интереса будет существенно способствовать пониманию социальной организации. Таковы мои общие замечания о взаимосвязи образа человека и социальной рыночной экономики. А сейчас перейдем к более точному анализу стремления к конкуренции, состоятельности и рынка.

Социальные функции конкуренции

Свободная конкуренция установилась в западных экономических и общественных системах как система, которая решительным образом способствовала общественному благосостоянию.

³⁵ Это не в последнюю очередь также проявляется в социобиологическом применении экономического «эгоистического тезиса» к биологии, который имеет большое значение для объяснения поведения животных и, отчасти, людей и этим посылает важные импульсы теории общества. Ср. Wickler/Seibt 1991.

Даже при решительной социальной целевой установке этот факт нельзя недооценивать. Функции конкуренции можно систематизировать с четырех точек зрения:

1. Стимул к успеху и мотивация: Конкуренция, как процесс постоянного сравнения с другими, ведет к тому, что конкуренты постоянно пытаются разрабатывать новые товары, совершенствовать старые или улучшать производственный процесс, чтобы, тем самым, достичь преимущества в конкуренции.

2. Децентрализованная координация действий и возможность свободы: Координационный центр, который определяет производство и распределение товаров, не требует организованной, как рынок, конкуренции. Там рынок принимает на себя эту функцию посредством цен, как индикатора необходимости этой функции. Конкуренция предоставляет отдельным действующим лицам шанс проявить свои сильные стороны и, тем самым, является более эффективным способом координации действий, нежели центральное управление.

3. Оптимизация затрат и динамическое увеличение благосостояния: Конкуренция способствует тому, что средства производства использовались более эффективно, снижая, таким образом, затраты производства и увеличивая прибыль. Прибыль одного не отбирается у другого, а, как правило, приводит в движение экономический процесс повышения благосостояния.

4. Контроль власти в пользу третьих лиц в анонимных структурах: Из-за отсутствия конкуренции зачастую возникают структуры, которые являются неэффективными и дорогостоящими, что приводит к завышению цен. Этому можно воспрепятствовать посредством конкурентной борьбы.

Общие организационные условия для честной конкуренции

Важнейшим выводом анализа социальной функции конкуренции является то, что социальное уравнивание должно достигаться не вопреки конкуренции, а поначалу с ее помощью. Таким образом, государство должно по возможности с помощью социального и экологического уклада и путем обеспечения договорной свободы и равенства шансов инициировать конкуренцию в достижении благоприятных для общества целей и предотвращать вымывание денежных средств.

В рамках Аристотелевской теории справедливости ей соответствует систематическое преимущество легальной справедливости, которую он также называет «общей справедливостью»³⁶. Правовое государство явля-

³⁶ Ср. Vogt 1999, 284-309.

ется предпосылкой для того, чтобы могла функционировать рыночная экономика. Порядок обмена имеет преимущество спонтанного проявления. Следовательно, он должен управляться государством по возможности только косвенно и субсидиарно. Если можно предотвратить грубую агрессию, обман и коррупцию и ограничить монополию власти, тогда рынок урегулируется согласно критериям справедливости обмена и становится средством прогресса.

В дальнейшем государству надлежит заботиться о социальной защите в сферах, которые не относятся к тем из них, которые управляются рынком или общественными инициативами. Это находит свое организационное выражение в социальном государстве, которое особым образом следует организовать по критериям распределительной справедливости.

Добродетели для интеграции рынка и морали.

Для честной конкуренции необходимы не только правовые регуляторы, но и добровольное повышение уровня морали индивидов:

1. Действенность правопорядка никогда не базируется лишь на санкционировании его норм. *дополнительным фактором* является ее принятие индивидами на добровольной основе.

2. Правовые нормы зачастую слишком общо сформулированы и должны быть объяснены, конкретизированы и воплощены в жизнь отдельными индивидами в соответствующих сферах деятельности.

3. Инновации должны исходить от отдельно действующих лиц в экономике, науке и практике.

Эти три основные функции морали в контексте экономики – дополнительно, применительно и инновационно – описывают основные сферы перехода между моралью и рынком, находящиеся по ту сторону права. Они демонстрируют, что рынок не может длительное время функционировать без индивидуальной готовности к ответственности.

«Для нашего будущего сила инноваций в социальной сфере также важна, как и сила инноваций в области науки, техники и экономики – она является путеводителем к человеческому будущему» [9, с. 171].

5. Перспективы: Католические основы «социального капитализма»

Католическая модель социального государства продемонстрировала свою политически зависимую выразительную форму и ее дальнейшее развитие, прежде всего, в рейнском капитализме. Так возникла концепция «социального капитализма», которая стремится к балансу интересов между трудом и капиталом на пути структурного закрепления социаль-

ной помощи, защитных мероприятий и процессов диалога. Его ведущие антропологические и нормативные идеи четко отличаются во взглядах на социальную защиту от селективно направленной этики успеха, которая базируется на мобилирующем все индивидуальные силы страхе перед социальным крахом.

Солидарная направленность рейнского капитализма ни в коем случае не выступает против успеха, а содействует способности и готовности к индивидуальному успеху и взятию на себя ответственности путем обеспечения защиты в критических ситуациях, оказанием помощи и поддержки, интеграцией и участием. С экономической точки зрения он направлен на сохранение и развитие социального капитала. Он нацелен на активную помощь маргинализированным слоям общества, не нарушая при этом динамику рыночных процессов. В современных условиях эту концепцию можно вполне точно охарактеризовать как «Солидарное производительное общество»[8]. Оно в той же мере отличается и от патерналистски опекаемого государства, которое лишает самостоятельности и делает зависимым, и от этики индивидуалистического побуждения, которая лишь мыслит категориями конкуренции и абстрактной функциональности, не принимая во внимание потенциалы создания ценностей социальной системы и создания доверия. Так как социальная политика создает предпосылки для успеха путем защиты от предотвращения рисков, доступа к образованию и занятости, ее можно оценить как интегральную составную часть рыночной экономики. Социальная защита является под этим углом зрения инвестицией в развитие и повышение производительности (будущих) участников рынка. Социальное государство – это инвестиция в лучшее функционирование рынка и конкуренции: Социальное государство имеет активирующую функцию: оно является подспорьем для неосвоенных способностей и содействием в самопомощи. Оно не должно компенсировать убытки потерпевшим от структурных изменений, а реинтегрировать их в общественное взаимодействие. Это интеграционное требование должно быть сегодня заново открыто и реализовано ввиду глобальной конкуренции, а также демографических изменений³⁷.

Мысль о том, что определенная мера солидарности совместима с конкуренцией и даже является ее предпосылкой, вытесняется в настоящее время односторонним акцентом на личной ответственности. Для его оправдания охотно ссылаются на принцип субсидиарности (вспомогательно-

³⁷ Существенно инспирируемая христианскими основами модель социальной рыночной экономики и так называемого рейнского капитализма кажется подошла к своему концу. Но и “либерализм избавления”, который делает ставку на конкуренцию и дерегуляцию, теряет свою притягательную силу (Габриель/Гросе Крафт, 2004 г.)

сти). Субсидиарность отрицательно воспринимает запрет на требования полномочий, которые ограничивают активную деятельность государства в пользу индивидуальной и корпоративной автономии. С этим неразрывно связано и требование поддержки. То, что сегодня так редко удастся разработать заново подлежащее сбалансированному единство личной ответственности и солидарности, является, по моему мнению, главной причиной потери социально-политической достоверности и с церковной точки зрения. В смысле осуществления личной ответственности subsidiarность сегодня требует больших усилий от государства. К этому относятся, между прочим, обеспечение общественных ценностей, таких как доступность образования и здравоохранения для всех, межпоколенческая справедливость, политика охраны семьи и окружающей среды, а также ограничения задолженности государства.

Будущее социальной рыночной экономики зависит от того, будет ли сегодня заново найдена и осуществлена её главная идея – интеграция конкуренции и социального равновесия. Социальное обеспечение тогда, и только тогда будет конкурентоспособным, когда она в качестве процесса открытия для сильных распространится на слабых. Социальное обеспечение является, поэтому, не только компенсацией недостатков слабых, но и интегральным моментом дееспособного рыночного хозяйства. Путем защиты от рисков, доступа к образованию и занятости социальная культура создаст предпосылки для большего успеха и большего равенства шансов. Этим самым социальное государство делает возможным лучшее функционирование рынка и конкуренции. Оно является инвестицией в дееспособность граждан, чтобы они смогли также развить свои потенциалы, ввиду неблагоприятных предпосылок или ударов судьбы.

Социальная рыночная экономика требует социальной политики, которая предполагается и формируется, как часть экономической политики. Решающую роль играет принятие мысли о конкуренции, которая поначалу воспринимается как «выбор сильных», находится в резком противоречии к социально-политическому выбору нуждающихся. Также с этической точки зрения конкуренция имеет свою оправданную функцию в качестве мотивационного стимула инструмента координации действий [32]. Однако, она становится идеологией, если ее превращать в мировоззрение [30]. Конкуренции с человеческим лицом требуются «капиталисты с любовью к ближнему», которые открывают и развивают потенциалы угнетенных и используют их в качестве рыночной силы. Для этого нет единого рецепта, однако, много аспектов и возможностей, к примеру, удовлетворенность сотрудников, которые почувствовали поддержку в критических ситуациях, и потом готовы и способны выступить в защиту предприятия.

Существенные элементы социальной политики в Германии возникли по инициативе предприятий, которые организовали медицинское страхование и уход за детьми для своих сотрудников и тем самым создали долгосрочно процветающие предприятия. Многие аналитические исследования подтверждают, что значительная часть успеха предприятия зависит от удовлетворенности сотрудников. Разумная социальная политика является одной из самых лучших инвестиций в будущее экономики и общества.

Тезисы для дальнейшего развития социальной рыночной экономики

1. Именно в современных условиях социальная рыночная экономика требует сильного социального государства. Социальное государство в Германии сегодня сильно перегружено наследственными проблемами из-за упущенных мероприятий в образовании, семейной политике и в политике труда. Немецкий рынок труда путем гибкого регулирования в 2009 году мог относительно смягчить финансовый и экономический кризис. Однако, резервы гибкости значительно исчерпаны, замедленную реакцию рынка труда на кризис следует ожидать с осени 2010 года. Уже сейчас маневрирование на рынке труда привело к расширению осложненных трудовых отношений, которые глубоко тревожат значительную часть общества и воздействуют на социальный климат.

Здесь необходимы новые убеждения о нормативных основах социального государства и активной политике на рынке труда. Девиз будущего должен звучать так: не социальной политике думать по-новому, а новому думать социально. Не менталитет безопасности и кругового обеспечения, а новая социальная ответственность для защиты от рисков, которые не может индивидуально остановить отдельно взятый человек. Никакой приватизации рисков, участия в жизни общества, не только гарантии прожиточного минимума, как ведущего нормативного критерия справедливости. Решение федерального конституционного суда от февраля 2010 года, которое объявляет положения Гартца IV несовместимыми с основным законом, является директивным.

Нуждающиеся в помощи требуют мотивирующих предложений активизации: для получателей Гартца IV, среди которых увеличилось разочарования или фаталистическое настроение, требуются особые стратегии мотивационно направленной стабилизации. Исследованные случаи свидетельствуют о том, что мотивация при помощи мероприятий активизирующей политики труда не начнется сама по себе, и её нельзя добиться при помощи санкций. В таких случаях требуется, скорее всего, смещение социально-педагогически направленной поддержки людям для введения на рынок труда и предложения активизации, которая направлена на профессиональную квалификацию.

2. Обновление социальной рыночной экономики требует усиления среднего сословия и мелких производителей. Вызовом для социальной рыночной экономики является демографическое развитие со стареющим населением. Необходимые шаги для решения проблемы – это семейно-дружественный мир труда и общественный климат, который способствует реализации желания иметь детей. Молодые люди должны получать лучшую квалификацию. Занятость старшего поколения должна поощряться, заставляя возрастная граница должна быть упразднена.

Правовое общество и экономика требуют четкой установки об ответственности и строгой гарантии ответственности за экономические решения, что намного успешнее реализуется на малых предприятиях, нежели в обществах с ограниченной ответственностью и на многих предприятиях, которыми руководят менеджеры, увольняемые в случае разных причин с высоким возмещением убытков. Малое предприятие имеет ключевые потенциалы для необходимого дальнейшего развития социальной рыночной экономики в экосоциальную рыночную экономику. Оно в среднем более интенсивно по труду, менее подвержено финансовому кризису и выполняет сверхпропорциональное участие в образовании и переподготовке кадров. Прежде всего, оно ориентировано регионально, поэтому менее ресурсоемко, учитывая транспорт, с легко поддающимся ремонту оборудованием. Этим оно вносит значительный вклад в последовательность, которая сегодня является обязательной предпосылкой для будущей социальной рыночной экономики. Немецкая стратегия последовательности рассматривается как импульсная программа для малых предприятий, чтобы использовать самый большой потенциал для энергосбережения, который кроется в санации зданий.

3. Образование является самым важным фактором конкурентоспособной и имеющей будущее экономики в бедной на сырье Германии. Образование создает общие ценности, равенство шансов и перспективы жизни. Поэтому мы должны заботиться о том, чтобы каждый получил как можно лучшую подготовку в соответствии со своими талантами и интересами. Это должно быть выполнением социального требования о том, чтобы ни один молодой человек не потерялся в немецкой системе образования и не остался без подготовки. Именно на фоне демографического развития остается призыв к экономическому разуму. Общество же не может достигать успехов, пренебрегая профессиональной подготовкой подрастающего поколения. Необходимо взаимодействие между образовательными и подготовительными учреждениями.

В сложном мире рынка труда центральное значение приобретают передача и усвоение компетентных навыков, которые дают молодежи возможность творчески преодолевать многослойные проблемы и приспособ-

ливаться к измененным условиям. Именно в переломных процессах молодежи требуется усиленная личная поддержка социальных навыков и творческой ориентации. Для такого образования предоставляются различные способы привязки к центрам Вихерна и Кольпинга, а также соответствующие духу времени дальнейшее развитие их инициатив.

4. *Организационные реформы для экосоциальной рыночной экономики* на мировом уровне являются предпосылкой для выживания нашей цивилизации. Социальная рыночная экономика должна развиваться до глобальных масштабов экосоциальной рыночной экономики. Она изначально формирует все экономические процессы таким образом, что защита окружающего мира и природы осуществляется не только с помощью защитных мероприятий, как фактора ограничения общественного развития, но и определяет ее как цель и интегральную составную часть модели благосостояния. Социальная рыночная экономика использует силу рынков в расчёте на инновации для повышения на порядок производительности ресурсов. Модель экологосоциального рынка могла оказаться одной из важнейших традиций, которые Европа должна привнести в формирование глобализации. В Германии уже в 1985 году церкви высказались за экосоциальную рыночную экономику.

6. Резюме

Под конец я хотел бы еще раз вернуться к антропологическим основам социальной рыночной экономики. Мой основной тезис состоял в том, что она соответствует тройному положению человека, как агрессора, максимизатора выгоды и существа, требующего заботы и поэтому превосходит всякий иной экономический и социальный порядок. В то же время социальная рыночная экономика является полным взвешенным риском свободным порядком, чья шаткое равновесие возможно при наличии достаточной массы культурных, моральных и организационных предпосылок. Гвоздем социальной рыночной экономики является то, что три основные формы взаимодействия, которые лежат в ее основе, одновременно взаимно ограничиваются и дают возможность содействовать.

Чтобы сформировать это политически, необходимо опираясь на категории Аристотелевской теории справедливости, развивать ее дальше:

1. Без социального равновесия конкуренция уничтожает сама себя и становится борьбой с монополизмом за выживание.

2. Однако, справедливо и обратное: Без состязательности и конкуренции забота становится зависимостью и упадком личных инициатив.

3. Подобное характерно и для стремления к выгоде: Оно не только «несоциально» и эгоистично, но и одновременно способствует укреплению мира, потому что индивиды, предприятия и народы объединяются ради своего превосходства и, таким образом, становятся взаимозависимыми и одновременно заинтересованными в благополучии других по рациональным причинам индивидуальных перспектив выгоды.

При проведении тезиса такого антропологического и теоретически справедливого основания социального рынка мы сосредоточились на анализе конкуренции, при которой особенно развиваются агрессивногональные и эгоистически ориентированные на выгоду задатки. Параллельно следовало бы глубже исследовать естественные склонности человека к социальному обеспечению и его развитие в учреждениях социального государства. Склонность человека к социальной ответственности требует сегодня, ввиду актуальных проблем, новых институций для того, чтобы ограничить конкуренцию и остановить социальные риски. Это было бы необходимой составной частью дальнейшего исследования антропологического и теоретически справедливого обоснования социальной рыночной экономики. Я убежден в том, что тайна успеха заложена в антропологической созвучности.

Баланс между конкуренцией, сотрудничеством и солидарностью должен вновь быть достигнут на личном уровне общения людей друг с другом, а так же на организационном уровне положений социальной рыночной экономики. Она являет собой открытый, всегда заново подвергающийся опасности и требующий интеграции порядок.

Литература

1. Amery, C. Global Exit. Die Kirchen und der totale Markt, München, 2002.
2. Aristoteles Nikomachische Ethik, übers. und eingeführt von O. Gigon, München, 1991.
3. Axelrod, R. Die Evolution der Kooperation, 2. Aufl. München, 1991.
4. Deges S. Der ewige Richtungsstreit. Ein Blick in die Geschichte der Sozialen Marktwirtschaft, in: Die Politische Meinung, 3/2008. – S. 31–35.
5. EKD [Evangelische Kirche in Deutschland] Unternehmerisches Handeln in evangelischer Perspektive, Eine Denkschrift, Gütersloh, 2008.
6. Engels, W. Über Freiheit, Gleichheit, Brüderlichkeit. Kritik des Wohlfahrtsstaates, Theorie der Sozialordnung und Utopie der sozialen Marktwirtschaft, Frankfurt a. M., 1985.

7. Gabriel, K. (Hrsg.) Europäische Wohlfahrtsstaatlichkeit. Strukturelle Grundlagen und religiöse Wurzeln (Jahrbuch für Christliche Sozialwissenschaft 46). Münster, 2005.
8. Glück, A. Die Idee der solidarischen Leistungsgesellschaft. Leitidee und Vision der Christlichen Demokratie?, St. Augustin, 2006.
9. Glück, A. Warum wir uns ändern müssen. Wege zu einer zukunftsfähigen Kultur. München, 2010.
10. Hayek, F. Der Wettbewerb als Entdeckungsverfahren. Kiel, 1968.
11. Hayek, F. Recht, Gesetzgebung und Freiheit. Eine neue Darstellung der liberalen Prinzipien der Gerechtigkeit und der politischen Ökonomie. Landsberg, 1981.
12. Initiative Neue Soziale Marktwirtschaft: www.insm.de/insm/Themen.html.
13. Johannes Paul II. Enzyklika «Centésimus annus» (Verlautbarungen des Apostolischen Stuhls 101), hrsg. vom Sekretariat der Deutschen Bischofskonferenz, Bonn, 1991.
14. Kersting, W. Kritik der Gleichheit. Über die Grenzen der Gerechtigkeit und der Moral. Weilerswist, 2005.
15. Kommission Zukunft Soziale Marktwirtschaft. Soziale Marktwirtschaft – Ordnung ohne Alternative. Abschlussbericht vom 14.07.2009. München.
16. Korff, W. Norm und Sittlichkeit. Untersuchungen zur Logik der normativen Vernunft, Freiburg/München, 1985.
17. Korff, W. Unternehmensethik und marktwirtschaftliche Ordnung, in: Zeitschrift Interne Revision 1/1992. 1992. – S. 1–16.
18. Korff, W. (Hrsg.) Handbuch der Wirtschaftsethik, vier Bände, 2. Aufl. Gütersloh, 2010.
19. Lehmann Karl Kardinal: Mensch und Markt. Rheinischer Merkur, Anfang Oktober 2008. – S. 12.
20. Marktwirtschaft, in: Die Politische Meinung 3/2008, – S. 31–35.
21. Mandeville, B. Die Bienenfabel oder private Laster als gesellschaftliche Vorteile, hrsg. v. G. Walch, München [Erstv. 1732], 1988.
22. Müller-Armack, A. Genealogie der Sozialen Marktwirtschaft. Bern, 1976.
23. Papier, H.-J. Wirtschaftsordnung und Grundgesetz, in: APuZ 13/2007. – S. 3–9.
24. Päpstlicher Rat für Gerechtigkeit und Frieden Kompendium der Soziallehre der Kirche, Freiburg, 2006.
25. Pies I. Normative Institutionenökonomik. Tübingen, 1993.

26. Schramm, M./Große-Kracht, H.-J. /Kostka, U. (Hrsg.) *Der fraglich gewordene Sozialstaat: Aktuelle Streitfelder – ethische Grundlagenprobleme*, Paderborn, 2006.
27. Schumpeter, J. *Kapitalismus, Sozialismus und Demokratie*. 5. Aufl. München [Erstv.öffentl.: *Capitalism, Socialism and Democracy*, New York 1942]. 1980.
28. Smith, A. *Der Wohlstand der Nationen. Untersuchungen über seine Natur und seine Ursachen*. 4. Aufl. München [Erstv.: 1776], 1988.
29. Stern, N.: *The economics of climate change*, Cambridge a. o. UNDP [United Nations Development Programme] (2007): *Human Development Report 2007/2008. Fighting climate change: Human solidarity in a divided world*. New York, 2007.
29. Thomas von Aquin *Theologische Summe II-II, quaestio 57–79 (Recht und Gerechtigkeit)*, vollst. überarb. u. hrsg. von A. F. Utz, Bonn, 1987;
30. Vogt, M. *Sozialdarwinismus. Wissenschaftstheoretische, politische und theologisch-ethische Aspekte der Evolutionstheorie*, Freiburg/Basel/Wien, 1997.
31. Vogt, M. *Soziale Interaktion und Gerechtigkeit*, in: W. Korff (Hrsg.): *Handbuch der Wirtschaftsethik*, Gütersloh 1999, Bd. I. 1999. – S. 284–309.
32. Vogt, M. *Markt und Moral. Sozialethische Zwischenrufe zu einer Ethik des Wettbewerbs*, in: *Schweizer Kirchenzeitung* 4/2008, 48–50, und 5/2008a. – S. 70–77.
33. Vogt, M. *Sozialstaatsgebot, Subsidiarität und Selbstverantwortung*, in: *vbw/VBM/BayME (Hrsg.), Einsichten schaffen Aussichten. Die Zukunft der Sozialen Marktwirtschaft*, Köln 2008b. – S. 74–83.
34. Walzer, M. *Sphären der Gerechtigkeit. Ein Plädoyer für Gleichheit und Pluralität*, übers. v. H. Herkommer, Frankfurt/M., 1992.
35. Wickler, W./Seibt, U. *Das Prinzip Eigennutz. Zur Evolution sozialen Verhaltens*, München, 1991.
36. *ZdK – Zentralkomitee der deutschen Katholiken Mut zur Zukunft – Verantwortung des Einzelnen und des Sozialstaates angesichts neuer Risiken*, Bonn, 2007.
37. Vgl. <http://www.insm.de/insm/Themen.html>.
38. Vgl.: www.welt.de/wirtschaft/article2078604/Glaube_an_soziale_Marktwirtschaft_schwindet.html.

УДК 37:304.444

О роли этики в программе «Образование в интересах устойчивого развития»

В мире существует множество политических решений и программ на тему образования в интересах устойчивого развития. В этом контексте вопрос отношения образования и этики является особенно важным и неоднозначным: во многих обращениях понятие «образование в интересах устойчивого развития» формулируется как распространение требований к образованию на моральную, практическую и политическую сферы. Устойчивое развитие в общественно-политической дискуссии рассматривается как обобщенное понятие всех аспектов – от справедливости и борьбы с бедностью, ответственности за состояние окружающей среды и будущего до участия гражданского общества в принятии решений и вклада в сохранение мира. Если все эти амбициозные цели должны достигаться при содействии педагогики, то происходит предварительное программирование неопределенной сверхзадачи и использования образования для достижения этико-политических целей.

Необходимо, напротив, изменить перспективу: не представляется возможным рациональная разработка концепции образования в интересах устойчивого развития с использованием педагогики для достижения неопределенно достойной цели устойчивого развития. Рациональнее было бы спросить: чем эта концепция способствует методическим и смысловым инновациям образования?

Образование является не средством реализации намеченных целей, а средой их обсуждения. При этом ставшее проблематичным отношение к природе и будущему глобально-структурированного общества ведет к новым акцентам в понимании образования. Образование в интересах устойчивого развития не нацелено на морализацию педагогики путем привнесенных извне заданий, его целью является новое содержание образования, как пространства для культурного самоопределения. Чтобы моральные и политические требования к образованию в интересах устойчивого развития не ставили неопределенных сверхзадач, необходимо уточнение и ограничение программы в контексте отношений этики и образования. Не существует «этики образования» в смысле методически критического переосмысления этих отношений. Именно такую постановку вопроса мне хотелось бы в дальнейшем рассмотреть в три этапа:

1. Декада ООН по «образованию для устойчивого развития».
2. Этапы обучения и сферы деятельности образования в интересах устойчивого развития.
3. Выводы с учетом отношений этики и образования для устойчивого развития.

1. Декада ООН по образованию для устойчивого развития

1.1. Перспектива: Политические заявления об «Образовании в интересах устойчивого развития»

Образование для устойчивого развития рассматривается как нормативная образовательная концепция, которая берет свое начало на конференции ЮНЕСКО в Тбилиси (1977 г.), а также на Конференции ООН в Рио-Жанейро по вопросам защиты окружающей среды и развитию (1992 г.), и закреплена в многочисленных национальных и международных документах. Организация Объединенных Наций провозгласила десятилетие с 2005 по 2014 гг. всемирной Декадой по образованию в интересах устойчивого развития. Правительство Германии приняло разработанный федеральным министерством образования и научных исследований план мероприятий «Образование в интересах устойчивого развития». Так как развитие происходит чрезвычайно быстро, предлагается для получения информации использовать интернет-сайты: www.bmbf.de/dc/3840.php; www.dekade.org (Декада- ООН «Образование с целью устойчивого развития»)(BNE); www.bne.de (официальный немецкий интернет-портал для BNE); www.transfer-21.de (Programm «Transfer 21»! des BMBF zur BNE). Почти тысяча страниц масштабной рукописи, содержащей обширную информацию, предлагается также в источнике [33].

Целью декады является фиксирование во всех сферах образования модели устойчивого развития, которая ставит вопрос об отношении современного общества к природе в контексте борьбы с бедностью, обеспечения благосостояния и культурной идентичности. «Декада призвана предоставить всем людям шанс на получение образования, что позволит им приобрести знания и определить жизненные ценности, а также узнать о поведении и образе жизни, необходимых для создания жизнеспособного в будущем общества» (www.bmbf.de/dc/3840.php, o. S.). Признаком сформированного понятия образования является единство знаний, ценностей и поведения. Центральное положение программы – усиленная интеграция этики в такую концепцию образования, в которой познавательные, эмоциональные и практические навыки тесно связаны с нормативной перспективой.

• Модель устойчивого развития действует с момента проведения Конференции ООН «Окружающая среда и развитие» в Рио-де-Жанейро (1992 г.) в качестве рамок деятельности для новой глобальной перспективы развития, которая охватывает экологический, экономический, социальный и культурный аспекты. Большое значение образования для реализации модели устойчивого развития имеет международный консенсус: в 1992 г. возникла потребность в «Повестке дня на XXI век» (Agenda 21), плане, принятом ООН в Рио-де-Жанейро как программа действий на XXI век, следствием которой стала «Перестройка образования в интересах устойчивого развития» (Раздел 36: Содействие школьному образованию, общественному сознанию и профессиональному образованию и повышению квалификации; BMU 1992, 262-267; ср. и SRU 1994, Nr. 404-440).

Экологическое образование должно стать частью общей концепции и быть трансформировано в образование в интересах устойчивого развития. Оно, в свою очередь, объединит вопросы охраны природы и окружающей среды с вопросами международной справедливости, экономического развития, а также основополагающих ценностей культурного и индивидуального образа жизни. Правительства почти всех стран подписали документ, названный «Повестка дня на XXI век» и, тем самым, поддержали интеграцию основных вопросов охраны окружающей среды и развития во все сферы образования. Спустя десять лет, на всемирной встрече на высшем уровне в Йоханнесбурге (2002) еще раз настоятельно был подтвержден высокий статус образования в интересах устойчивого развития. Ассамблеей Организации Объединенных Наций было принято решение о «Декаде по образованию в интересах устойчивого развития». Английское название «Education for sustainable development» содержит более точное, чем в немецком языке, значение понятия «Образования», включающее в себя также этико-моральный аспект (название программы следовало бы перевести как «Образование и воспитание в интересах устойчивого развития»).

Программа действий Всемирной Декады по образованию в интересах устойчивого развития предполагает участие всех возрастных категорий в системе национального воспитания и образования. Она интегрирует также концепции экологического образования, глобального обучения, обучения правам человека и принципам межкультурного обучения. Ключевыми аспектами для построения устойчиво развивающегося общества являются: дальновидное мышление, междисциплинарная работа, открытость для межкультурного взаимопонимания и сотрудничества, умение планировать, формулировать мотивацию и реализовывать намеченное, а также способность к сопереживанию, сочувствию и солидарности (межфедеральная комиссия Германии, согласно учению Герхарда де Хаана, разработала соответствующую программу для немецких школ [4; 13; 51]).

В Германии Декада образования в интересах устойчивого развития проходит при содействии Министерства образования и научных исследований (BMBF). Президент Хорст Кёлер взял ее реализацию в Германии под свою опеку. От имени и при поддержке данного министерства (BMBF) деятельность координирует немецкая комиссия ЮНЕСКО. Для этого создан Национальный комитет, который способствует согласованию назначения политических фигур и привлечению к этому процессу гражданского общества. В Национальном комитете представлены федеральные министерства, Бундестаг, земли, неправительственные организации, СМИ, частный сектор, представители науки. Разработан национальный план действий по реализации Декады в Германии, который определил стратегические цели и предложил образовательно-политические мероприятия для долгосрочной интеграции модели устойчивого развития в систему образования. Экспериментальная программа данной модели названа «Трансфер 21» («Transfer 21») BMBF. Она предполагает объединение научных исследований и образования и располагает бюджетом в 800 млн евро. Немецкий национальный комитет по образованию в интересах устойчивого развития организовал «круглый стол», где было предложено около 100 инициатив в сфере образования. Ежегодное проведение этого форума способствует их реализации посредством деятельности постоянных рабочих групп. Для открытого и мотивированного содействия результативной практике учрежден Национальный комитет «Официальные немецкие проекты Декады ООН» (в 2005 г. зафиксировано уже свыше 200 проектов, некоторые из них осуществляются церквями).

Весной 2005 Европейская экономическая комиссия ООН (United Nations Economic Commission for Europe [UNECE]) приняла наиболее амбициозную программу действий для образования с целью устойчивого развития [45]. Стратегия ЕЭК предполагает интеграцию концепции образования в интересах устойчивого развития во все соответствующие дисциплины официальных и неофициальных систем образования стран-участников. В качестве цели определено вооружение людей знаниями о навыках обеспечения здоровой, полноценной жизни в гармонии с природой с учетом социальных ценностей, гендерного равенства и культурного разнообразия. В целом, программа даже перегружена перечнем почти всех возможных навыков (ср. Особенно Nr. 15 Заключительная декларация европейских министерств экологии и образования в кооперации с экономическим и социальным советом ООН от 23.3.2005). Расширение понятия образования, а также его концепции экономических, экологических и социальных целей кажется мне крайне проблематичным. Уже в «Повестке дня на XXI век» содержится идеалистически расширенное понятие образования: оно определяется как «процесс, при помощи которого люди, являясь одновременно индивидуумами и частью общества, могли бы в полной мере реализовать свой потенциал» [1; 9. S. 261; глава 36.3].

1.2. Трансформации: Является ли образование в интересах устойчивого развития суммарным результатом развивающегося политического и экологического образования?

Исторически сложилось так, что концепция образования в интересах устойчивого развития возникла в результате слияния экологического образования и образования, ориентированного на развитие. Это соответствует созданию модели устойчивого развития посредством объединения программ ООН по вопросам экологии и развития, что не снимает остроты противоречий между экологией и экономикой, однако, с учетом взаимозависимости обеих сфер, она трансформировалась в их продуктивные отношения: охрана окружающей среды все чаще признается условием долгосрочной экономической продуктивности, что, в свою очередь, также является предпосылкой эффективного использования постоянно сокращающихся природных ресурсов. Борьба с бедностью и меры экологической профилактики могут осуществляться только в том случае, если они стратегически связаны между собой.

Вследствие чего возникает новое понимание понятий развития и благосостояния, затрагивающих этический фундамент современности, и, тем самым, концепцию образования, науки и прогресса. Поэтому формула «образование в интересах устойчивого развития = экологическое образование + развивающееся политическое образование» является изначально исключительно правильной. Однако, она не предлагает еще точного понимания предмета, которое возникает в результате существенной трансформации понятия, заложенного в его корнях. Устойчивое развитие отражает поворот в развивающихся политических и экологических альтернативных дискуссиях о сценариях модернизации. На этой основе происходит развитие образования в интересах устойчивого развития, полем деятельности которого с середины 1990 годов является образовательный процесс в Германии. Напряженность между политическим и экологическим началами, находящимися в процессе развития, до сегодняшнего дня оказывает влияние на дискуссии по вопросам концепции образования в интересах устойчивого развития. Сценарий модернизации нацелен не просто на баланс этих двух элементов, а на их систематическую интеграцию.

«В концепции образования для устойчивого развития речь идет о том, чтобы изучать некоторые из креативных решений, которые способны одновременно сделать возможным экономическое процветание и обеспечить охрану природы; речь идет о знаниях для развития инновационных ресурсосберегающих технологий, о новых формах политики, в которых особый приоритет принадлежит гражданской активности; речь идет о размышлениях по поводу нового образа жизни, который предполагает здоровье, удовлетворенность жизнью и

внимательное отношение к природе, учитывая при этом интересы других людей; речь идет о принятии возможности перспективы для других людей, из других стран, об инициативах для осуществления свободной торговли и новых форм всемирного сотрудничества» [15]. Распространенным заблуждением в интерпретации понятия «устойчивое развитие» является толкование концепции, так называемых «трех китов», объединяющей политические, экономические и экологические цели, которые находятся в постоянном процессе развития. В этом случае, не остается ничего, к чему можно было бы применить определение «устойчивый». Понятие «устойчивое развитие» должно быть обозначено более конкретно: речь идет об отношении к природе в контексте борьбы с бедностью и обеспечения благосостояния, о пересечении множества компонентов, а не о сумме трех основных из них: экономики, экологии и социальном обеспечении. Это заблуждение является одной из главных причин неэффективного «бремени» концепции образования в интересах устойчивого развития.

Так в различных доктринах Организации экономического сотрудничества и развития и Организации Объединенных наций их программными элементами названы воспитание в духе мира, обучение правам человека, мобильность воспитания или гражданское образование по вопросу продовольственной безопасности, гендерность и борьба со СПИДом.

Такой подход, на мой взгляд, только тогда можно считать обоснованным, когда происходит не простое перечисление многообразия тем, а они рассматриваются в аналитической взаимосвязи. Кто не ограничивает понятие устойчивого развития таким образом, делает его синонимом общего всемирного улучшения, из-за чего, по законам логики, количество имеет тенденцию к бесконечности, а содержание стремится к нулю. «Искать пути устойчивого развития, означает всегда рассматривать социальные, экономические и культурные вопросы во взаимосвязи с экологическими вопросами. Только интегрированное мышление посредством заложения теоретического фундамента может привести к тому, что отдельные выбранные проекты станут убедительными наглядными примерами, и общее заявление станет более веским. Речь идет не об объединении большого числа хороших идей, а о коммуникации взаимосвязанных идей» [42. S. 785].

Герхард де Хаан предлагает относиться к проблеме «бремени» концепции образования в интересах устойчивого развития с учетом специфических национальных проявлений, соответствующих каким-либо приоритетам и контекстам [15. S. 7]. Это является правильным и полезным, но не затрагивает сути проблем: говоря об образовании в интересах устойчивого развития, не имеется в виду, в первую очередь, объединение развивающегося политического и экологического образования со всеми относящимися к нему аспектами, а во главу угла ставится самоанализ, содействие и опыт

навыков в преодолении проблем развития современного общества в смысле его неблагоприятного отношения к природе. Значение концепции устойчивого развития для образования состоит прежде всего, в том, что вопросы экологического образования и глобального обучения становятся «методами модернизации автомобиля» [15. S. 151–160]. Они не должны оставаться пустым дополнением, а призваны дидактически и организационно пронизывать общую концепцию содержания образования. Этого можно достичь в том случае, когда устойчивое развитие будет рассматриваться не как дополнительный учебный материал, а как новые перспективы для пересмотра и методической разработки традиционно воспринимаемого содержания активности, распространения и актуальности действий.

Образование и воспитание с целью устойчивого развития могут быть реализованы исключительно при их конструктивной реакции на возникающие потребности, недостатки и возможности развития в системе образования, а также способности интегрироваться и присоединяться не только к специфическим экологическим темам. Образование в интересах устойчивого развития нацелено не на наполнение образования экологическим и развивающимся политическим содержанием, а на новый способ мышления, а также на изменившиеся ориентиры при выборе, разработке и приведении в соответствие педагогических концепций (Штодденберг 2005). Следовательно, образование с целью устойчивого развития – это гораздо больше, чем простое сочетание развивающихся политических и экологических сфер компетенции.

1.3. Взаимосвязи: образование как основа свободного развития

Вектор общественного развития, направленный на масштаб устойчивого развития, требует комплексных процессов ориентирования и обучения. Потому как все технические оптимизации и структурно-политические мероприятия останутся в дальнейшем безуспешными, если они не будут опираться на субъективную готовность людей к их реализации и активному участию в достижении поставленных целей [40. S. 404–408].

Необходим основополагающий процесс формирования сознания с учетом общественного отношения к природе и глобальных долгосрочных последствий цивилизационного развития. Содействие такому сознанию, как и опыт соответствующих навыков деятельности, является решающим элементом превентивной борьбы с бедностью и профилактики защиты окружающей среды. Поэтому образование является сердцевинной устойчивого развития. Устойчивое развитие способствует креативности и, соответственно, лишь частично оформлено юридически.

Поэтому модель может проявлять свое воздействие на общество, в первую очередь, не по указанию «сверху», осуществляемого посредством юридических предписаний, а в значительной степени быть результатом инициатив гражданского общества и предпринимателей «снизу». Способность к этому требует интенсивных образовательных процессов.

Обучение – ключ к решению проблем глобализации. Если не будет возможным активное участие и доступ к базовым ресурсам образования бедных слоев населения, то борьба с бедностью, обозначенная как главная цель всей политики развития, обречена. [35] Именно в развивающихся странах, в которых бедственное положение обусловлено структурно-политическими причинами: распадом государств, коррупцией и серьезными общественными потрясениями, образование должно быть одновременно и политическим процессом, чтобы справиться с насущными жизненными проблемами. Ключ к переходу от поддержки извне, которая скорее усиливается в период зависимости, до возможности проявления личной инициативы и самопомощи находится в объединении целей развития политического образования [35. S. 50].

Оценка благосостояния, развития и справедливости количеством имеющихся в распоряжении товаров свидетельствует о несовершенстве информационной базы; в этом случае не учитываются решающие детерминанты, такие как функционирующая общественная коммуникация, демократия или культура. [39. S. 297–334]. Эти детерминанты долгосрочные, но часто они являются более убедительными индикаторами развития благосостояния, чем показатели наличия товаров. Именно они часто напрямую связаны с образованием. Поэтому степень грамотности, широкомаштабного политического образования или общественного участия – и есть ключ к обеспечению долгосрочного благосостояния. Этот, так называемый, смкий подход («Scarcity-Ansatz») Амартия показывает существенные структурные параллели концепции образования в интересах устойчивого развития. Перед лицом все возрастающего преобладания экологических причин бедности образование с целью устойчивого развития является необходимой основой борьбы с бедностью и целостного, свободного и ориентированного на потребности человека развития. Это запланировано в качестве центрального требования в энциклике Павла VI «О развитии народов» («Populorum progressio») (Nr. 6–11).

Если в центре внимания развития должно стоять содействие человеческой свободе и самоопределению, то следствием должен являться подход, ориентированный на образование. Потому как образованию в католическом социальном учении долгое время не уделялось должного внимания, в энциклике Папы римского Иоанна Павла II «Сотый год» (*Centesimus annus*) поставлены новые акценты: технические знания и навыки названы

решающими производительными силами, которые сегодня более важны, чем физический капитал и рабочая сила (№. 54). Доступ к получению образования играет центральную роль в экономическом развитии (№. 33). Узкое место экономического аспекта концепции развития ликвидировано. В рамках дискуссии об устойчивом развитии этот образовательный процесс в культурном, религиозном и социальном аспектах рассматривается критически и с точки зрения концепции «человек-экология». В социально-этическом смысле образование, прежде всего, вопрос справедливости и причастности к культуре. Собственно, для осуществления процесса развития образование является не только показателем, но, в то же время, достоинством. Оно – самоцель и одновременно ключ ко всем сферам общественного развития.

2. Шаги обучения и сферы деятельности образования в интересах устойчивого развития

2.1. Методические рекомендательные заметки: дидактические барьеры образования в интересах устойчивого развития

Классическое разделение тем на экологические и политические не дает желаемого результата. Не существует недостатка в политических заявлениях, инициативах или программах о намерениях развития и охране окружающей среды, но между требованием и реальностью лежит огромная пропасть. На практике многие педагоги скорее остаются беспомощными перед требованием разъяснения распоряжений, формирующих мнение о ценностях и содержании деятельности.

Для изменения ситуации в школьном образовании были определены следующие слабые моменты, на которые следует обратить внимание: оторванные от реальности предписания, относящиеся к учебным планам предметов и устаревшие концепция обучения, ее методы и фиксированные организационные структуры, недостаточная квалификация учителей, уход в нереальные альтернативные концепции, переизбыток информации из-за недостаточного согласования вопросов о приоритетах и недостаток параллельных научных исследований по психологии гарантированного обучения формам передачи знаний [14; 48. S. 162–168].

Образование в интересах устойчивого развития обречено на неудачу, если оно восполняет пробелы структурных недостатков современного обучения вместо того, чтобы методически способствовать их устранению. Зачастую дети и учащиеся воспринимаются в школах как простые потребители знаний. Их способности и потенциальные возможности, являющиеся фундаментом образования, часто остаются нераскрытыми (Beck 2005, 50). Изначально они приходят как существа, требующие поучительного воспи-

тания. Педагогика является успешной лишь тогда, когда она распознает имеющиеся способности и развивает их. Когда познавательные, эмоциональные, прикладные и моральные способности рассматриваются в их взаимосвязи, тогда становится возможным обращение с учащимся, как с личностью, и поддержка его действий [5]. Основой личности, с точки зрения устойчивого развития, является способность оценивать последствия своих действий и нести за них ответственность. Теоретическая основа может быть усилена занятиями по этике для образования и воспитания в интересах устойчивого развития. Только этого недостаточно: во всех аспектах когнитивная передача знаний и анализ поставленных вопросов должны быть объединены системой.

Для достижения действительных изменений поведения, в сравнении с традиционной передачей знаний, решающее значение имеют предлагаемые модели поведения, стимулирование действий и примеры реакции на последствия действий участвующих в них лиц. Важны также дидактические методы, обращенные к повседневному поведению людей, исполняющих различные культурные и социальные роли в школе, на работе, в быту, а также в свободное от занятий время. Во всем должны быть определены реальные границы обучения. Не следует предъявлять безнадежно завышенные требования по экологическому воспитанию. Оно должно рассматриваться лишь как информационная составляющая в широкомасштабных семейных и общественных процессах обучения и формирования личности, как один из элементов многослойной структуры факторов влияния на экологически благоприятное поведение. Следует четко понимать, что формальные процессы образования могут быть лишь небольшим вкладом в формирование этики человека. Успех целостного, морального учебного процесса во многом зависит от того, удастся ли спроецировать его на окружающий мир жизни учащегося. Суть процесса образования должна быть во многом узнаваема при соответствующей адаптации рамочных условий. Именно в этическом процессе обучения решающим является создание пространства для личных отношений между обучаемым и тем, кто обучает. Образование не должно базироваться только на сфере познания. Потому как знания, не имеющие этической и эмоциональной основы, часто быстро забываются и во многом являются бессмысленными [22].

Образование в интересах устойчивого развития должно проявляться в наглядных изменениях поведения. Оно – неотъемлемая часть современного образования, именно поэтому не должно быть нацелено на непосредственный, сиюминутный успех. Распространение экологических и политических знаний также не должно быть основной целью. Речь идет о том, чтобы отфильтровать и достоверно донести правильные и необходимые для жизни знания. Понятие образования в интересах устойчивого развития

изначально определяется не конкретными темами, а путем нахождения «генеративных тем», которые являются жизненно важными для подрастающего поколения. Образование в интересах устойчивого развития может действовать как «методика модернизации автомобиля» (De Haan) и стимулировать применение этических и эмпирических аспектов в процессе образования, а также служить предметом критического осуждения понимания науки, экономики, развития. Структурная общность этики и педагогики состоит в том, что в обеих дисциплинах относительно легко определить общее содержание, однако тяжело его передать.

В данном контексте дидактика является решающей сферой деятельности для образования с этическими требованиями. При этом речь идет изначально о решении трех проблем: 1. Мотивации: не скучать, а пробуждать интерес. 2. Элементаризации: сложные взаимосвязи представлять простыми понятными средствами, не изменяя при этом их сути. 3. Привлечение: делать учащихся способными думать и действовать. Эти три задачи следует рассмотреть более подробно с точки зрения шансов, методов и рамок образования и воспитания в интересах устойчивого развития. Согласно учению Песталоцци, эти три шага представлены в аналогичной последовательности как учение сердцем, головой и руками: «сердце», в данном случае, тождественно понятию эмоций и интереса, который должен возникнуть в будущем; «голова» – понимание взаимосвязей, которые в дальнейшем сначала будут структурно тематизированы: «руки» – репрезентует анализируемый опыт применения навыков действий в индивидуальном и общественном контекстах, которые применяются не только в качестве дополнительных, но и воспринимаются как конструктивная часть процесса обучения.

2.2. Естественный опыт: исходные пункты экспериментальной педагогики и методы дидактической корреляции

Исходным пунктом образования в интересах устойчивого развития может быть ориентированная на опыт, осмысленно-эстетическая передача радости от общения с природой. Демонстрация угрожающих экологических сценариев и политических обвинений, которые доминировали в педагогике устрашения 1970-х годов (применение которой практикуется до сегодняшнего дня) напротив, как правило, не может быть подходящей основой для дальнейшего процесса обучения. Будущее экологического и политического образования зависит от того, произойдет ли поворот к созданию положительно мотивированных моделей. Для политической этики решающим является то, что страны южного полушария представлены не только как объекты сожаления и возможной гуманитарной помощи, потому как на политическом и практическом уровне это часто ведет только к

усилению зависимости. Уже обычное обозначение «развивающиеся страны» или «страны третьего мира» подразумевает неполноценное восприятие, которое в одностороннем порядке представляет промышленно развитые страны в качестве образца, унижая, на основании этого сравнения, жителей южных стран. Вместо этого политическое образование должно способствовать уважительному отношению и содействовать культурному, социальному, экономическому и экологическому единству. Знакомство с культурами других народов является, таким образом, взаимным процессом обучения.

Экологические вопросы именно в высокотехнологичном и урбанистическом мире важны для решения задач воспитания и образования, восприятия уникальности, красоты и многообразия природы. Для этого в равной степени значимым является естественный опыт ближайшего окружения, раскрытие содержания, эстетические подходы, бережное отношение к традициям, которые знакомят со сменой времен года и составляющими природы, вызывая ощущение радости от узнаваемого. При этом природа не должна быть представлена только как идиллическая модель: так называемый «бемби-синдром» («Bamby-Syndrom») [7. S. 40–46] является выражением отчужденности от природы и на практике ведет к тому, что природа в умах многих детей и подростков в Германии предстает как объект заботы и при гипербализованном представлении о необходимости ее защиты скорее прелятирует практическим, живым, естественным отношениям с природой. В противовес этому, очень важно, чтобы жесткость и эволюционная жизненная конфронтация в природе и с природой, а так же экологические разрушения, находили свое отражение в лексике и наглядных пособиях. Отсюда когнитивный анализ понятия «природа» и его отношения к культуре и технике является важной основой цельного устойчивого образования.

Нередко экологическое и политическое образование не достигает своих целей по причине выбора подхода морализации, чрезмерно культивирующего угрызения совести. Политика развития и экологии не должна преждевременно превращаться в вопрос убеждения. В спорных вопросах (напр. о роли рынков, атомной энергии, концепции мобильности) наиболее откровенно представлены различные примеры интерпретаций и прогнозов. В первую очередь надо стремиться к дальновидности в правильной оценке проблем. Это предполагает корректность при проведении дискуссий об экологических катастрофах и критических обвинениях в глобализации. Экологическое воспитание и политическое образование не должно быть нацелено только на эмоциональное и моральное потрясение, а в первую очередь стремиться к передаче знаний и знакомству с природой, а так же представлять дифференцированное мнение о других культурах и формах общественного устройства.

В настоящее время в религиозной педагогике осуществлено положительное применение индуктивных методик опыта деятельности и экологического образования. В дальнейшем представленные концепции должно концентрироваться на аспектах педагогического опыта, учитывающего отношение к природе. Можно было бы во многом провести аналогию с учетом дальнейшего развития педагогически развивающегося образования (напр. через «Exposer-просекты, направленные на соприкосновение и опыт другой культуры»). Развитие этой темы не является целесообразным.

Основные метафоры веры раскрываются на личном и общественном опыте (напр. свет/тьма на основании опыта нахождения в пещерах или страх/неуверенность/поддержка на основании опыта катания на лодке;) [18. S. 4–9]. Важным элементом при этом является обучение сознанию, которое позволяет внимательно воспринимать природу в ее восхитительной красоте, многообразии и динамике. Опыт общения с природой может открыть новый подход к библейским метафорам и литургико-ритуальным формам. Развитию навыков символизации и обращения с метафорами могут способствовать религиозно-педагогические корреляционные модели, которые заключены в библейских текстах и эмпирически обучающих методах.

Восхищение общением с природой – это часть и выражение того, что Герхард Шульце охарактеризовал как «эмпирическое общество». Сам опыт становится способом познания смысла и ориентиром стиля жизни, определяемого «категорическим императивом: Живи своей жизнью!» [38]. Перед лицом многочисленных ситуаций опыта отчуждения, который ассоциируется с урбанистической цивилизацией, радужное разнообразие педагогических и общественных идей о реформах объединяется с ностальгией по природе. Так выездные занятия спортом, такие как скалолазание, плавание на каяках или дайвинг, обещающие незабываемые приключения в общении с природой и приносящие личный опыт, стали ведущими модными трендами в Германии и многих других странах. Ностальгия по природе даже сама по себе амбивалентна: при этом природа является отчасти лишь фоном для повышения интереса, который, по сути, мало что привнесет в этический и экологический процесс обучения. Недостаток эмпирических навыков компенсируется принципом постоянного увеличения их количества. В отличие от этого следует рассмотреть поближе понятия личного участия и опыта, которые имеют центральное значение в «эмпирическом обществе» [38]

Опыт – это активный процесс, который несет в себе отпечаток субъективных ожиданий и культурных, индивидуальных и спонтанных моделей восприятия и интерпретации. Первичными данными «опыта являются не данные экспериментов или замеров, а единицы значения» [20]. Способ общения человека с миром состоит из «символических форм»: он живет в симво-

лической вселенной, являясь символическим живым организмом «animal symbolicum» [10]. Независимо от того, что каждый из нас постоянно приобретает все больше опыта, задание обучения навыкам личного участия и опыта, остается педагогической задачей. Ее составляющие: обучение пониманию значения, вниманию и концентрации, сопереживанию (эмпатии) естественной окружающей среде, способности вербального выражения своих мыслей для сообщения информации о собственном опыте. Вторая ключевая задача обучения, возникающая из идеи общения с природой, касается опыта отношений природы и личности: Герменевтическая рефлексия опыта общения с природой показывает неразрывное единство содержания пережитого и чувства сопричастности и именно через экзистенциальную основу опыта и его границ открывает человеку новое чувство собственного достоинства и в педагогическом смысле может активно способствовать развитию личности [21].

Для тренировки ответственного обращения с природой детям и молодежи в первую очередь не хватает не информации, а опыта, непосредственного общения с животными, растениями и естественной средой обитания. «Экологическое воспитание, как никакая другая тема, требует обучения путем открытий. Никакая, даже самая лучшая книга по экологии, не может заменить личный опыт и познание. Ученики получают неоценимые знания, когда они лично исследуют воду, почву или воздух,» – сказано в материалах Государственного института школьной педагогики и исследований в области образования, г. Мюнхен [41]. «Непосредственный опыт общения с природой» представляет собой внутренний круг структуры целей и элементов экологического образования [41]. Время для личного опыта общения с природой» и игры на природе [41] являются неотъемлемой частью мотивационной основы образования для эмоционального восприятия.

Основой экологического обучающего процесса являются: восприятие природы во всей ее красоте и разнообразии, радость от общения с ней, проявление эволюционных условий, ознакомление с понятием ее периодичности [6; 11; 49]. К этому списку относится и обучение сути и восприятия собственного тела, природы в нас самих, телесно-душевного единства с природой для того, чтобы она не воспринималась как отдельный, противостоящий человеку объект. С теологической точки зрения это – основополагающая сфера познания теологии Творения и антропологии, но, ни в коем случае не только вопросов экологического образования в контексте ориентированной отраслевой, прикладной этики.

Программа реформ образования ориентирована на категорию природы с тем, чтобы образование не воспринималось как дрессура, наполненная общественными соглашениями и имеющая одностороннюю когнитивную направленность на достижения баланса во всех смыслах посредством обучения на основе опыта в экспериментальном пространстве, которое пре-

доставляется учащимся в пользование, как непосредственный пример взаимосвязей жизни [44]. Именно с точки зрения этического процесса обучения, личный опыт является субстанциальным, потому как нельзя быть обученным ответственности, его нужно овладеть лично.

2.3. Структура: природно-философская основа устойчивого развития и ее методологические выводы для межпредметного образования

Вторым субстанциальным шагом модели образования, ориентированной на устойчивое развитие, является способность думать о взаимосвязях и познавать многообразие взаимодействия между экономико-технической, экологической и социокультурной сферами деятельности («структурное мышление», «социальные сети») [40. Nr. 31–49; 48. S. 150–154; 33]. Такой интегративный способ мышления и есть основное содержание модели устойчивого развития, как естественно-философского (природа, как сложная структурная система), так и политико-стратегического видения (соблюдение перекрестных корреляций). Это условие познания с одной стороны основной, пронизывающей все аспекты современного общества экологической и политической проблематики, с другой стороны – способ избежать абсолютизации и изоляции экологических и политических перспектив.

Таким образом, политические и экологические проблемы являются исходным пунктом для нового осмысления основополагающих вопросов о формах общественной жизни, экономики, а также справедливости и долгосрочных перспектив нашей культуры. Тем самым, основные этические проблемы становятся ближе практически ко всем областям науки. Одновременно это является методологическим требованием подходов, которые более ориентированы на междисциплинарные структурные взаимосвязи. Востребованным представляется сбалансированное распределение естественных и духовно-научных перспектив, а также аналитических методов и этических навыков оценивания. Ключевая характеристика устойчивого развития – это не только понимание сути экологических проблем, но и их привязка соответственно к духовно-историческим, социально-экономическим и политико-структурным условиям нового времени. Это требование обязательно для выполнения. Оно предполагает высокие педагогические способности, которые позволяют упрощать сложные взаимосвязи таким образом, что они представляются одновременно целесообразными и целенаправленными.

Насколько важен аспект структуры для того, чтобы образование в интересах устойчивого развития не превратилось в беспорядочную смесь актуальных политических и экосоциальных тем, может пояснить обращение к «Гамбургской декларации», которую приняла Немецкая комиссия ЮНЕСКО в 2003 году. В ней предлагаются следующие десять тем года для

Декады ООН по вопросам образования в интересах устойчивого развития: здоровье и качество жизни; потребительское поведение и устойчивая экономика; культурное разнообразие; обеспечение водой и электроэнергией; биосферные заповедники, как места обучения; объекты всемирного культурного наследия, как объекты обучения; устойчивое развитие обучения в просвещённом обществе; участие граждан или эффективное управление «good governance»; борьба с бедностью посредством проектов устойчивого развития; справедливость в отношениях между поколениями; права человека; этическая ориентация. Все эти темы, несомненно, важны. Сами по себе они выглядят как относительно произвольное перечисление отдельных пунктов содержания политического образования, которые могли бы дать повод для его общего усиления, но никак не претендовать на роль адекватного материала для всемирной декады по вопросам образования. Без этого концептуальная основа пересмотра модели понимания сути образования, как структурного мышления, осуществляемого посредством систематического взаимодействия и этического содержания, останется только общей и скорее бессодержательной, потому что не является специфическим импульсом для усиления политического образования с глобальным и эосоциальным аспектом [17].

Новый импульс, источником которого является концепция устойчивого развития, состоит в систематическом учете экологических и социальных перекрестных корреляций. С педагогической точки зрения необходима более интенсивная тематическая совместная работа при изучении смежных предметов. Кроме междисциплинарной структуры университетских исследований важными дискуссионными форумами для междисциплинарного диалога об этических аспектах дальнейшего развития могут быть церковные академии. Образование в интересах устойчивого развития состоит в комплексной междисциплинарной и межгосударственной взаимосвязи, при этом «комплексный» означает не сложный, а имеющий отношение к системному взаимодействию. Высокая степень сложности дидактически должна быть сбалансирована элементаризацией. Так, например, сложные отношения всемирной экономики могут быть элементаризованы понятными ученикам примерами определенных производственных линий, напр.: выращивание, сбор урожая, торговля и потребление кофе, что в то же время имеет понятие отношение к миру, в котором живут учащиеся, способствуя их развитию (информация о дальнейших моделях педагогической разработки темы глобальной справедливости [25. S. 117–163]).

Навыки структурирования относятся к тем задачам, которым христианская социальная этика должна уделять особое внимание. Это важный междисциплинарный предмет [26]. Этика для сложных проблем современного общества, например, оценки последствий использования техники,

глобальной справедливости или этика средств массовой информации методологически понятна только на основе специфических навыков структурирования различных отраслей знаний. Мышление в комплексной взаимосвязи, в свою очередь, отражается на развитии технологий. Бог, являясь безграничным в сравнении с другими объектами, позволяет открывать себя лишь тогда, когда, учитывая все аспекты, человек не утверждает, что знает все. Теология и теологическая этика всегда находятся в смысловом соответствии. Таким образом, теологи, как «специалисты по главным и элементарным связям» (Karl Rahner) могут привести и в рамках образования в интересах устойчивого развития специфические навыки структуризации.

2.4. Способность действовать: революционная сила обучения посредством действий, являющихся частью системы сложного взаимодействия

Образование – процесс, в котором мы открываем для себя мир посредством своей деятельности и овладеваем знаниями и умениями. Он всегда нацелен на воспитание характера, то есть на процесс формирования положительных навыков поведения в отношении природы, вещей и близких людей [5]. Эти навыки и поведение не могут быть названы и определены как «цель обучения». Их можно приобрести и проявлять думая, чувствуя и действуя. Это происходит при отстаивании права на свою свободу и свободу других, проявляется в уважении достоинства близких и чужих людей, в ощущении счастья, в готовности к неожиданностям, в осознании историчности нашего существования, в бережном обращении с природой и в активной ответственности за общество [5]. Поэтому ответственности обучаются не как учебному материалу, ей обучаются при приобретении опыта и осуществления деятельности.

Образование для устойчивого развития должно создаваться на основе объединения научных знаний, знаний об ориентирах и действиях. Определяющим при этом является обратная связь процессов обучения на примере личного жизненного пространства с его специфическим опытом, формами коммуникации, возможностями деятельности. Для целевого повышения навыков деятельности требуется сочетать когнитивные процессы обучения с примерами личного опыта и практических действий социальной и экологической активности. Часто наблюдается нехватка не информации, а конкретной реализации для преодоления разрыва между знаниями и действиями. При необходимости полезным в данном контексте может быть противопоставление собственных требований и повседневных привычек общему мнению, страхам и догмам. Особенно полезными могут быть имитационные игры, которые иллюстрируют последствия собственного поведения в сложных системах, «мастерские будущего», которые способствуют обмену мнениями

по поводу страхов и желаний, связанных с будущим, и которые тематизируют личные мотивы для общественной активности или практические инициативы для экологической организации среды обучения. Важным элементом способности экологической деятельности является участие в политических и общественных процессах принятия решений. Востребованы ключевые навыки самостоятельной гражданско-общественной активности: способность групповой целенаправленной аргументации, ведения беседы, эффективной кооперации, смелого и конструктивного решения возникающих конфликтов, противостояния администрации, важным политическим комиссиям, экономическим предприятиям, умение организовать нужную информацию в масс-медиа и т. д.

Решающим в данном процессе является качество не быть парализованными этими знаниями о сложных взаимосвязях, а определить поле деятельности для собственной активности в обозримом будущем. Соотношение светского положения образования и воспитания в семье, школе, средствах массовой информации и обществе кардинально изменилось. При этом образование и воспитание сами подвержены сильным функциональным изменениям [28. S. 11]. Молодые люди создают сегодня свой мир, при помощи которого они фильтруют предлагаемые в школе, средствах массовой информации, семье и обществе знания, по типу коридора важности, значимости для себя [27. S. 21]. Они очень устойчивы к моральным претензиям, если последние не исходят от них, т. е. не имеют резонанса в их собственном мире. Поэтому шансы обучения социальной и экологической ответственности во многом зависят от того, получают ли дети и молодые люди опыт восприятия места обучения – школу, семью или общину, как жизненно важного, с которым можно связать их собственный мир посредством активного участия.

Усиление фактора практических занятий в процессе образования способствует его традиционному христианскому пониманию и одновременно требует обновления: Вера никогда не является только теоретическими знаниями, она всегда познается в контексте встреч и практики. Она – категория знаний, истинность которой требует подтверждения делами и визуализацией. Любовь и милосердие Господа должны доказываться в обращении с ближним, быть познанными, и знания о них переданы дальше. Вера, не имеющая подтверждения на практике собственной жизни, делает ее бессодержательной, пустой. Поэтому практика собственной жизни является основополагающей частью этико-теологического процесса. В области школьной педагогики предметом новой острой дискуссии о значимости практического обучения на жизненных примерах стало радикальное предложение Гартмута фон Гентига о перенесении одного или двух лет практических занятий в школе на пубертатный период учащихся (см. опублико-

ванный в июле 2007 г. Манифест «Проверка. Быть полезным на основании полезного опыта» («Bewährung. Von der nützlichen Erfahrung nützlich zu sein.») [24]). Даже если это сделано из лучших побуждений предложения альтернативного мнения, то в дальнейшем остается актуальной единая точка зрения относительно того, что все возрастающее уплотнение и ускорение школьного процесса обучения влияет на него контрпродуктивно, когда у молодых людей из-за большого количества уроков в течение недели почти не остается времени на получение личного опыта жизни.

3. Выводы с учетом отношений этики и образования в интересах устойчивого развития

3.1. Роль этики в педагогике устойчивого развития

Политические ожидания от внедрения основ этики и понимания жизненных ценностей в образовании в интересах устойчивого развития слишком высоки. Приблизительно такой представлена картина человечества в «Повестке дня 21» («Agenda 21») в смысле ответственности, умеренности и самоотречения. Несоответствие фактически определенным моделям поведения должно быть устранено воспитанием отношения к определенным ценностям. Тем самым педагогика ставит перед собой задачу компенсировать в обществе, экономике и политике недостаток ориентации на поиск согласия и применения этических норм. Безрезультативность подобного подхода предопределена. Платоническая идея стремления к добру сегодня, как и ранее, жива, облечена в педагогические амбиции, которые вместе с психологическими представлениями об эффективности создают избыточное моральное давление [28. С. 9–12]. С «педагогической этикой», в первую очередь, ассоциируется воспитание, как генерирование морали для преодоления индивидуальных недостатков и социального зла [28. С. 7]. Однако, воспитание не является инструментом, при помощи которого можно что-либо произвести, как в технике. Оно не может быть сформулировано при помощи объектов мировоззрения или политики [36. С. 16]. Утопические идеи переносятся из политических убеждений в процесс воспитания, хотя, само по себе, воспитание не может моделировать будущее состояние общества. [36. С. 22].

Отсутствие согласия по вопросу обоснования морали и педагогических теорий передачи знаний о ней, которое должно преодолевать все отрицательные моменты и разногласия в процессе обучения, частично компенсировано. Над воспитанием довлечет синдром больших ожиданий. Представления о морали имеют свои элементарные функции в современном обществе, несмотря на отсутствие полного согласия относительно их толкования. Тем не менее, первый вопрос «педагогической этики» состоит не в том, каким образом передается мораль, а чем может быть оправдан про-

цесс воспитания [36. S. 11]. Понимание воспитания только как применения общих этических присмов является заблуждением, которое ведет к фундаментальной ошибочной концепции. Образование не может быть функциональным для предусмотренных обществом целей, оно понимается как процесс свободного освоения знаний, ценностей и способностей, несущий их отпечаток. Осуществление свободы и суверенитета должны стоять на первом месте, ни одна другая из этико-политических целей не имеет столь благих намерений.

Педагогика – это не только инструмент реализации этических целей (хотя ориентация на свободу присуща отдельному пониманию этики, так что Оелькере ведет здесь частично мнимые дебаты. [2]). «Воспитание не передает ценности и нормы, а трансформирует темы морали в предмет коммуникативного процесса» [36. S. 15]. Оно всегда происходит в среде моральной коммуникации [36. S. 12], но, в то же время, не является просто частью моральных требований, которые стоит усвоить. По отношению к этике это взаимные ограничения, коррекция и дополнение: этические принципы следует понимать не только исходя из дедуктивных выводов обязательных для выполнения моральных тезисов, но и воспринимать их как индуктивно полученную коррекцию педагогической сферы обучения.

Ситуация обучения передает моральные обязательства по-своему. Она включает в качестве процесса полемики усвоение и трансформацию, присвоение и избавление, утверждение и критику, наставление и разъяснение, приучение к дисциплине и свободное определение. Мораль определяется не только содержанием, но, в той же мере, готовностью и открытостью к обучению. Не существует окончательного морального гомеостаза, как и идеального баланса, между правилами и их применением; в большинстве своем тезисы и атрибуты морали всегда условные предписания, которые постоянно дают повод для воспитания [36. S. 14]. Педагогическая этика не только дает ответы, она ставит вопросы и подвергает сомнению оценки. Она не стремится в первую очередь представить систему морали, а учит способности ставить свои вопросы и давать свои оценки.

Педагогика – среда морали, так же как и мораль, – среда педагогики. Только с учетом этой сложной взаимосвязи через этически-политические цели должна быть разграничена концепция этики образования от инструментализации образования. Это очень существенно именно для концепции устойчивого развития. Взаимная корреляция образования и этики может быть обоснована концепцией устойчивого развития. Она имеет характер не предварительно определенной цели, а открытого плюралистического процесса поиска, в котором в зависимости от культуры и индивидуальности определяется совершенно по-разному, что именно для каждого означает

«устойчиво развивающийся». Образование в интересах устойчивого развития всегда имеет две стороны: оно нацелено на передачу ценностей устойчивого развития, являясь инструментом реализации для этой модели; однако, одновременно оно может и должно быть критически настроенным и способным освобождаться от политических предрассудков и собственных моделей. Образование направлено на то, чтобы обучающиеся субъекты делали свой выбор, поэтому участие – это не только средство, но одновременно и цель устойчивого развития и, соответственно, образования для устойчивого развития.

Педагогическое задание состоит в рационализации дискуссий о морали и конфликтах. Речь идет об инципации и стандартах противоречий, а не об окончательных решениях [36. S. 14]. Последовательное обращение с сомнениями, откровенными вопросами, неуверенностью и разногласиями является очень важной частью этико-педагогического процесса обучения. Если исходить из того, что мораль не имеет окончательно сформулированной трактовки, окончательно преодоленных сомнений и различий, то она влечет за собой измененное определение отношений этики и педагогики: сам процесс обучения, готовность и открытость к обучению и изучению, является конститутивным признаком этики. При этом плюрализм различных концепций может быть важной защитой против морально-политического инструментализма образования. Этот плюрализм является определяющим именно для модели устойчивого развития, которое характеризуется процессом открытого поиска.

«Справедливость» является не естественным качеством, а представляет собой задачу воспитания [36. S. 14] и формирования общества. Мораль не закладывается в человеке естественным образом, дети не рождаются ни хорошими, ни плохими. Оба утверждения – мифы, которые не содержат реальной воспитательной работы. Мораль, как требование и система, должна быть представлена таким образом, чтобы ей можно было обучаться [36. S. 18]. По той причине, что мораль в современном обществе всегда вопрос спорный, ожидания от образования и воспитания постоянно возрастают. Состояние современного общества оставляет открытым вопрос о бесконечном количестве часто повторяющихся проблем морали, а также позволяет работать над конструктивной ролью сомнений, что требует постоянных усилий и повышает требования к педагогике [36. S. 19].

При этом относительно легко достичь единых целей (особенно, если останавливаться на общих формулировках, таких как «глобальная справедливость», «ответственность за грядущие поколения» или «сохранение природы»), однако, тяжело фактически действовать и обучать соответствующим действиям. Поэтому вопрос педагогической передачи знаний является не только проблемой применения заранее определенных норм, но

наряду с определенными аспектами составляет центральное понятие этики. Этика и педагогика должны междисциплинарно, обоюдно критиковать и обогащать друг друга (информация к понятию междисциплинарность [34. S. 72–87]). Каждая теория образования и воспитания несовершенна, имеет определенную направленность и применяет гипотезы эффективности [36]. Эти структурные признаки характерны и для этики. Понимаемая в этом контексте и сконцентрированная на сфере этико-политического образования, этика обучения является инновационным зерном концепции образования в интересах устойчивого развития.

3.2. Повышение гуманистически экологического значения общего образования, ориентированного на определенные ценности

Образовательно-политическая дилемма идейно нейтральных государств

Образование в интересах устойчивого развития означает повышенное внимание к нормативному содержанию всего общего этико-политического образования. Следовательно, возникает дилемма для идейно-нейтрального государства, если оно придерживается этой образовательной концепции: «Образовательно-политическая дилемма современного государства состоит в том, что оно, с одной стороны, по причине своего идейного нейтралитета не может определять нормы необходимой идейно сформированной цели общего образования, но, с другой стороны, на основании своей образовательно-политической ответственности, не имеет права допустить, чтобы система образования, как таковая, обесценилась, потому как существует угроза «размывания» ее основополагающей составляющей и превращения в беспорядочную и маргинальную» [1. S. 33].

Для преодоления этой дилеммы следует сделать предметом обсуждения ее этическое содержание, с тем, чтобы она оставалась плюралистической, а это предполагает необходимость простора для дискуссии и предоставление в культурной форме, специфически распределяя по группам, и в индивидуальном порядке доступного способа понимания и поля деятельности для устойчивого развития. Нейтральность не должна быть воспринята в системе образования, как ограничение или маргинализация этических и религиозных дискуссий. Это было бы концом образования в интересах устойчивого развития, потому что данная позиция представляет собой культурный переворот темы, в которой нормативные вопросы о справедливости, природе и ответственности за будущее, обладают субстанциальной ценностью: привычные формы хозяйствования, политики и образа жизни, отношения между промышленно развитыми и развивающимися странами, в которых идет процесс переосмысления с этической, философской и методической точки зрения позитивистской научной ориентации, а так-

же одномерного образа мышления современного оптимизма в отношении прогресса. При этом выясняется, что напряженные отношения между природой и цивилизованным развитием является одной из центральных проблем нашего времени. Однако невозможно и бессмысленно все это навязывать системе образования в качестве дополнительной информации для обучения. Соответствующий вывод концепции устойчивого развития для системы образования находится в плоскости этической интеграции различных процессов изучения.

Главным является «этический поворот», совершенный при помощи методически-дидактической инновации. Для этого имеются следующие основания [48. S. 150–172]:

1. Эмпирические исследования показали, что распространение экологических знаний едва ли ведут к экологически благоприятным действиям. Решающее значение все больше приобретают такие общие этические и культурные факторы, как социальная активность, привязка процесса обучения к индивидуальному миру человека с его специфическим жизненным опытом, формами коммуникации и возможностями деятельности [14; 15]. Для преодоления пропасти, разделяющей знания и действия, которая особенно отчетливо проявляется в области экологии, недостаточно «зеленого поворота», прежде всего, необходимо определение и передача знаний о ценностях для осуществления «культурного поворота» [15. S. 175–177]. Устойчивое развитие требует реализации решений, которые вытекают из основополагающих эτικο-культурных вопросов индивидуального и общественного жизненного уклада.

2. Ключ концепции устойчивого развития – шаг от защиты окружающей среды к интегративной и инновационной дискуссии о поставленных целях общественного развития. Тем самым, экологическая проблематика связана с основополагающими этическими вопросами (справедливость, новые модели благосостояния, профилактика будущего и т. д.). Речь идет в основном о процессе формирования сознания и обучения соответствующим ключевым навыкам.

Образовательные институции должны критически пресекать эти повышенные эτικο-политические ожидания, но, в то же время, использовать их в качестве потенциальных возможностей.

3. Общественные экологические дискуссии зачастую блокируются потому, что естественнонаучная экология может предоставлять информацию об опасностях и разрушениях, не давая при этом соответствующие действительные знания для изменения общества [47. S. 25–44]. Поэтому существует потребность в критической теории для упорядочивания аналитических естественнонаучных, социально-научных и нормативных элементов. Именно

это и является важным заданием этики, которая, с одной стороны, может показать трансграничные или изолированные экологические запросы, с другой стороны – условия и шансы новой этической ориентации на цели устойчивого развития.

4. Целью образования и воспитания является интеграция имеющихся в распоряжении знаний и ориентационные понятия и, что способствует более тесному объединению процессов формирования, воспитания и образования. При этом этика рассматривается не как беспрекословно ценное предписание, а как обоснованная реализация и как перспектива актуальной деятельности. Необходим интенсивный диалог между педагогикой и социальной этикой, с тем, чтобы включить этику, мотивированную в этом контексте, в процессы обучения.

Такой «этический поворот» и расширение экологической педагогики является ключом к формированию и воспитанию в интересах устойчивого развития. Речь идет в основном, о вопросе роли этики в образовании. При этом «этический поворот» необязательно означает большее количество моральных импульсов, а задно и исключает заранее морализирующие примеры мышления. Востребовано критическое этико-педагогическое отражение условий, возможностей и границ педагогической передачи навыков ответственности. Задание этики, в первую очередь, критическое, затем интегрирующее и только потом, на этой основе, и мотивирующее [2. S. 189–197].

Устойчивое развитие – вопрос общего, а не специального образования (как это ошибочно воспринимается при трактовке его только как предмета профессионально-специфической, устойчиво-политической дискуссии). Неоспоримо, что в современной науке необходимы дифференциация и специализация. Но без встречных усилий в направлении интеграции этих высоко-специализированных знаний и умений в фундаментальную всемирную ориентацию и экзистенциальное просвещение академическое образование является фрагментарно-дефицитным, абстрактным и, в конечном итоге, функциональным (инструментальным). При этой ограниченности ему не хватает умения оценивать собственную социальную актуальность с научной и технико-этической точки зрения [1]. Как концепция образования, понятие структуры также недостаточно расшифровано с системно-теоретической позиции. Его специфическое содержание становится гораздо понятнее лишь в контексте этической интеграции специальных профессиональных знаний во всеобъемлющие взаимосвязи общего образования и его этических вопросов мировоззрения.

Стремление → это концентрация на важнейших аспектах, на прочной основе базовых знаний и рекомендаций, а также на ключевой квалификации для различных сфер деятельности, которые обретают новое значение

в контексте устойчивого развития. Будущее принадлежит хорошо подготовленным специализированным универсиалам, основательные профессиональные знания которых связаны со способностью открывать новые взаимодействия и решать актуальные проблемы и задания [37]. Образование в интересах устойчивого развития должно предполагать не передачу пригодных для использования на рынке труда квалификационных умений, а концепцию образования, смысл которой заключен в цели самой. В определенной мере оно должно находиться в состоянии покоя, при котором свобода и достоинство учащихся уважаемы и востребованы, а не воспринимаются в качестве гуманитарного капитала и ресурсов будущего общества. Односторонняя ориентация на будущее способна обеспечить настоящее. Образование имеет цель и одновременно является целью. Только если в центре внимания образования в интересах устойчивого развития находится концепция этически ориентированного общего образования, воспринимаемая как самоцель, оно может избежать разрушения связанных с ним гетерогенных элементов и целей.

3.3. Возможная роль теологической этики в рамках Хартии Коперника для устойчивого развития высшего образования

Уже после принятого в 1994 году решения Европейской конференции ректоров о создании Хартии Коперника в интересах устойчивого развития как модели развития вузов через исследования, теорию, управление и общественную коммуникацию, в 90-х годах вузы принадлежали к числу двигателей, дающих импульс для концепции образования в интересах устойчивого развития [12]. Поскольку этические вопросы при этом играют ведущую роль, то до сего времени имеющая место сдержанность теологии и социальной этики требует, по крайней мере, оправдания (Из теологических факультетов к Хартии Коперника к ним присоединились Григорианский университет в Риме и Высшая философско-теологическая школа в Бенедиктбойерн). Во внеуниверситетской сфере евангельского и католического образования для взрослых в Германии, Австрии и Швейцарии имеются действующие в течение многих лет инициативы для образования в интересах устойчивого развития, вплоть до многолетних образовательных курсов слушателями которых являются церковные сотрудники.

Для вузов модель устойчивого развития выдвигает новые требования. Для того, чтобы внести свой вклад в устойчивое развитие общества они должны объединять специализированные предметные умения и ориентированные на проблемы, систематические, интегрированные методы обработки и изучения не только в научном исследовании, но и в теории – так задекларировано в Любекской декларации «Вузы и устойчивое развитие» (Конференция северо-немецкого партнерства в поддержку Декады ООН

2005 г.) [31]. Это требует новых межпредметных, междисциплинарных научно-исследовательских структур обучения. Одновременно вузы должны преобразовываться в устойчиво, последовательно развивающиеся объекты жизни и работы. Эти требования должны быть рассмотрены должным образом. Различные виды деятельности распространены на процессы экологизации всей высшей школы (напр. Люнебург) от образования рабочих групп для устойчивого развития вузов (например HAW Гамбург) до закрепления устойчивого развития в гражданских соглашениях между министерствами и вузами, а также разработка соответствующих программ содействия (напр., Шлезвиг-Гольштейн). Следствием этого является наличие разнообразных методов реализации интеграции аспектов устойчивого развития в отдельных исследовательских проектах, в программах обучения и в концепциях научного повышения квалификации. В этом контексте сотрудничают учреждения вузов в региональных и межрегиональных структурах устойчивого развития. Однако в большинстве вузов до сих пор не происходит систематических дискуссий по вопросу их отношения к требованиям устойчивого развития в сфере научных исследований, теории и передачи знаний. Причиной этого, согласно Любекской Декларации, кроме прочего, является и сама тематика, которая во многих сферах не уточнена и мало представлена общественности. Эти упущения Декларация стремится ликвидировать посредством следующих действенных предложений.

1. В дискуссии с общественностью способность участия в процессах ориентации на устойчивое развитие требует улучшенного образования и передачи знаний. Навыки межкультурного взаимопонимания и сотрудничества должны быть более развиты, до 2010 г. аспекты устойчивого развития включены в программы обучения вузов, а преподаватели подготовлены к выполнению этих задач посредством соответствующих целевых соглашений и мероприятий по повышению квалификации.

2. Вузы должны осуществить самокритичную проверку их междисциплинарного потенциала и сравнить их в процессе дискуссии с другими заведениями, имея целью определить соответствующие области исследования и стратегии для будущего. Сложные взаимодействия между человеком и окружающим миром, как и глобальные проблемы человеческого сосуществования должны решаться осмысленно при помощи знаний духовных, экономических, социальных наук и науки о поведении. Это даст возможность разработать интер- и трансдисциплинарные прикладные программные модели.

3. Согласно различным профилям вузов им будет предложено разработать концепцию устойчивого развития и план ее реализации при участии их сотрудников. Этот процесс должен укорениться в отдельных вузах, с тем, чтобы устойчивое развитие стало прочной составляющей их самосознания до 2010 года.

4. При аккредитации новых курсов обучения и эволюции научных исследований устойчивое развитие должно быть интегрированной составляющей образования, его существенным критерием. Для этого аккредитационному совету, конференции министерств культуры (КМК), научным советам должно быть предложено проведение соответствующего обсуждения.

5. Налаживание регионального и межрегионального сотрудничества с представителями ориентированных на будущее сил в экономике, организациях и политике в рамках структуры устойчивого развития.

6. От руководства вузов требуется определить цели стабильного образования и передачи знаний, отраженные в планах развития вузов и конкретные шаги по их реализации.

Здесь приведены только некоторые из постулатов и предложений Любекской декларации вузов. Специфический вклад теологии в этой сфере может быть внесен посредством уточнения и ограничения концепции этики образования, которая является частичным отражением «местных» руководящих принципов программы (ключевые навыки для устойчивого развития) [4]. Это шанс для объяснения вклада теологической этики в развитие вузов и одновременно извлечения пользы из этого междисциплинарного и общественного контекста с учетом методов обучения, финансирования и присутствия общественности. Дискуссия об устойчивом развитии – это до сих пор мало признанный шанс активного и конструктивного ответа на разнообразные запросы о роли теологии в вузах.

Вузы – центральное место общественного самоанализа. Их автономия зависит от предназначения независимого анализа осмысленных научно-исследовательских и образовательных целей. Для этого устойчивое развитие является в настоящее время необходимой перспективой, относительно которой может быть обоснованно отклонена преждевременная функционализация понимания науки, образования и обучения и определена правильная степень адаптации к ожиданиям рынка труда и общественным интересам. Критический анализ роли этики в различных программах образования в интересах устойчивого развития является вкладом в независимость вузов. Они не должны принимать определение общественной ответственности, привнесенное извне, а сделать его предметом научного исследования и развития вузов, также при помощи модели устойчивого развития.

Литература

1. Anzenbacher A. Bildungsbegriff und Bildungspolitik. In: Jahrbuch für Christlicher Sozialwissenschaften 40/1999: Bildung und Bildungspolitik, hrsg. von K. Gabriel, Münster. 1999. – S. 12–37.

2. Auer A. *Autonome Moral und christlicher Glaube*, 2. Aufl. Düsseldorf, 1989;
3. Bacon S. *Die Macht der Metaphern. The Conscious Use of Metaphor in Outward Bound*, übersetzt und eingeleitet v. C. Schödlbauer, 2. Aufl. Augsburg, 2003.
4. Barth, M./Godemann, J./Rieckmann, M./Stoltenberg, U. *Developing key competences for sustainable development in higher education*, in: *International Journal of Sustainability in Higher Education* Vol. 8 (4), 2007. – S. 416–430.
5. Beck, J. «Kinder werden oft nur als defizitäre Wesen gesehen». Interview mit H. Levens, in: *Psychologie heute* 3/2005. – S. 50–54.
6. Böggeholz, S. *Qualitäten primärer Naturerfahrung und ihr Zusammenhang mit Umweltwissen und Umwelthandeln (Ökologie und Erziehungswissenschaften Bd. 5)*, Opladen, 1999.
7. Brämer, Rainer *Jugendreport Natur '03. Nachhaltige Entfremdung*, <http://www.staff.uni-marburg.de/%7Ebraemer/rep03.pdf> (Zugriff: 10.3.2008), 2003.
8. Bundesministerium für Bildung und Forschung UN-Dekade «Bildung für nachhaltige Entwicklung», www.bmbf.de/de/3840.php (Zugriff: 10.3.2008), 2008.
9. Bundesministerium für Umwelt, Naturschutz und Reaktorsicherheit (BMU) (Hrsg.) *Konferenz der Vereinten Nationen für Umwelt und Entwicklung im Juni 1992 in Rio de Janeiro – Dokumente (Agenda 21; Konventionen; Rio-Deklaration, Waldklärung)*, Bonn, 1992.
10. Cassirer, E. *Philosophie der symbolischen Formen*, 10. Aufl. (Nachdruck der 2. Aufl. von 1953), Darmstadt, 1994.
11. Cornell, J. *Auf die Natur hören. Wege zur Naturerfahrung*, Mülheim, 1991.
12. Copernicus: *Copernicus Charta*, Genf (auch unter: www.eco-campus.net/declarat/coper.htm), 1994.
13. De Haan, G. *Bildung für nachhaltige Entwicklung – ein neues Lern- und Handlungsfeld*, in: *UNESCO heute* 1/2006. – S. 4–8.
14. De Haan, G. u. a. *Umweltbildung als Innovation. Bilanzierungen und Empfehlungen zu Modellversuchen und Forschungsvorhaben*, Heidelberg, 1997.
15. De Haan, G./Kuckartz, U.: *Umweltbewußtsein*, Opladen, 1996.
16. Deutsche UNESCO-Kommission e.V.: *Hamburger Erklärung der Deutschen UNESCO-Kommission zur Dekade der Vereinten Nationen «Bildung für nachhaltige Entwicklung» (2005–2014)*, www.unesco.de/hamburger-erklaerung.html?&L=0 (Zugriff: 10.3.2008), 2003.
17. Deutsche UNESCO-Kommission e.V.: *Bildung für nachhaltige Entwicklung. Weltdekade der Vereinten Nationen 2005–2014*, www.bne-portal.de (Zugriff: 10.3.2008).
18. Dittmar, U./Scholz, M./Scholz, C.: *Kirche unter freiem Himmel*, in: *erleben & lernen* 3&4/2001 (Themenheft zu «Kirche unter freiem Himmel»), 2001. – S. 4–9.

19. Freie Universität Berlin, Arbeitsbereich Erziehungswissenschaftliche Zukunftsforschung: Transfer-21. Bildung für eine nachhaltige Entwicklung. www.transfer-21.de (Zugriff: 10.3.2008).
20. Gadamer, H.G.: Wahrheit und Methode. Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik, 4. Aufl. Tübingen, 1975.
21. Gebhard, U.: Kind und Natur. Die Bedeutung der Natur für die psychische Entwicklung, Wiesbaden, 2001.
22. Goleman, D.: Emotionale Intelligenz. München, 1997.
23. Heckmair, B./Michl, W.: Erleben und Lernen. Einstieg in die Erlebnispädagogik, 3. Aufl. Neuwied, 1998.
24. Henting, H.: Bewahrung. Von der nützlichen Erfahrung nützlich zu sein. München, 2007.
25. Herz, O./Seybold, H./Strobl, G. (Hrsg.): Bildung für nachhaltige Entwicklung. Globale Perspektiven und neue Kommunikationsmedien, Opladen. 2001.
26. Höhn, H.-J. (Hrsg.): Christliche Sozialethik interdisziplinär, Paderborn, 1997.
27. Horster, D.: Wer hat Angst vor Niklas Luhmann? Er hat doch nur die Wahrheit über die Schule gesagt. – Luhmanns soziologisch Erziehungstheorie, in: Horster, D./ Oelkers, J. (Hrsg.): Pädagogik und Ethik, Wiesbaden, 2005. – S. 133–147.
28. Horster, D./Oelkers, J.: Einleitung, in: dies. (Hrsg.): Pädagogik und Ethik, Wiesbaden, 2005. – S. 7–22.
29. Jüngel, E. Gott als Geheimnis der Welt, Tübingen, 1977.
30. Katholische Arbeitnehmerbewegung Deutschlands (KAB)(1992)(Hrsg.): Texte zur Katholische Soziallehre, 8. Aufl. Kevelaer.
31. Konferenz der Norddeutschen Partnerschaft zur Unterstützung der UN-Dekade: Bildung für Nachhaltige Entwicklung (NUN): Lübecker Erklärung «Hochschulen und Nachhaltigkeit», Lübeck, 2005.
32. Mertens, G. (1998): Umwelten. Eine humanökologische Pädagogik, Paderborn.
33. Michelsen, G./Godemann, J. (Hrsg.): Handbuch Nachhaltigkeitskommunikation. Grundlagen und Praxis, München, 2005.
34. Mittelstraß, J.: Der Flug der Eule. Von der Vernunft der Wissenschaft und der Aufgabe der Philosophie. Frankfurt, 1989.
35. Müller, J.: Recht auf Bildung als Voraussetzung für das Recht auf Entwicklung. Bildungspolitik zwischen globaler und lokaler Kultur, in: Jahrbuch für Christlicher Sozialwissenschaften 40/1999: Bildung und Bildungspolitik, hrsg. von K. Gabriel, Münster, 1999. – S. 38–59.
36. Oelkers, J.: Pädagogische Ethik. Eine Einführung in Probleme, Paradoxien und Perspektiven, Weinheim, 1992.

37. Schavan, A.: Gesellschaftlicher Wandel als Herausforderung der staatlichen Schulpolitik, in: *Jahrbuch für christliche Sozialwissenschaften*, Bd. 40, 1999, – S. 60–76.
38. Schulze, G.: *Die Erlebnisgesellschaft. Kultursoziologie der Gegenwart*, Frankfurt, 1992.
39. Sen, A.: *Ökonomie für den Menschen. Wege zu Gerechtigkeit und Solidarität in der Marktwirtschaft*, München/Wien (Original: *Development as Freedom*, New York 1999), 2000.
40. SRU [Der Rat von Sachverständigen für Umweltfragen]: *Umweltgutachten 1994: Für eine dauerhaft-umweltgerechte Entwicklung*, Stuttgart, 1994.
41. Staatsinstitut für Schulpädagogik und Bildungsforschung München: *Klassenzimmer Natur. Schullandheimaufenthalte mit ökologischem Schwerpunkt*, München, 1994.
42. Stoltenberg, U.: Nachhaltigkeitskommunikation bezogen auf Bildungsinstitutionen für Kinder unter sechs Jahren, in: Michelsen, G./ Godemann, J. (Hrsg.): *Handbuch Nachhaltigkeitskommunikation*, München, 2005, – S. 775–786.
43. Treptl, L.: Ökologie als Heilslehre: Zum Naturbild der Umweltbewegung, in: *Politische Ökologie* 25 (12/1991), 1991, – S. 39–45.
44. Trommer, G.: *Natur im Kopf. Die Geschichte ökologisch bedeutsamer Naturvorstellungen in deutschen Bildungskonzepten*, 2. Aufl. Weinheim, 1993.
45. UNECE (Wirtschafts- und Sozialrat der Vereinten Nationen), *Wirtschaftskommission für Europa, Ausschuss für Umweltpolitik: UNECE-Strategie über die Bildung für nachhaltige Entwicklung*, www.unecce.org/env/esd/strategytext/strategyingerman.pdf (Zugriff: 10.3.2008), 2005.
46. *Verband Bildung und Erziehung/ Deutscher Naturschutzring (Hrsg.): Umweltbildung vor neuen Herausforderungen oder «megaout»? Berlin, 2000.*
47. Vogt, M.: Ökologie als Gesellschaftskritik?. Zur normativen Relevanz der Ökologie, in: B. Köstner, B./Vogt, M. (Hrsg.): *Mensch und Umwelt. Ein komplexe Beziehung als interdisziplinäre Herausforderung*, Dettelbach, 1996, – S. 25–44.
48. Vogt, M.: *Denkanstöße für eine «ethische Wende» der Umweltbildung*, in: *Jahrbuch für christliche Sozialwissenschaften*, Bd. 40, 1999, – S. 150–172.
49. Vogt, M.: *Natur erleben*. In: *rhs (Religionsunterricht an höheren Schulen)* 5/2004, – S. 277–286.
50. Ziegenspeck, J.: *Erlebnispädagogik*, Lüneburg, 1992.
51. www.bnc-portal.de.

Процесс становления Института эколого-религиозных студий Ужгородского национального университета

Процесс становления Института в течение 10 летнего периода (с 2001 по 2012 годы) прошел через ряд важных этапов. В результате реализации ССЕС уникального проекта (1999–2004 гг), целью которого было исследование вопроса «экологического призвания» христиан. Римско-католическая конференция епископов Украины в 2000 году создала Комиссию по экологии и мигрантам, а при Мукачевской греко-католической епархии (имеющая статус *sui juris*) была в 2004 году создана Комиссия по экологии. Для организации работы вышеупомянутых комиссий и улучшения связей с общественными и научными организациями, властью, природоохранными органами и нами была в том же 2004 году создана общественная организация Благотворительный фонд «Церковь и окружающая среда». Все прошедшие 12 лет длился тяжелый, но непрерывный процесс становления Комиссий по экологии при церквях Украины, привлекались лучшие специалисты, выкристаллизовывались направления работы, определялись задачи, были заложены основы формирования экологической библиотеки и видеотеки, было проведено значительное число конференций и международных форумов, издана соответствующая литература.

Поскольку большинство волонтеров, способствовавших развитию работы экологических комиссий при Церкви в Украине, были работниками Ужгородского национального университета (УжНУ), то логически именно при этом университете, для лучшей координации действий, с помощью LMU (Университет Людвига Максимилиана, Мюнхен) и финансовой поддержке DBU (Немецкий федеральный фонд по охране окружающей среды, был создан Информационный центр (2009–2012 г.), www.church-nature.ucoz.ru). Общественные запросы на работу Информационного центра и итоговый резонанс результатов его деятельности привели к удачному превращению Центра в Институт эколого-религиозных студий при УжНУ www.ie-rs.org. Финансовую поддержку работы Института оказала немецкая организация RENOVABIS.

Среди задач Института значится эффективное использование интеллектуального потенциала, а также финансовых, материально-технических и трудовых ресурсов Ужгородского национального университета для содействия повышению качества подготовки специалистов и научно-педагогических кадров в решении актуальных экологических, эколого-образовательных и эколого-воспитательных проблем, как в Украине, так и на *постсоветском пространстве*.

На Институт возлагаются также задачи по выполнению комплексных исследований проблем экологических взглядов различных религиозных традиций, проведение исследования взаимосвязи образования, экологии, религии, культуры и экологического воспитания молодежи и взрослого населения; влияния содержания, форм, методов обучения и воспитания на развитие и формирование экологического мировоззрения человека в общекультурном контексте – как интеграцию личности с экологической, профессиональной и духовной культурой.

Среди главных направлений деятельности Института можно выделить следующие:

1. Развитие приоритетных научных направлений на стыке экологии и религии;
2. Изучение межконфессионального диалога в вопросах сохранения окружающей среды;
3. Исследование проблематики значения и влияния религии в решении глобальных экологических вызовов 21-го века;
4. Выявление путей и возможностей экологического воспитания, образования и просвещения в различных социальных институтах (дошкольные учреждения, школы, ВУЗы, Церковь, общественные объединения);
5. Подготовка кадров, в том числе и высшей квалификации, в области экологического богословия;
6. Исследование, систематизация, распространение и использование в образовании экологических идей христианских и других духовных мыслиглей;
7. Выявление в священных религиозных текстах разных церквей идей охраны природы и экологических проблем;
8. Подготовка и публикация совместных научных работ – статей, монографий, учебников, пособий, специализированных молитвенников, программ учебных дисциплин (в печатном и электронном видах);
9. Проведение научных конференций, симпозиумов, семинаров, школ и других научных форумов по тематике Института;
10. Внедрение практических результатов совместных научных и научно-образовательных проектов в общественную практику и учебный процесс.

В задачи Института входит также поддержка и развитие научных и деловых связей с научными, научно-образовательными учреждениями и общественными организациями, как Украины, так и зарубежных стран.

Считаем необходимым отметить важный вклад в становление и развитие Института эколого-религиозных студий при Ужгородском национальном университете профессора Маркуса Фогта (ЛМУ, Мюнхен), который, вместе со своей командой, в течение всего этого периода оказывал практическую помощь в работе Комиссий по экологии при Церквях Украины, а также Информационного центра при Университете. Отметим также, что вся эта помощь базировалась на волонтерских началах, которая заслуживает нашей глубокой благодарности.

Др. Александр Бокотей,
соучредитель и Исполнительный директор
Института эколого-религиозных студий
при Ужгородском национальном университете,
Украина.

Process of formation of the Institute of studies in ecology and religion

During the decade from 2001 through 2012 the process of formation of the Institute of Studies in Ecology and Religion has passed off a number of significant phases. As a result of the fulfilment of a unique project by CCEE (1999–2004) aimed to study the problem of «ecological mission» of Christians, in 2000 the Roman Catholic Conference of Ukrainian Bishops created the Commission on Ecology and Migrants, and in 2004 the Commission on Ecology was created at Mukachevo Greek Catholic Diocese having *sui juris* status. To organize the work of the Commissions and improve their relations with non-governmental and scientific organizations, administration, environmental bodies and us, in the same 2004 a non-governmental organization called «Church and Environment» Charitable Foundation was organized. During all the 12 years that have passed, a difficult but persistent process of establishing the Commissions on Ecology at Ukrainian churches went on, the best experts were invited, the trends of work were ascertained, the objectives were defined, ecological and video libraries were initiated, a considerable number of conferences and international forums were held, and the relevant literature was published; Since the greater part of volunteers contributing the development of work of the Commissions on Ecology at Ukrainian churches were workers of Uzhgorod National University (UzhNU), it is natural enough that it was at this university where the Information Centre was organized for better co-ordination of actions (2009–2012; www.church-nature.ucoz.ru) with the assistance of LMU (Ludwig-Maximilians-Universität München) and the financial support of DBU (Deutsche Bundestiftung Umwelt). The public demands for work of the Information Centre and the resulting effect of its activity have given rise to its turning into the Institute of Studies in Ecology and Religion at UzhNU (www.ie-rs.org). The financial support to the work of the Institute was given by the German organization of RENOVABIS. Among the tasks of the Institute there is effective using of the intellectual potential as well as financial, material, technical and labour resources of Uzhgorod National University to promote higher quality of training specialists and academic staff for solving urgent problems of ecology, ecological upbringing and education both in Ukraine and in the post-Soviet area. The Institute is also commissioned to fulfil complex studies in the problems of ecological views in different religious traditions, to investigate the relationship of education, ecology, religion, culture and ecological upbringing of young and adult population, the influence of content, forms and methods of teaching and education on development and formation of ecological outlook of man in terms of general culture – as the integration of people into a society with ecological, professional and spiritual culture.

Among the main trends of the Institute's activity we can point out the following: development of the priority trends on the borderline of ecology and religion; studies in the interreligious dialogue as to the protection of environment; investigation of the problems concerning importance and influence of the religion in solving global ecological challenges of the XXI century; finding out the ways and possibilities for ecological upbringing and education in various social institutes (pre-school institutions, schools, higher educational establishments, Church, public organizations); training specialists in the field of ecological theology including those of higher qualification; Investigation, systematization, dissemination and application in training of ecotheological ideas of Christian and other ecclesiastic thinkers; Finding out the ideas of nature protection and ecological problems in holy religious texts of different Churches.

Joint preparation and publication of scientific works – articles, monographs, textbooks, manuals, specialized prayers, programs of educational disciplines (both in print and in electronic forms); holding of scientific conferences, symposia, seminars, schools and other scientific forums on topics of the Institute; introduction of the practical results of joint scientific and educational projects in social practice and the learning process.

The tasks of the Institute also include the support and development of scientific and business links with the academic, scientific and educational institutions and public organizations both in Ukraine and in foreign countries.

It is necessary to acknowledge the important contribution to the formation and development of the Institute of Studies in Ecology and Religion at Uzhgorod National University made by Professor Markus Vogt LMU (Ludwig-Maximilians-Universität München) who with his team throughout this period, provided practical assistance in the work of the Commissions on ecology at the Churches of Ukraine, as well as of the Information Centre at the University. It should be noted that all this assistance was rendered on a volunteer basis, which deserves our deep gratitude.

Dr. Alexander Bokotey,
Co-founder and Executive Director,
Institute of studies in ecology and religion
at Uzhgorod National University,
Ukraine.

Bibliography and translators

1. Bildung für eine nachhaltige Entwicklung, in: Edmund Arens/Dieter Hermann/Christof Mandry/Markus Vogt/Frank Wistuba: Kirche, Theologie und Bildung (Theologische Berichte 32, hrsg. von Hans Münk und Michael Durst), Freiburg/Schweiz: Paulus, 2009. – S. 149–182.
2. Die Zukunft beginnt jetzt! Dimensionen der Nachhaltigkeit, in: Renöckl, Helmut (Hrsg.), Die Zukunft beginnt jetzt! Sozialethische Perspektiven, Wien 2010, 11–29.
3. Energie für Morgen – Perspektiven für den Übergang in eine postfossile Wirtschaft, in: Kirche und Gesellschaft 378. März. 2011. – S. 3–16.
4. Evolution und Schöpfung. Ergänzung oder Gegensatz?, in: Gerhardt, V., Lucas, K. and Stock, G. (Hrsg.), Evolution. Theorie, Formen und Konsequenzen eines neuen Paradigmas in Natur, Technik und Kultur. Schriften der Berlin-Brandenburgische Akademie der Wissenschaften. Akademie-Verlag, Berlin, 2011. – S. 173–183.
5. Markus Vogt/Joachim Hamberger: Nachhaltigkeit braucht MUTation, in: Eberhard von Kuenheim Stiftung der BMW AG (Hrsg.), Verantwortung unternehmen – nachhaltig wirtschaften, Heidelberg, 2011. – S. 19–27.
6. Markus Vogt/Jochen Ostheimer: Staatsaufgabe Umweltschutz?, in: Konrad Hilpert / Ulrich Schroth (Hgg.), Politik – Recht – Ethik. Vergewisserungen aus der Vergangenheit und Perspektiven für die Zukunft, Stuttgart: Kohlhammer, 2011. – S. 166–185.
7. Naturvorstellungen in der Moderne: Zwischen Wertvorstellungen und Weltbildern, in: Politische Ökologie 99: Die Zukunft der Natur (Sonderausgabe hrsg. von Wolfgang Haber), 3/2006. – S. 12–16.
8. Renaissance der Sozialen Marktwirtschaft, in: KKV Bayerischer Landesverband der Katholiken in Wirtschaft und Verwaltung (Hrsg.), Renaissance der Sozialen Marktwirtschaft – Hoffnungszeichen für eine gerechtere Welt, Nürnberg, 2010. – S. 6–26.
9. Sozialdarwinismus. Zur Wechselwirkung zwischen Naturauffassung und Sozialtheorie, Theologie und Glaube 99 (4/2009, Darwin: Evolution – Theologie – Philosophie), 2009. – S. 548–571.
10. The text of this book was translated by Dey Lena and Lugovoy Alexey (translated from the German), Julia Dougherty and Eleonara Mixajljova (English introduction).
11. The most chapters of this book were first published as single handed essays in different contexts. In the following you can find the places of first publishing: not publishing.
12. Worin besteht die theologische Kompetenz im Umweltdiskurs? in: Christophorus 56; 1. März. 2011. – S. 13–21.

13. Weltklimavertrag. Ethische Koordinaten für Klimaschutz und Armutsbekämpfung, in: I. Gabriel u.a. (Hrsg.), Weltordnungspolitik in der Krise. Perspektiven Internationaler Gerechtigkeit, Paderborn: Schöningh, 2011. – S. 111–130.
14. Станут ли Чернобыль и Фукусима поворотными пунктами в оценке атомной энергии?: Материалы международной научно-практической конференции «Ответственность за Творение и энергетические вызовы современности». Изд-во: Говерла, Ужгород, 2011. – С. 43–60.

Научное издание.

Сборник материалов проф. Маркуса Фогта (Университет Людвиг
Максимилиана)

Экологическая этика. Место человека в природе

Перевод с немецкого

Составление – Бокотей Александр

Верстка, макетирование – Биланич Михаил, Зизда Юлия

Перевод с английского – Михайлева Елеонора

Перевод с немецкого – Дей Лена, Луговой Алексей

Коректура и техническое редактирование – Луговая Ольга

Дизайн обложки – Фогт Маркус

Формат 60x84/16. Ум. друк. арк. 14,65. Бумага «Novell»

Тираж 2000 экз.

Отпечатано ПП «Повч Р. М.»

Украина, г. Ужгород, ул. Великокам'яна, 31

Свидетельство о внесении в государственный реестр издателей,
изготовителей и
распространителей издательской продукции -

УДК 504.03

ББК 61